Казахстан

в эпоху феодализма

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Институт истории, археологии и этнографии
им. Ч. Ч. Валиханова

В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

(Проблемы этнополитической истории)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА · 1981

Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981, 192 с.

В книге освещены вопросы социально-экономической и этнополитической истории и истории культуры Казахстана в эпоху феодализма. Рассмотрены вопросы расселения карлуков, образования казахских жузов и казахской государственности, освещены взаимоотношения Казахского ханства с Могулистаном и Шайбанидами во второй половине XV в. и в конце XVI в. Книга содержит научные сообщения об институте султанов, о ликвидации ханской власти в Казахстане. Публикуются материалы уникального монетно-вещевого клада XIII в. из Отрара, актовые и хозяйственные документы XIX в. из г. Туркестана.

Книга рассчитана на историков, востоковедов, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, а также на всех интересующихся историей Казахстана.

Ответственный редактор

академик АН КазССР А. Х. МАРГУЛАН

К $\frac{10604—131}{407(07)—81}$ 8.80.0505040000

©Издательство «Наука» Казахской ССР, 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Достижения исторической науки Казахстана, в особенности за последние 20 лет, обобщены в многотомной «Истории Казахской ССР», в которой систематизированы основные вопросы древней и средневековой истории Казахстана [1].

Вместе с тем в изучении прошлого Казахстана еще немало сложных и дискуссионных проблем, затрагивающих значительный круг вопросов социально-экономической, этнополитической и культурной истории. Дальнейшее успешное исследование многих кардинальных проблем древней и средневековой истории Казахстана в ближайшей и отдаленной исторической перспективе находится в прямой зависимости от состояния источниковедческой базы, основанной на восточных средневековых письменных источниках. Особое внимание при этом необходимо уделить комплексному подходу в освещении того или иного вопроса, предполагающему привлечение совокупности данных смежных гуманитарных дисциплин.

Настоящий сборник по своей тематике охватывает огромный исторический период — с X по XIX в. Несмотря на кажущееся разнообразие включенных в него статей, они объединены внутренней общностью тематики и дают характеристику этнополитической и социальной истории Казахстана в эпоху феодализма. Источниковедческая база публикуемых статей основана на нарративных и актовых источниках на арабском, персидском и китайском языках, а также архивном, нумизматическом и археологическом материалах.

При составлении сборника материал комплектовался с учетом трех главных критериев: 1) перевод письменных средневековых источников на восточных языках; источниковедческий анализ; введение в научный обиход новых письменных и нумизматических материалов; 2) этнополитическая и социально-экономическая история; вопросы исторической географии;

[1] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 1—3. Алма-Ата, 1977—1979.

3) статьи, посвященные дискуссионным и слабо разработанным проблемам.

Четыре публикации представлены по первому пункту. Это перевод раздела о кимаках и карлуках из новейшего критического издания важнейшего памятника арабской географической литературы «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» ал-Идриси (XII в), перевод отрывка из исторического персоязычного сочинения «Тарих- и аламара-йи Аббаси» Искандара Мунши (XVII в.) с интерпретацией сведений о казахско-среднеазиатских политических взаимоотношениях; впервые публикуется группа хозяйственных и актовых документов на персидском языке, имеющих отношение к вакфам мавзолея Ахмада Ясави; вводится в научный оборот интересный клад серебряных вещей и монет второй трети XIII в., обнаруженный в окрестностях городища Отрар-Тобе.

По второму пункту проходят четыре статьи, посвященные истории взаимоотношений Казахского ханства с Могулистаном, Шайбанидами; ликвидации ханской власти на территории Младшего и Среднего жузов, обусловленной социально-экономическими и политическими причинами; социальной структуре казахского общества XVI—XVII веков, а именно выяснению роли и места султанов в социальной иерархии; расселению трех локальных групп тюркских племен карлуков по данным карты ал-Идриси «Сурат ал-ард».

В рамках третьего пункта объединены две статьи по дискуссионной тематике. В силу действия многих этнополитических и хозяйственных факторов на территории современного Казахстана, как принято считать, возникли три основных этнотерриториальных объединения — жузы, хотя механизм образования трех жузов пока остается недостаточно ясным. В одной из публикуемых статей предлагается мнение о том, что в основе образования казахских жузов лежит принцип триальной организации военно-племенной системы Центральной Азии, сделана также попытка установить преемственность этнического состава казахов Среднего жуза с этническими коллективами древности. Во второй статье рассматриваются некоторые нерешенные вопросы истории Ак-Орды.

С учетом тематического единства сборника, статьи расположены по хронологии затронутых в них основных вопросов истории Казахстана в эпоху феодализма.

Б. Е. Кумеков

РАССЕЛЕНИЕ КАРЛУКОВ ПО КАРТЕ АЛ-ИДРИСИ (XII в.)

Третий и последний период арабской картографии связан с Атласом мира (Сурат ал-ард) ал-Идриси (1100—1164). По мнению Г. Мжика, одного из лучших знатоков исторической географии вообще и арабской, в частности, этот Атлас является «важнейшими картами всего средневековья» [1].

Впервые фрагментарно изданный И. Лелевелем (1849 г.) в латинской транскрипции «Сурат ал-ард» нашел наилучшее воспроизведение в полном объеме в изданиях К. Миллера (1926—1927 гг.) и Бахджат ал-Асари и Джавад Али (1951 г.) [2].

Как показал опыт предшествующих штудий, анализ карты нельзя отрывать от исследования текста географического свода ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» (1154). Вместе с тем соотношение определенных частей карты и контекста сочинения не всегда решается однозначно. Так, приоритет карты над текстом, как склонно считать большинство исследователей, должен быть поколеблен при изучении расселения карлуков. Карта страны карлуков более насыщена географическими объектами и населенными пунктами по сравнению с «Нузхат ал-муштак», что позволяет сделать вывод о том, что карта составлена позднее, чем текст сочинения.

На карте ал-Идриси отмечена территориальная локализация двух групп карлуков. Этноним *карлук* ал-Идриси передает в двух известных формах написания — арабской и персидской: خرلخ *харлух* и خلخ *халлух* [3]. Основные районы оби-

---

[1] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. Избр. соч., т. 4. М.—Л., 1957, с. 294.

[2] Помимо этих изданий нами использованы карты Ленинградского и софийского списков географического сочинения ал-Идриси, а также карты «Малого ал-Идриси», датируемые 1192 г.

[3] О. Караев придерживается чтения этих этнонимов как *хазлажия* и *хилхия*, вслед за А. Жобером и К. Миллером, недостаточно ясно представлявшими средневековую реалию этнонимической номенклатуры тюркоязычных этносов. Хазлажия и хилхия рассматриваются О. Караевым как само-

тания карлуков во главе с их хаканом[4] помещены в девятом отделе четвертого и пятого климатов.

Согласно карте ал-Идриси, на юге страны карлуков помещено крупное озеро Бухайрат ат-турк (Тюркское озеро, или же озеро Самджан). В тексте сочинения ал-Идриси нет никаких сведений об этом озере, оно просто не упоминается. К югу от Тюркского озера в регионе расселения карлуков обозначен город Верхний Барсхан, надежно локализуемый теперь по многим источникам на южном берегу озера Иссык-Куль[5], что дает твердую почву для отождествления Тюркского озера с Иссык-Кулем[6]. Тем самым снимается идентификация оз. Гаган с оз. Иссык-Куль, предложенная К. Миллером[7], к тому же по тексту «Нузхат ал-муштак» и данным карты, вокруг оз. Гаган в рассматриваемое время расселялись кимаки[8]. Вокруг же оз. Иссык-Куль и по сведениям других средневековых авторов расселялись карлукские племена (чигили). «Все окрестности Иссык-Куля заняты джикилями», — отмечал, в частности, Гардизи[9].

На юге и юго-востоке карлуки граничили с Тибетом (ал-Идриси относит их к тюркам; см. Софийскую рукопись, л. 304) и токуз-гузами (уйгурами). Близость владения карлуков к Тибету отмечается и в рукописи анонима «Худуд ал-'алам». Под Тибетом, видимо, имеются в виду горные области юго-восточной части Памира и области Восточного Туркестана (Яркенд, Хотан)[10]. Что касается границ между карлуками и

стоятельные племена наряду с карлуками, что привело его к заключению о том, что «в тексте сочинения ал-Идриси о карлуках отсутствуют какие-либо сведения» (см. *Караев О.* Земли тогуз-гузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси. — Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973, с. 8; *Он же.* Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968, с. 56).

[4] Указание титула *хакан* (а не *ябгу*) дает известное основание полагать, что речь идет о карлуках эпохи Караханидов.

[5] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—1894 гг. — Соч., т. 4. М., 1968, с. 32; *Бернштам А. Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. — МИА, 14, 1950, с. 26.

[6] *Кумеков Б. Е.* Страна кимаков по карте ал-Идриси. — Страны и народы Востока, вып. 10. Средняя и Центральная Азия. М., 1971, с. 195.

[7] *Miller K.* Mappae ambicae. Arabische Welt-und Länder karten des 9—13 Jahrhunderten. Bd. IV. Stuttgart, 1929, S. 85.

[8] *Al-Idrisi.* Opus Geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant», fasc. 6. Neapoli—Romae, 1976, p. 712.

[9] *Бартольд В. В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—1894 г.». — Соч., т. 8. М., 1973, с. 51.

[10] *Шаниязов К.* Узбеки-карлуки. (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964, с. 24.

уйгурами (токуз-гузами), то она проходила по рекам Черчен, Тарим и частично Аксу [11].

На востоке владения карлуков проходили в непосредственной близости с землями кимаков. «От города карлуков Атракана до города Карантия, первого кимакского города десять переходов по пустыне, в которой живет кочевой народ из тюрков», — пишет ал-Идриси [12]. Город Карантия был расположен на юго-восточном берегу огромного озера Гаган, соответствующего Алакольской озерной котловине [13]. Данные «Сурат ал-ард» с учетом описываемой ал-Идриси географической обстановки позволяют определить пограничную полосу между карлуками и кимаками, проходящую к западу от системы Алакольских озер. И. Маркварт полагал, что под оз. Гаган имеется в виду оз. Балхаш [14]. Однако предложенная идентификация не может быть признана удачной, так как, согласно тексту «Нузхат ал-муштак», южнее оз. Гаган обитали токуз-гузы, в то время как на основании совокупности данных средневековых письменных источников и современных научных исследований утвердилось положение о том, что к югу от Балхаша с середины VIII в. расселялись карлуки. Между тем карлукские кочевья на карте ал-Идриси в широтном направлении заключены между двумя крупными озерами: Тюркским озером (Иссык-Куль) и Тахамой, строго на север от первого. Сама историческая реалия вкупе с географической схемой «Сурат ал-ард» позволяет с наибольшей долей вероятия отождествить топографический объект Тахаму с оз. Балхаш [15], явившимся естественной границей карлуков с кимаками на севере.

На карте ал-Идриси показаны широко известные по более ранним источникам города Тараз (Джамбул) и Исфиджаб (Сайрам). В тексте «Нузхат ал-муштак» отмечается, что к северу от Тараза расселяются тюрки-карлуки [16]; говорится также о зимовках карлуков на пастбищах в местности Касрабас,

---

[11] *Якубовский А. Ю.* Арабские и персидские источники об Уйгурско-Турфанском княжестве в IX—X веках. — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. 4. Л., 1947, с. 424—431; *Minorsky V.* Hudud al-'Alam. The Regions of the World, a Persian Geography 372 AH—982 AD. Ed. 2. London, 1970, p. 289.

[12] *Al-Idrisi.* Opus Geographicum, p. 712.

[13] *Караев О.* Арабские и персидские источники..., с. 57; *Ахинжанов С.* Древние караванные пути кимаков. — Материалы Первой научной конференции молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1968, с. 430; *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 72.

[14] Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifsüge. Leipzig, 1898, S. 79.

[15] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков..., с. 70—72.

[16] Фотокопия Софийской рукописи ал-Идриси, л. 429; ср. *Кудама ибн Джа'фар.* Bibliotheca geographorum Arabicorum (далее—BGA), VI, с. 205; Ибн Хаукаль. BGA, II, с. 391.

в 5 фарсахах южнее Тараза [17]. Обитание карлуков в пределах области Тараза подтверждается и сведениями других авторов. Согласно ал-Макдиси, близ Тараза расселялись карлукские племена чигили, там же находился их город с тем же названием [18]. Область Исфиджаба была границей между карлуками и огузами. На пастбищах между Фарабом и Исфиджабом кочевали группы карлуков и огузов, перешедших в мусульманство [19].

К северо-западу от Исфиджаба и севернее Нижнего Барсхана в «Сурат ал-ард» указаны земли Кандждеха (ارض كنجده).

По данным ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Макдиси, столица округа Кандждеха Субаникет находилась в двух днях пути от Исфиджаба [20]. В картографическом изображении важна сама локализация Кандждеха (Кангдез), в названии которого сохранилась архаическая топонимическая и этнонимическая номенклатура, связанная с древнеиранским эпосом о стране Туран. Сведения ал-Идриси подтверждают положение о том, что коренные земли Турана, Канга определяются к северу от Исфиджаба, на его границах [21].

В пределах страны карлуков к северо-востоку от Тараза и на юго-запад от Тахамы (оз. Балхаш) показаны небольшие горы Джанаф, у подножия которых расположен город Дамир-таг. Исходя из картографического положения, горы Джанаф можно сопоставить с Чу-Илийскими горами. Восточнее гор Джанаф упоминается безымянная «пустыня, в которой обитает кочевое племя карлуков, живущих в шатрах из шерсти, подобно бедуинам» [22]. По всей вероятности, под этой пустыней имеются в виду пустыни Таукум и Сары-Ишикотрау, расположенные к востоку от Чу-Илийских гор.

Южнее Тараза и Исфиджаба на карте ал-Идриси изображена большая горная система Джабрагун (или Джабрагуз, Чграогуз [23]), которая тянется от прибрежной горной системы Каспийского моря (Хазарское море) Сиях-кух строго на запад, проходя южнее Аральского моря (Хорезмийское озеро). Здесь реки Сырдарья (Нахр Шаш) и Амударья (Нахр Джай-

---

[17] *Al-Idrisi.* Opus geographicum, p. 714; ср. *Ибн Хордадбех.* Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. BGA, VI, с. 28—29.

[18] *Ал-Макдиси.* Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим. BGA, III, с. 275.

[19] *Ал-Истахри.* Китаб масалик ал-мамалик. — Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. 1. М., 1973, с. 263.

[20] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. 1. М., 1963, с. 233, 235.

[21] *Птицын Г. В.* К вопросу о географии «Шахнаме». — ТОВГЭ, т. 4. Л., 1947, с. 307; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 163—170.

[22] Al-Idrisi. Opus Geographicum, p. 715.

[23] Последнее чтение предложено С. Г. Агаджановым (Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, с. 50).

хун), соединившись в один рукав около города Кердера и прорезав упомянутые горы, впадают в Аральское море.

Тщательный анализ текста сочинения и карты ал-Идриси вкупе со сведениями других средневековых географических сочинений позволил С. Г. Агаджанову с большой обоснованностью идентифицировать приаральский горный хребет Чаграгуз с Султан-Уиз-Дагом [24].

Далее горы Джабрагун тянутся на восток до Нижнего Барсхана, затем сворачивают на юг, доходят до района оз. Иссык-Куль (Тюркское озеро), после чего продолжаются в юго-восточном направлении до пределов Хорасана. В «Сурат ал-ард» горы Джабрагун подковообразной формы оконтуривают области Фараб, Шаш, Фергану, Усрушану, Вахш. Несмотря на такое схематическое изображение Джабрагуна, ориентируясь прежде всего на его соотнесенность с различными историческими регионами Средней Азии, представляется возможным с наибольшей долей вероятия сопоставить Джабрагун с Тяньшаньской горной системой.

Судя по картам, ал-Идриси имел явно неверные представления об орографической ситуации в той части, где заставил непрерывную горную цепь тянуться от Тяньшаня вплоть до Каспийского моря.

В области расселения карлуков в «Сурат ал-ард» указаны города и поселения карлуков: Джинкар, Салуния, Хайхам, Награн, Ханбарт, Атракана, Харлак, Хакан Харлух, Бирк (Бирки, Мирки), Нижний Барсхан. На Малой карте ал-Идриси отмечены также Джабал Шуб, Кулан, Хук. Через эти города проходили различные торговые и караванные пути в сопредельные страны. В «Нузхат ал-муштак» отмечены пути, проходящие по карлукской земле.

Помимо магистральных дорог, таких, как отрезок Великого торгового пути от Тараза до Верхнего Барсхана, ал-Идриси приводит менее известные а подчас и вовсе не известные ранее в историко-географической литературе маршруты. Так, из Ахсикета (столица Ферганы в X в.) путь шел через резиденцию хакана карлуков в кимакский город на побережье озера Алаколь; от Тараза через Семиречье в кимакский город в районе среднего течения Иртыша.

В восьмом отделе шестого климата карты ал-Идриси показана земля Самрики, принадлежащая тюркам خلخ здесь же дана и другая форма написания этого термина как خلج. Следовательно, возможно чтение названия этого племени как *Халлух* или *Халадж*. Если обратиться к Ленинградскому и Софийскому спискам рукописи ал-Идриси, то там написано совершенно отчетливо ارض سمريقى وهى ارض الترك الخرلخ

[24] Там же, с. 50—53.

Земля Самрики, — а она является землей карлуков[25]. Отсюда становится очевидной необходимость издателями принятия единственно возможной персидской формы написания этнонима карлук — *халлух*.

Согласно «Сурат ал-ард», область расселения карлуков находится к северу и северо-западу от озера Гаргуз. О нем ал-Идриси сообщает следующее: «Это (оз. Гаргуз. — *Б. К.*) очень большое озеро, в окружности составляет 400 миль... в нем много рыбы — главной пищи того народа... на нем много пастбищ и плодородных мест, принадлежащих хангакишам (خنغاكش). Это вид гузов, которые постоянно носят оружие, у них чрезмерная осторожность и мужество по отношению к соседним с ними видам тюрков»[26]. Следует отметить совпадение характеристики хангакишей с описанием печенегов у Ибн Фадлана, Абу-Дулафа и Константина Порфирогента[27]. Хангакиши, кангары, кенгересы — разные варианты единого племенного названия, сохраняющего кангюйскую этнонимическую традицию[28]. Несомненная локализация кангюй по другим письменным источникам на Сырдарье и в Приаралье позволяет с наибольшей долей вероятности идентифицировать озеро Гаргуз с Аральским морем.

В этом отношении показательно также сравнение двух объектов по их окружности.

Оз. Гаргуз в окружности составляло 400 миль. Согласно Ибн Русте, Аральское море имело в окружности 80 фарсахов, по ал-Истахри и более поздним авторам — 100 фарсахов[29]. У ал-Идриси находим вполне определенное соотношение фарсаха и мили: 75 фарсахов составляет 225 миль, отмечает он[30], отсюда 1 фарсах равен 3 милям. Следовательно оз. Гаргуз в окружности достигало 130 фарсахов, что подтверждает правомерность сопоставления оз. Гаргуз с Аральским морем. Следует отметить расселение собственно огузских племен на юго-востоке от оз. Гаргуз. Не вызывает сомнения и то, что под Хорезмским озером также имеется в виду Аральское море. Таким образом, ал-Идриси не подозревал о наличии на карте одного и того же географического объекта — Аральского моря, представленного им двумя различными по названию топонимами: Хорезмское озеро и Гаргуз. По всей вероятности, ал-Идриси, пользуясь в соответствующих разделах своего

---

[25] *Ал-Идриси.* Нузхат ал-муштак. Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ар. Н. С. 176, (Далее: Ленинградская рукопись), л. 141б; Фотокопия Софийской рукописи, л. 582.

[26] *Ал-Идриси.* Ленинградская рукопись, л. 106а; Фотокопия Софийской рукописи, л. 517.

[27] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники, с. 178.

[28] Там же, с. 178—179.

[29] *Бартольд В. В.* Аральское море. — Соч., т. 3, с. 331.

[30] *Ал-Идриси.* Ленинградская рукопись, л. 65б.

труда разными источниками, не всегда мог правильно отождествлять названия, относящиеся к одним и тем же объектам.

К. Миллер отождествил Гаргуз с озером Иргиз[31], не обратив внимания на снимающее это определение колоссальную разницу в размерах озер.

Между областью карлуков и оз. Гаргуз пролегли с запада на восток горы Музгар. В тексте сочинения ал-Идриси отмечается, что хангакиши — одно из племен огузов, совершив набег из района, находящегося к югу от Музгар, на землю Самрики, возвратились в свою страну.

Через земли карлуков протекают реки Даранда, Шауран. Нельзя не согласиться с идентификациями, предложенными К. Миллером при дешифровке этой части карты ал-Идриси, а именно: Музгар сопоставляется им с Мугоджарами, р. Даранда с Эмбой, а Шауран с Уралом[32]. В бассейне Шаурана отмечены печенежские племена (хангакиши). Еще в X в., по свидетельству ибн-Фадлана, печенеги, живущие в бассейне Эмбы — Урала не смешиваются с огузами[33]. Город царя карлуков (Гуран или Гузан) находился в районе среднего течения р. Эмбы (Даранда). Карлукам на территории их расселения принадлежало 10 городов и поселений. По данным карты ал-Идриси, карлуки расселялись в северном Приаралье, у подножья Мугаджарских гор (Музгар), в районе истока рек Ори, Уила по Эмбе. Данное расселение группы карлуков представляется оригинальным, но вместе с тем исторически допустимым. Вероятно, рассматриваемая локализация части карлукских племен явилась следствием исторических событий, о которых вкратце упоминает ал-Масуди: о столкновениях в долине Сырдарьи и в Приаральских степях между коалицией огузов, карлуков и кимаков с одной стороны, и печенежскими племенами (баджгард, баджна, наукарда) — с другой[34]. В ходе этих политических перипетий карлуки не только помогли огузам изгнать печенежские племена с насиженных мест, но и использовали создавшуюся ситуацию в своих целях, расселившись к северу от Приаралья.

---

[31] *Miller K.* Mappae Arabicae, Bd. IV, S. 89.

[32] Там же. с. 88—89.

[33] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмада ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 130.

[34] *Ал-Масуди.* Китаб ат-танбих ва-л-ишраф. (BGA, VIII), с. 180—181; *Pritsak O.* The Peceneges. A. Case of Social and Economic Transformation. Archivum Eurasiae Medii Aevi, т. 1, 1975, p. 215; *Golden P. B.* The People نوکردہ, p. 23—24.

Б. Е. Кумеков

СООБЩЕНИЕ АЛ-ИДРИСИ (XII в.) О СТРАНАХ КИМАКОВ И КАРЛУКОВ

Перу знаменитого ученого-географа Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Мухаммада ал-Идриси (1100—1164) принадлежит одно из крупнейших и интереснейших географических сочинений арабского средневековья «Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак» (Развлечение истомленного в странствии по областям), законченное в 1154 г. Сочинение ал-Идриси содержит уникальное описание страны кимаков и карлуков, принадлежавших им городов, крепостей, торговых путей, ремесел, земледелия, религий.

Отрывок «Нузхат ал-муштак» о кимаках, приводимый нами, по своей структуре достаточно однородный и цельный. Он восходит к местной тюркской среде и заимствован из не дошедшей до нас книги сына кимакского хакана Джанаха, упоминающейся в предисловии труда ал-Идриси в числе двенадцати основных источников, из которых он заимствовал сведения.

Впервые текст ал-Идриси был издан в Риме в 1592 г. Однако это издание очень приблизительно передает сочинение ал-Идриси, представляющее собой воспроизведение поздней, неудачно сокращенной редакции. Полный перевод труда ал-Идриси на основании двух рукописей осуществил французский ученый П. А. Жобер [1] в 40-х годах XIX в. Углубленное изучение ал-Идриси современными учеными показало, что пользоваться этим переводом при исследовательской работе невозможно [2].

Новое издание «Нузхат ал-муштак», подготовленное в Италии [3] и выполненное на высоком научном уровне, основывается на десяти рукописях ал-Идриси.

---

[1] Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en francais d'aprés deux manuscrits de la Bibliothéque du Roi et accompagnée de notes par A Jaubert. t. 1—11. Paris, 1836—1840.

[2] *Крачковский И. Ю.* Избр. соч., т. 4, М., 1957, с. 288.

[3] *Al-Idrisi.* Opus Geographicum sive «Liber ad corum delectationem qui terras peragrare studeant», fasc. 1—6. Neapoli—Romae, 1970—1975, p. 1—722.

Предлагаемый перевод отрывка из сочинения ал-Идриси о странах кимаков и карлуков базируется на новом издании.

Перевод

[711] Девятый отдел четвертого климата включает часть страны хакана карлуков и тюрков карлуков, т. е. Рузан, страну Ялан, Нижнего Барсхана, землю карлуков[4] с ее городами, реками и крепостями и часть страны кимаков. С помощью Аллаха мы хотим рассказать об этом в истинном изложении, как оно было до нас в прошлом.

Итак, скажем, что путь от Ахсикета до Карантия, относящийся к стране токуз-гузов, составляет от Ахсикета до Кашукета один переход, затем в Аншат один переход, затем в Каншикет один переход, затем в Букенд один переход, затем в Каракет один переход, затем до горы один переход, затем от этой горы до Хаулака три перехода. От деревни Хаулак до города хакана карлуков 33 мили. Город хакана карлуков с многочисленными строениями и укреплениями обилен войском и снаряжением. Затем до Атраканы, большого города из числа карлукских городов шесть переходов. [712] Город Атракана имеет сильно укрепленную крепость, вода ее из родников. В городе есть храбрые воины, находящиеся под властью царя карлуков. От Атракана до города Карантия 10 переходов по пустыне, в которой живет кочевой народ из тюрков. Они владеют скотом, верблюдами и живут в благополучии. Карантия — первый из кимакских городов, большой, длина его девять миль, в ширину — три мили. Он расположен на берегу большого озера, которое называется Гаган. Его (озера) длина, как рассказывают, шесть дней пути, в ширину — полтора дня пути. Царь Карантии могуществен, храбр, имеет войско, многочисленное снаряжение, конников, лучников, причем все войско стреляет из лука. От Карантии до города царя кимаков 24 перехода, и вся эта дорога тянется с запада на восток. От города Карантии до Бахвана семь дней пути. От Атракана до Бахвана три перехода в южном направлении.

Это озеро получило свое название от Гагана. Город Гаган расположен на его берегу с западной стороны. Между ним и Карантией 6 переходов. Гаган — цветущий город с процветающими ремеслами. В нем имеется мастерская для произ-

---

При корреляции чтений отдельных терминов и слов мы пользовались Ленинградским и Софийским списком рукописи ал-Идриси.

[4] В издании принято чтение *халадж* (خلج), хотя в одном списке Парижской рукописи ал-Идриси написано الخلخية (персидская форма написания термина خرلخ), в другом — الخزلجية (*Al-Idrisi Opus Geographicum*, p. 711). В Ленинградской рукописи ал-Идриси написано الخرلخي (Рукопись ГПБ, АрНС., с. 176, л. 65а).

водства шелковой одежды. Здесь делают [также] искусные меховые одежды. Тюркские купцы развозят их отсюда во множестве в остальные страны. От города Гагана до Дамурии в западном направлении четыре дня. Город Дамурия относится к числу цветущих и многолюдных кимакских городов. От Дамурии до города Сараус на северо-восток два перехода, путь проходит по возделанным землям и деревням, принадлежащим тюркам-кимакам.

Сараус — [713] большой город. В нем укрепленная стена, конница, всадники и храброе войско из тюрков. От Сарауса до Гагана в южном направлении три дня пути.

Дамурия и Сараус расположены на реке Шария. Это многоводная и спокойная река. По ней вверх и вниз ходят разные суда. Река Шария берет начало из двух источников. Один из них — на горе Ашлуб, второй — на земле Дамурии. Вода источников [слившись] течет в восточном направлении к городу Сараус и затем течет до тех пор, пока не впадает в озеро Гаган с северной стороны в нижнюю его часть. Длина реки, от ее истока до впадения в это море (озеро), составляет 75 фарсахов, или 225 миль.

Такое же расстояние от города Сараус до города Банджара в восточном направлении. Дорога между ними проходит по пустыне и бесплодной местности. Дорога по подножию гор Гиргир тянется на десять дней, однако эта дорога исключительно безопасная. Город Банджар — огромный, многолюдный, населенный [различными] группами тюрков-кимаков. В нем имеются многочисленное войско и необходимое количество ресурсов для нужд населения. В его горах [Гиргир] — серебряные рудники. Охотятся там на тигров, барсов, بيعش и на различные виды пушных зверей. Купцы вывозят пушнину в другие страны.

Тот, кто хочет поехать в Гаган, или Карантию, или Сараус, или Дамурию по воде, направляется из Банджара до деревни Дахрат, где имеются лодки для перевозок. Он [Дахрат] расположен на берегу этого озера. Между ними [Банджар и Дахрат] расстояние в полтора дня. [Так:] выходишь из Банджара, идешь до начала горного прохода, в нем находится станция, затем опускаешься с горного прохода к деревне Дахрат и садишься в лодки. Кто хочет поехать в [714] Карантию, продвигаясь вдоль берега озера и не отдаляясь от берега, доходит за 6 дней. Если поплыть прямо на парусах, как у русов, то можно пересечь озеро за 3 дня.

Те, кто хочет попасть в город Гаган, может достичь его [на парусах] поперек озера за день и ночь при благоприятном ветре. Если кто хочет прибыть в Сараус или Дамурию, то переправляются через это озеро от деревни Дахрат до устья

[5] Значение этого слова неясно.

реки Сараус и поднимаются по этой реке до города Сараус или до города Дамурия. Туда ходят по желанию: либо посредством весел, либо на парусах.

От Дамурии до города хакана карлуков 12 дней пути по незаселенной пустыне. Это небезопасная дорога; никто не может пройти ее без [сопровождения] большого войска. Эта пустыня — преграда между страной карлуков и страной кимаков.

Путь от Тараза до Нижнего Барсхана составляет 30 миль, проходит по деревням и возделанным землям, затем 6 миль до Касрабаса, который расположен к югу, и на пастбищах которого проводят зиму тюрки-карлуки. Вблизи от него в горах находится зимовка халаджей. Это племя тюрков, [живущих] в перемирии [с карлуками]. От него [Касрабаса] до Кукшуба 12 миль, затем до Джабальшуба, многолюдной деревни, населенной тюрками, 12 миль, затем до Кулана — богатой деревни — 15 миль, затем от деревни Кулан до деревни Барак 15 миль. Река Барак вытекает с гор того же названия и затем протекает через страну Илак и впадает в реку Шаш. От нее [деревни Барак] до Ашбара 15 миль, затем от Ашбары [715] до богатой деревни Буркет 24 мили, затем до деревни Джуль 12 миль, это значительная деревня, затем до Сарыга, значительной деревни. — 21 миля, затем до города хакана 12 миль, затем до Невакета 12 миль, затем до Кабала 36 миль, затем до Верхнего Барсхана около 10 переходов пути караваном, проходящим по обильным пастбищам и проточным водам, а тюркская почта [покрывает это расстояние] за 5 дней.

Дорога от Тараза до Банджара, относящегося к стране кимаков, составляет 36 переходов, от Тараза до Касра — 45 миль, затем, минуя горы, приходят в Дамиртаг[6] за 4 перехода. Дамиртаг — небольшой город, расположенный у подножия горы. В нем имеется храброе войско, снаряжение и оружие. От него через пустыню и невозделанную, но весьма плодородную землю, в которой обитает кочевое племя карлуков[7], живущих подобно бедуинам, в шатрах из шерсти, до крепости Хайхам 20 переходов в восточном направлении. [Хайхам] — одна из крепостей тюрков-карлуков, в которой живет их царь. Царь имеет хорошо вооруженное и многочисленное войско и плодородную страну. Крепость высечена на вершине горы. Вокруг замка образовалась яма, которую заполнила вода, и стала вроде круглого озера. В этой воде в изобилии водится рыба, которую ловят в большом количестве. От замка Хайхам 7 переходов в восточном направлении до крепости Захлан.

[6] В издании дается чтение Д. н. р. нах.

[7] В издании принято чтение *халадж*. На основании Ленинградского и Софийского списков рукописи, где отчетливо написано خلخية (Рукопись ГПБ. л. 65б; Фотокопия рукописи б-ки им. В. Коларова. София, л. 435), мы придерживаемся чтения *халлух*, т. е. карлук.

Крепость Захлан также представляет собой неприступный замок, высокий укрепленный пункт со своим снаряжением и войском. Он [Захлан] входит в пределы страны кимаков, это — первая ее область. У основания замка также имеется большой водоем с пресной водой, расположенный в горе. Из него жители замка берут воду [716]. От крепости Захлан до Банджара 4 перехода, следующих по непрерывной населенной местности и пашнями под пшеницу, ячмень и рис. От крепости Захлан до Ханауш 6 дней в северном направлении. Город Ханауш — многолюдный, принадлежащий кимакам. Он расположен на реке, которая вытекает из горы Лалан.

От Ханауша до города Лалан 6 переходов в западном направлении. Город Лалан расположен у подножья высокой горы, на вершине которой стоит огромное капище. В верхней части капища изображено подобие человека из мрамора. Жители тех мест поклоняются ему, верят в него и приходят к нему со всех сторон.

Дорога от города Дамиртаг до города Лалан идет двумя путями. Верхний путь в 4 перехода идет от города Дамиртаг до города Салуния в восточном направлении, затем до города Бакран 6 переходов в восточном направлении. Бакран — укрепленная крепость, от нее до Лалана 7 переходов.

От города Салуния до Джинкар 4 перехода, в восточном направлении от Джинкара до Бакрана 6 переходов. Бакран — цветущий город, расположен у подножия горы; он имеет хорошую труднодоступную цитадель, окруженную постройками и непрерывными землями. Население этого города пьет воду из колодцев, выдолбленных в скале. От Бакран до города Лалан в восточном направлении 6 переходов. Город Лалан большой по площади и многолюдный, он расположен у подножия горы, которая защищает его с южной стороны. Эта гора известна как гора Лалан. На расстоянии двух дней к западу от него [города Лалана] берет начало большая река, текущая в западном направлении и впадающая в большое озеро, обильное водой и рыбой, которую ловят в большом количестве.

[717] А кто хочет, идет из Дамиртага до Банджара, цветущего города, 5 переходов в северном направлении. От Банджара до Джинкар 5 переходов. Джинкар — значительный, многолюдный город. От него до Бахрана 6 переходов, а также от Бахрана до Лалана 6 переходов, как мы уже упоминали это.

[718] Десятый отдел четвертого климата включает часть страны Заречной, относящейся к стране кимаков, в которой имеются города, владения; в ней многочисленные реки, пашни и пастбища. С окончанием этого отдела завершится описание четвертого климата. Мы хотим подробно изложить то, что включено в этот отдел, как мы это делали ранее в отношении других отделов этой книги.

Скажем, что царь кимаков — один из великих царей по своей мощи и один из славных по своим достоинствам. Кимаки — народ большой, многочисленный, они — маги, поклоняются огню. Среди них есть зиндики [манихеи]. Их жилища находятся среди зарослей и густых лесов. Передвигаются, сменяя пастбища.

Между Таразом и местопребыванием царя кимаков 81 день пути через пустыни и страну тюрков-карлуков[8]. Страна кимаков — самая обширная, наиболее плодородная и возделанная. Кимаки граничат с токуз-гузами на юге, с карлуками — на западе и юге, где примыкает Тибет, а также с морем Мрака на востоке. В этом море есть населенные острова, и купцы добираются к ним по воде, переходя ее вброд на животных. Купцы ночуют на деревьях, а своих животных, привязанных к стволам деревьев, оставляют в воде.

[719] Городов у кимакских царей шестнадцать. К ним относятся Астур, Наджа, Бурах, Сисан, Манан, Мастанах, город царя, именуемый Хаканом, Банджар, Дахлан, Ханауш.

Дорога от Банджара до города Хакана выходит в направлении на восток. От Банджара до города Астур 6 переходов через пустыни и необитаемые земли. Город Астур, населенный тюрками, с простирающимися посевами, обильной водой; их зерновые продукты — пшеница и рис. В нем есть железные рудники. Из железа тамошние мастера делают изделия необычайной красоты. Астур находится на реке Гамаш, его жители храбры, решительны и осторожны, поэтому они всегда настороже и сильно вооружены. Все жители Астура из-за воздуха и воды самые смелые из тюрков духом, самые решительные, самые заботливые в охране границ и самые предприимчивые. У своих царей они пользуются уважением и почетом. Они имеют обширные богатства и мощь.

От города Астура до Сисана 12 дней в восточном направлении по суше, а потом по реке меньше этого.

Город царя Хакан — значительный город, окруженный укрепленной стеной, с железными воротами. У царя в городе имеется значительная охрана, войско и снаряжение. Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него подобные действия.

Хакан — великий царь, ему издавна наследует только тот, кто из царской семьи. Царь кимаков носит одежду, шитую золотом и золотую корону, [720] появляется перед подданными четыре раза в год. У хакана есть хаджиб, везиры, справедли-

---

[8] В издании في مفاوز بلاد الاتراك الخلجية. В Ленинградском и в одной из Парижских рукописей написано في مفاوز وبلاد الاتراك الخلخية (Рукопись ГПБ, л. 68а).

вое благополучное государство. Население государства любит хакана за его благодеяния, заботу об их делах и защиту их от врагов. У этого царя есть зáмки, величественные строения и приятные места увеселения. Вместе с тем хакан отличается великодушием и благородным нравом. Население столицы не знает ни забот, ни нужды, не говорят зря, не испытывают бед. У них самые плодородные и возделанные земли в стране, самые лучшие средства к жизни, расходы их самые многочисленные и они — самые предприимчивые. Только знатные люди носят одежду из красного и желтого шелка.

Вода пересекает их улицы, базары, храмы и большинство их домов. Кимаки исповедуют сабейскую религию, поклоняются солнцу и ангелам. От столицы — города Хакан до города Мастанах 4 дня пути по суше в северном направлении, а вниз по реке — расстояние меньше этого. Город Мастанах, как рассказывают, раньше был резиденцией царя. Из Мастанаха центр государства переместился в другой город, который является поныне столицей. От этого города — столицы до окружающего моря расстояние в несколько дней. Группа этих городов, о которых мы упоминали и закончили описание, располагается на реке Гамаш.

Гамаш — большая река, которая вытекает из горы Банджар и течет в восточном направлении до города Астура, расположенного к югу от реки, которая течет вниз, пока не достигает города Сисан.

Сисан расположен к северу от реки. От города Сисана река течет до столицы, которая находится к югу от нее. От столицы река поворачивает, направляясь на север до города Мастанах.

Мастанах расположен на западном берегу реки. От этого города река поворачивает на восток и впадает в море [721] В реке много рыбы и большой, и малой. Как рассказывает автор «Книги о чудесах», в реке водится рыба санджа, из которой индийские и китайские врачи получают яд, убивающий в одно мгновение. Нет яда более действенного и более быстро вызывающего смерть. Яд этой рыбы находится в ее желчи. Он не изменяется и не теряет своего действия в течение сорока лет. В эту реку [Гамаш] впадает множество других рек, которые увеличивают уровень воды и убыстряют ее течение. Берега реки покрыты густой чащей и лесом. Большую часть деревьев составляют кр.к.хар, о которой упомянул Абу ибн Вахшийа в своей книге, в которой рассказывает, что корни кр.к.хар обладают свойством излечивать мгновенно от яда.

От города столицы Хакан до Фавараг 4 перехода в юго-западном направлении.

От города Астур [направляются] до города Наджа маленького города, который расположен на неприступной горе.

Никто никоим образом не поднимется на вершину горы просто так, без причины. Там находятся богатства и склады царя, охраняемые сторожами и хранителями, поставленными царем.

По всей береговой линии Кимакского моря во время шторма, когда вздымаются волны, появляется золото. Тюрки, живущие по соседству с побережьем, устремляются на поиски золота в точно известные места и извлекают из них золото. По обычаю золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупицы с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете. И таким путем собирают значительное количество золота. Царь берет от них обязательную долю и покупает из оставшейся большую часть. То, что остается из этого, купцы сбывают в этой стране.

В этой стране водится в большом количестве мускусное животное. Однако тибетский мускус лучше, чем прочий мускус индийский и китайский. Во всех этих землях встречаются скопления воды, образованные потоками дождя. Там есть возделанные пашни, дающие большой урожай. Кочевые тюрки пасут свои стада, переходя с места на место, как это делают арабы и берберы. Они уделяют внимание разведению верблюдов и лошадей. Все тюрки едят мясо лошади и предпочитают его остальному мясу — говядине, баранине и др. Они питаются рисом, мясом и рыбой, а вина у них мало. Их женщины красивы, они выносливее мужчин и более предприимчивы в добывании необходимого в силу их энергичной натуры и горделивого характера. Жир они употребляют вместо растительного масла и для освещения в светильниках используют сало. Молока, масла, меда, рыбы много у них. Монеты у кимаков медные, одежда короткополая.

В стране кимаков часто идут дожди и часты сильные ветры. Снег в горах страны кимаков лежит постоянно зимой и летом.

К. М. Байпаков, В. Н. Настич

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ВЕЩЕЙ И МОНЕТ XIII в. ИЗ ОТРАРА[1]

В декабре 1974 г. во время мелиоративных работ в районе городища Отрар обнаружен клад серебряных изделий и монет. Сосуд, в котором он помещался, был разбит, но, по словам человека, нашедшего клад, это был широкогорлый кувшин высотой 30—35 см с коленчатой ручкой.

Судя по находкам обломков керамики, жженых кирпичей, костей, клад связан с усадьбой, входившей в группу построек XII—XIV вв., расположенных восточнее Отрара (между пос. Баяльдер и Талапты).

Ювелирные изделия и предметы. Основную часть клада составляют ювелирные украшения: серьги, браслеты, бусы, перстни. Имеются детали наборного пояса — пряжка, серебряные накладки, кольцо; обломки серебряных чаш, часть пластинки с заклепками, позолоченные кусочки серебряных изделий, назначение которых выяснить не удалось, а также слитки и слитины серебра. Ряд изделий (чаши, некоторые браслеты и височные подвески) разломаны; фрагменты чаш сплющены, превращены в бесформенные куски или разбиты на мелкие части, по которым восстановить форму изделий невозможно. От перстней отломаны щитки-печатки. Создается впечатление, что металл готовился к переплавке.

Типологически вещи клада распределяются следующим образом:

1. *Гладкие браслеты* (рис. 1 и 2). Всего 16 экземпляров, 12 из них парные. Техника изготовления браслетов следую-

---

[1] Вещевая часть клада описана К. М. Байпаковым; нумизматическая часть и общая редакция статьи В. Н. Настича. Краткие сведения о составе клада приводились во 2-м томе «Истории Казахской ССР» (Алма-Ата, 1979, с. 211—212) и в статье: *Настич В. Н.* К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области. — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 167.

Авторы выражают искреннюю признательность Е. А. Давидович за ряд ценных методических советов и замечаний.

щая. Вначале изготавливалась плоская серебряная пластина, которая обтягивалась сверху «рубашкой» из более высокопробного серебра, после чего путем проковки металл уплотнялся и закрывал шов. На некоторых браслетах швы прослеживаются довольно четко. Все гладкие браслеты одного типа и различаются лишь размерами и оформлением концов.

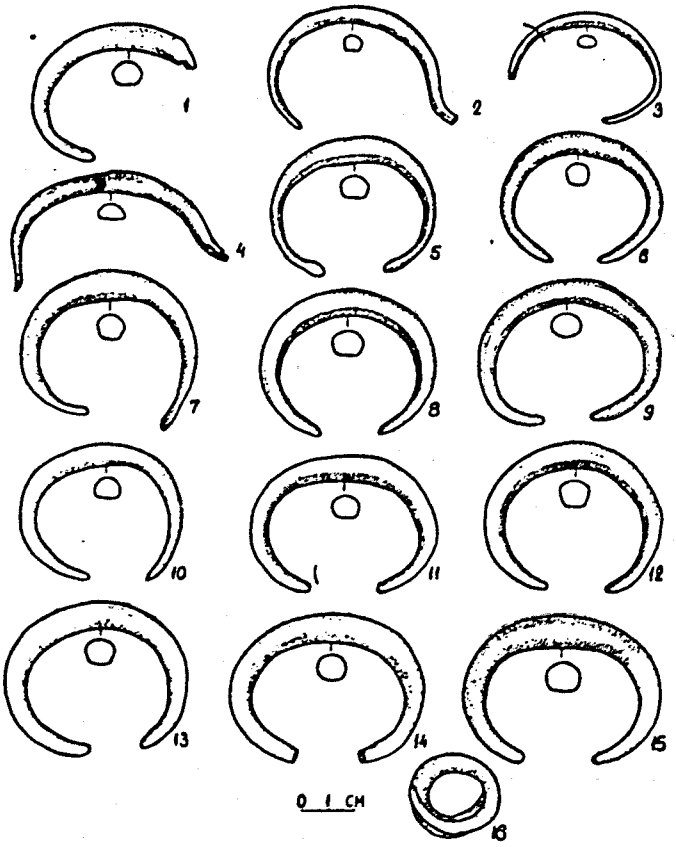

Рис. 1. Гладкие браслеты

Наиболее массивные браслеты *14* и *15* (рис. 2) весом по 110 г слегка уплощены в сечении. У браслета *14* форма сечения близка к шестиугольной. Диаметр сечения наиболее массивной центральной части — 0,8—0,9 см. Внутренний диаметр самих браслетов составляет 5,7—5,8 см, расстояние между концами — 2,5 см. У первого браслета концы округлые, у второго — тупые, как бы обрубленные.

Вторая пара браслетов (*12, 13*) имеет овальное сечение. Диаметр браслетов 4 см, расстояние между концами — 2 см. Идентична им и другая пара браслетов (*9, 11*).

Браслеты *5, 6* изящнее других. Диаметр сечения их в наиболее толстой части 0,5—0,6 см, внутренний диаметр — 5 см. У браслета *5* концы утолщены.

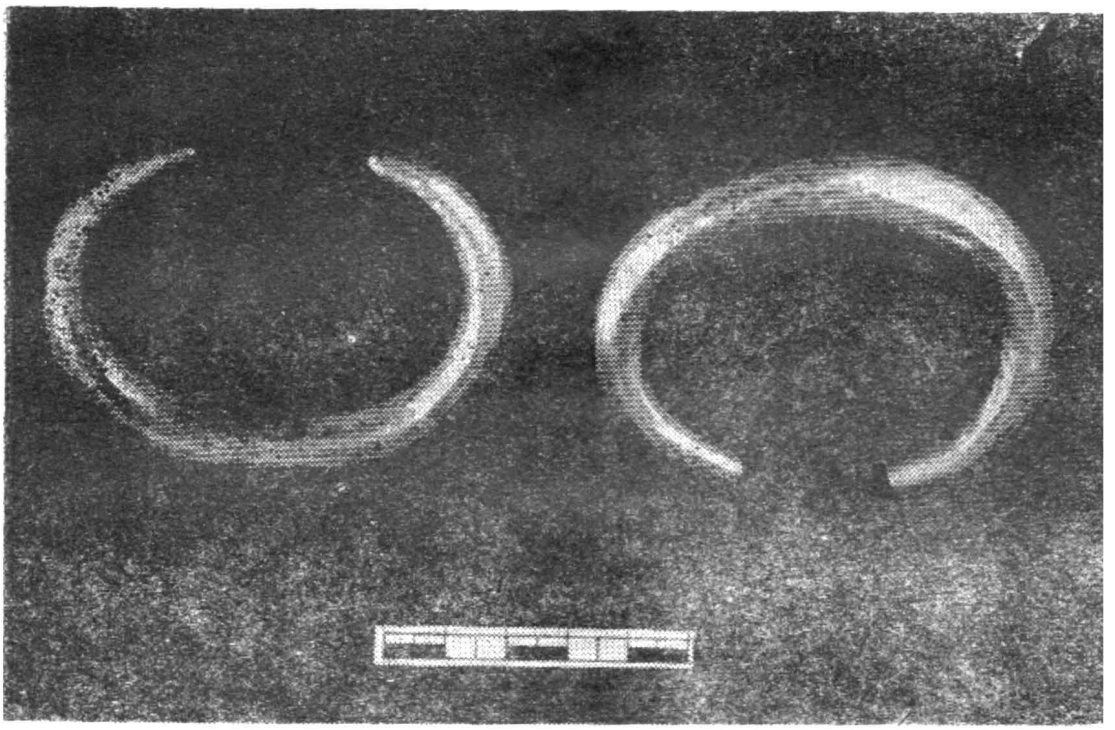

Рис. 2. Гладкие браслеты (14 и 15)

Браслеты *7, 10* имеют диаметр 5 см, к центру плавно утолщаются, концы заостренные, почти плоские.

Следующая пара браслетов (*4, 16*), видимо, была предназначена к переплавке. У одного из них обломан конец, сам браслет деформирован. Браслет *16* свернут в спираль в два завитка. Браслет *4* с плоскими заостренными концами разломан на две половинки.

Диаметр браслета *8* — 5,8 см, расстояние между концами — 2,5 см. На поверхности отчетливо прослеживаются швы «рубашки». Браслет *1* гладкий, округлый в сечении, к центру утолщается; один конец его обрублен.

Самый маленький браслет (*3*) имеет диаметр 4 см, диаметр сечения — 0,5 см. Браслет сильно уплощен, расширяется в центре, один конец его обломан.

2. *Плетеные браслеты* (рис. 3, *7, 8*), 2 экземпляра. Их диаметр — 5,5 см. Первый браслет сплетен из 3 серебряных проволок, концы которых прокованы вместе и имеют форму шариков. Второй браслет изготовлен из проволоки меньшего сечения, его концы расплющены в форме лепешки. Плетеные браслеты распространены достаточно широко и датируются

XI—XIV вв. Наиболее близки отрарским браслеты из Поволжья, встреченные при раскопках городов Волжской Булгарии в кладах предмонгольского и монгольского периодов. Два браслета опубликованы А. П. Смирновым [2]. От отрарских они отличаются наличием пластинок на концах и шатонов с камнями. Похожи на отрарские браслеты так называемого

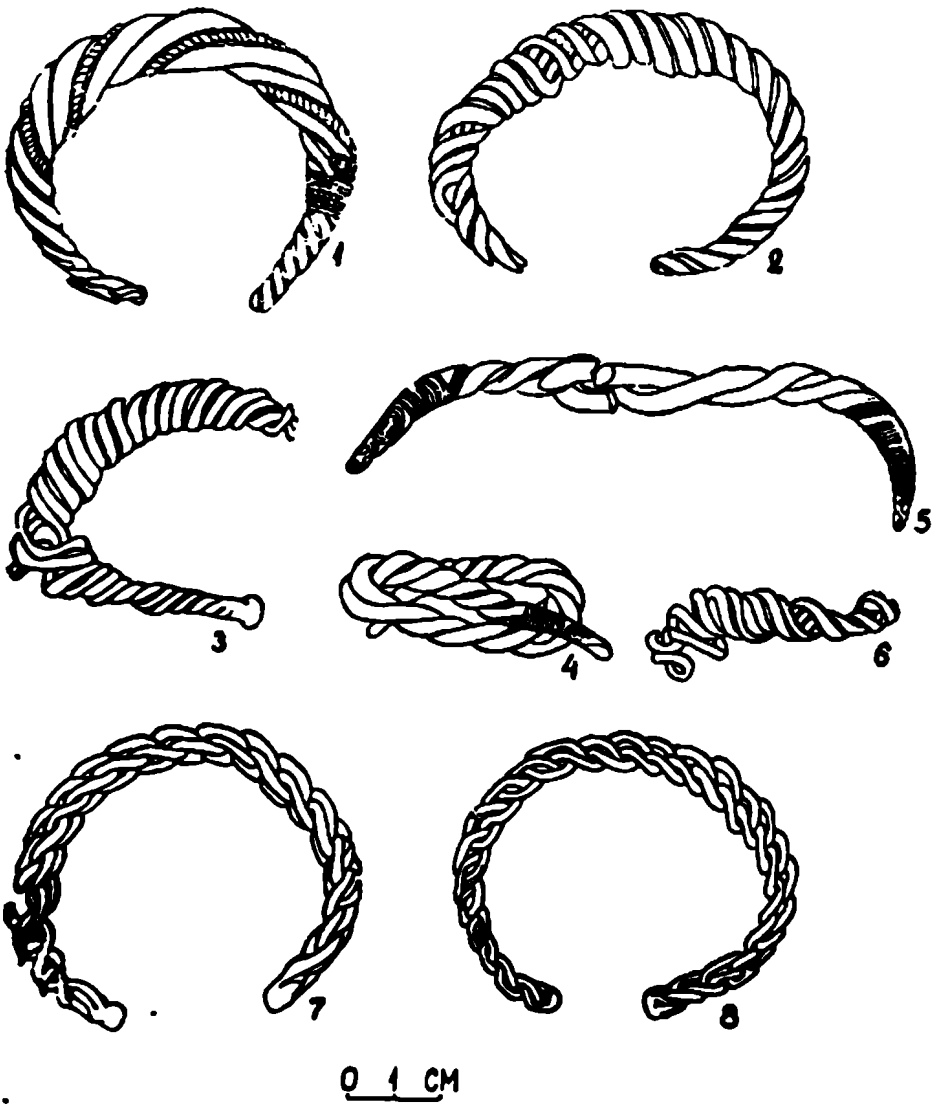

Рис. 3. Спиралевидные, витые и плетеные браслеты

вятичского типа из клада I, найденного при раскопках усадьбы на южном городище Старой Рязани. Эти браслеты датируются XII—XIII вв. [3] К этому же времени относятся витые браслеты клада 1970 г. из Старой Рязани [4].

---

[2] *Смирнов А. П.* Волжские Булгары. М., 1951, с. 123—124, табл. V, рис. 73—74.

[3] *Даркевич В. П.* Раскопки на южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.). — Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 29—30, рис. 8.

[4] *Монгайт А. Л.* Работы Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг. — Там же. с. 11, рис. 5.

3. *Спиралевидные браслеты* (рис. 3, *2, 3*). Два браслета изготовлены из свитой с постепенным роспуском к центру серебряной проволоки. Диаметр браслетов 6,5 см, концы закручены в шарики. Оба браслета деформированы, один из них сломан.

4. *Витые браслеты* (рис. 3, *1, 4, 5*). Первый из них массивный, диаметром 5 см, свит из 4 дротов сечением до 0,4 см. Через каждые два витка в желобках припаяна витая проволока в виде веревочки. Концы браслета прокованы и на расстоянии 2 см от завершения обвиты скрученной проволокой в 7 рядов. Кроме того, к концам припаяны спиралевидные фигурки из той же проволоки (рис. 4).

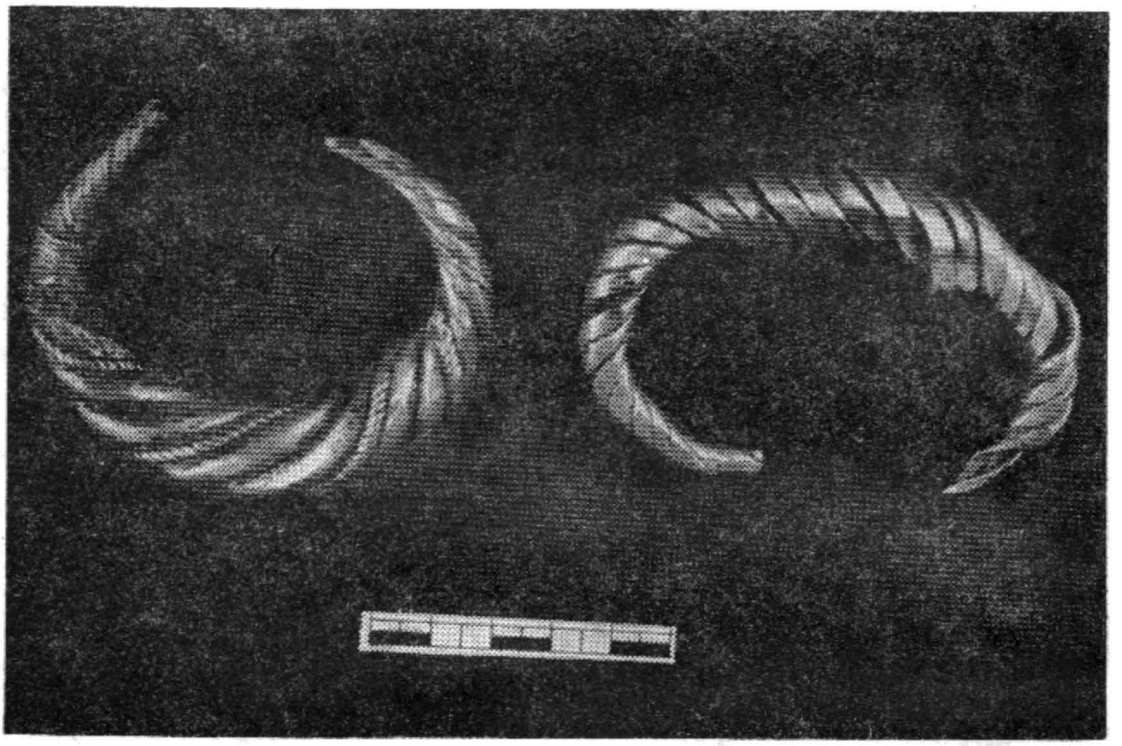

Рис. 4. Спиралевидный и витой браслеты

Два других браслета, один из которых смят, а другой разрублен на две части, свиты из 2 рядов дротов, слегка утолщенных в середине. Концы прокованы и украшены витыми проволочками, образующими спиралевидные завитки. За ними идет полоса из тесно закрученных витых проволочек в несколько рядов. Углубления между дротами занимает плетенка, окаймленная проволочной тесьмой. Концы браслетов напоминают стилизованные головки змей. Витые браслеты (особенно первый) похожи на браслеты монетно-вещевого клада из Сайрам-су под Чимкентом. Интересно, что и в этом кладе вместе с целыми браслетами находились специально разломанные. Монеты датируют клад из Сайрам-су X — началом XI вв. Этим же временем датируются два аналогичных серебряных браслета

из Чиназа[5]. Однако при сопоставлении отрарских витых браслетов с чимкентскими и чиназскими видно, что первые гораздо проще и грубее. Видимо, они являются последней ступенью эволюции этого типа браслетов.

5. *Пластинчатые браслеты* (рис. 5 и 6). Один из них целый, остальные разломаны. Браслет, изображенный на рис. 6, выкован из пластинки шириной 0,9 см, диаметр его 5,5 см, расстояние между концами — 2,5 см. Поверхность браслета украшена штампованным орнаментом, гравировкой и чекан-

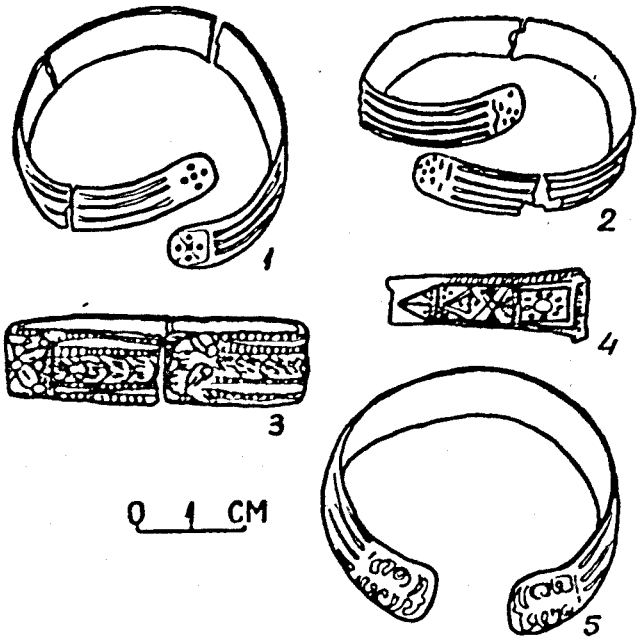

Рис. 5. Пластинчатые браслеты

кой. Орнамент состоит из четырех каннелюр, крайние из которых обработаны пунктирным чеканом в 2 ряда, что придает каннелюрам вид плетенок. В центре браслета — гравированный орнамент из двух ромбовидных фигур, бортики которых заполнены штрихами. На концах браслета — штампованные волюты.

[5] Отчеты Археологической комиссии за 1899—1901 гг. Спб., 1902, с. 124, рис. 280—281; *Спицын А.* Из коллекции Эрмитажа (Чимкентский клад). — ЗОРСАРАО, т. 8, вып. 1, Спб., 1906, с. 249—258; *Вархотова Д. П.* Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа. — ИМКУ, 4. Ташкент, 1963, с. 116—119.

Браслет *3* (рис. 5) шириной 1,3 см разломан на две части и украшен гравировкой. По центру идет выпуклая полоса, окаймленная двумя каннелюрами с насечками и заполненная «чешуйками» и штриховкой. В центре браслета выгравирован четырехлепестковый цветок, в его венчике и на концах лепестков чеканом нанесены овальные углубления. На краях браслета выгравированы по два лепестка того же цветка.

Браслет *1* (рис. 5) шириной 1 см состоит из 4 фрагментов. Он сильно изношен, орнамент на поверхности, особенно на концах, стерся. Браслет каннелирован, в середине, в квадратной рамке, изображен ромб с точкой в центре и 4 точками по углам рамки. На концах браслета — фигуры из 5 крестообразно расположенных точек.

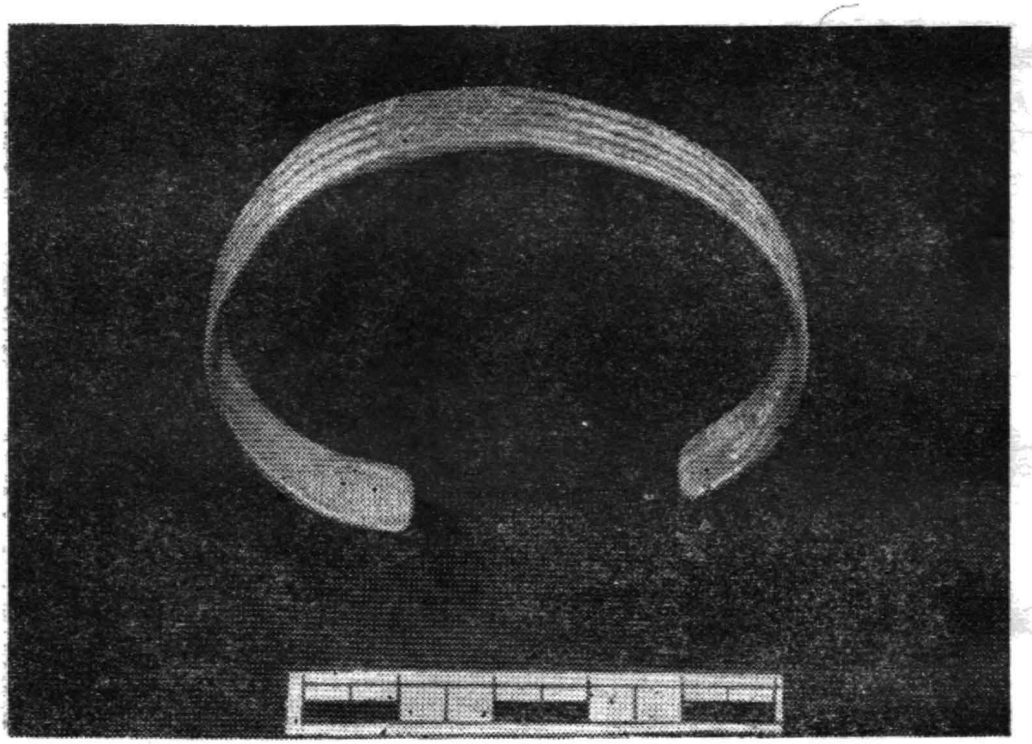

Рис. 6. Пластинчатый браслет

Браслет 2 (рис. 5) аналогичен предыдущему; разломан на 4 части. В центре пластины и на концах различается сильно стертый растительный узор.

На поверхности трех обломков другого браслета нанесены три каннелюры, концы слегка закругленные. Другой браслет из гладкой пластины шириной 0,6 см, с закругленными концами, разломан на четыре части.

Интересен обрубок пластины (рис. 5, *4*), вероятно, от браслета, более массивного, чем другие. Толщина пластинки до 0,3 см. Она украшена гравировкой и точечным чеканом. Сохранившаяся орнаментальная композиция состоит из двух прямоугольных и треугольной рамок, внутри которых точечным чеканом нанесены орнаменты в виде цветка, треугольни-

ков и крестообразных фигур. Пластинчатые браслеты, близкие отрарским, были найдены также в Поволжье. Браслет, концы которого украшены прорезным трехлепестковым цветком, воспроизведен в монографии А. П. Смирнова[6]. Разновидности пластинчатых браслетов рассмотрены Н. Ф. Калининым[7]. Обычно браслеты с каннелюрами, украшенные резьбой и чеканом, встречаются в комплексах монгольского времени[8]. Браслету с орнаментом в виде 4-лепесткового цветка близки золотые браслеты, хранящиеся в Государственном Эрмитаже[9].

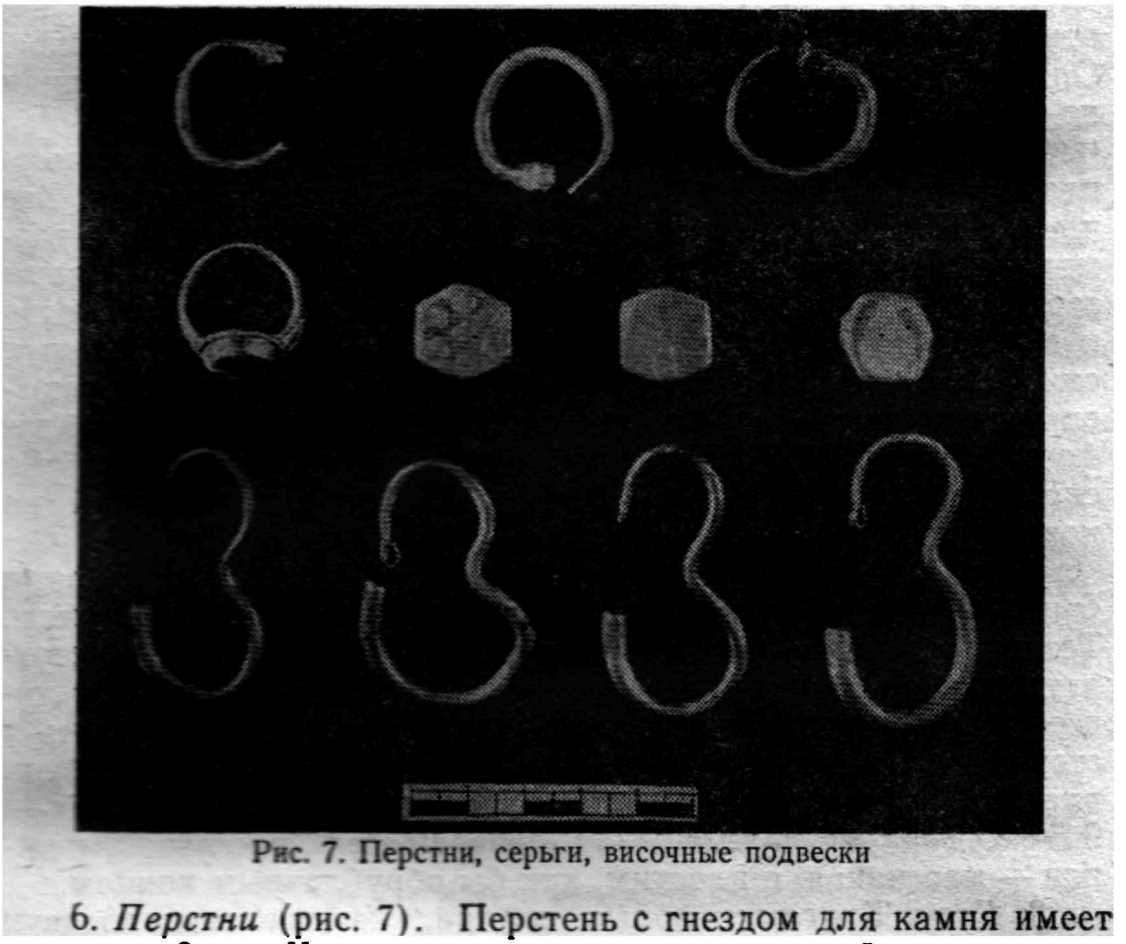

Рис. 7. Перстни, серьги, височные подвески

6. *Перстни* (рис. 7). Перстень с гнездом для камня имеет диаметр 2 см. Кольцо его выковано из плоской проволоки с раздвоенными концами, к которым припаяна жуковина, украшенная по диаметру сканью. Камень, видимо, вынут: он удерживался четырьмя зажимами, два из которых сохранились.

Три щитка с перстней стандартны, имеют форму правильного шестиугольника со стороной, равной 1 см. Один щиток

---

[6] *Смирнов А. П.* Волжские Булгары, табл. 5, рис. 78.

[7] *Калинин Н. Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар. Казань, 1948, рис. 15.

[8] Отчет Археологической комиссии за 1898 г., с. 114, рис. 236—237.

[9] Коллекция Гос. Эрмитажа, Уз-960, Уз-961. Авторы выражают признательность сотруднику Государственного Эрмитажа М. Г. Крамаровскому за содействие в подборе аналогов из фондов Эрмитажа.

гладкий, второй украшен штампованным изображением четырехлепесткового цветка, окаймленного точечной гравировкой. Третий щиток украшен сложной геометрической фигурой, образованной сочетанием семи шестиугольников (орнамент типа «гирих»). Изображения нанесены точечным чеканом. В Эрмитаже, в коллекции вещей монгольского времени есть похожий на отрарский перстень с плоским щитком с прорезным четырехлепестковым цветком [10].

7. *Серьги* клада представлены четырьмя типами. К первому относятся серьги из тонкой проволоки в виде знака вопроса; одна из них целая, остальные в обломках. Ко второму типу отнесены круглые проволочные серьги с бусиной на конце. Один конец их острый, на другом напаяна бусина, украшенная по окружности шариками (зернью).

Серьги с многогранником на конце (третий тип) кованы из проволоки, диаметром 2—2,5 см. Второй конец заострен. Все четыре серьги этого типа одинаковы, отличаются только размерами многогранных головок. Особый интерес вызывают серьги в виде знака вопроса. Такие серьги часто встречаются и в кочевнических погребениях, и на городищах. Относятся они в своем большинстве к XII—XIV вв. и обычно связываются исследователями с кыпчаками [11]. Золотая серьга такой же формы была найдена на Отраре в стратиграфическом шурфе в слое, датируемом XIII—XIV вв. [12] Серьги с нанизанной на конце бусиной встречены при раскопках Саркела [13].

Четвертый тип серег представлен восемью экземплярами (рис. 5). Хорошо сохранились две наиболее крупные серьги. Техника их изготовления: вначале серебряный стержень круглого сечения обертывался пластинкой из серебра лучшего качества, затем заготовка проковывалась, швы полировались и стержень изгибался в форме цифры 3. Высота серьги 5,2 см, диаметр полуокружности верхней части — 1,8 см, нижней — 2,7 см. Верхняя часть тонкая, завершается петелькой, нижняя — массивная, с плоским, как бы обрубленным концом.

8. *Бусы.* Круглые, полые внутри, изготовлены из двух спаянных половинок. По шву напаяна витая проволочка, на полюсах просверлены отверстия для нанизывания, края которых также украшены напайкой.

9. *Подвески* в виде шариков диаметром 1 см состоят из двух половинок; шов спайки закрыт припаянной витой прово-

---

[10] Коллекция Гос. Эрмитажа, Сар-104.

[11] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М., 1966, с. 37—41, рис. 6.

[12] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 67, рис. 20.

[13] *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа. — МИА, 62, 1958, с. 76—79, рис. 57; *Артамонова О. А.* Могильник Саркел — Белая Вежа. — Там же, с. 92, рис. 65.

лочкой. На одном из полюсов припаяна петелька для подвешивания.

10. *Нашивки.* В кладе имеется группа полусферических нашивок диаметром 0,6—0,8 см с парой отверстий по краям.

11. *Пуговица.* Гладкая, слегка выпуклая, диаметром 1,5 см, смята и сплющена с краев. На оборотной стороне припаяна петля.

12. *Детали наборного пояса* (рис. 8). Сохранились пряжка, две накладки и кольцо. Пряжка литая, состоит из двух частей — рамки для крепления ремня и сердцевидной фигуры с тремя отверстиями, поверхность которой украшена гравировкой и гладким пунктирным чеканом. Концевое отверстие служило для крепления к крючку, который нашивался на другой конец ремня.

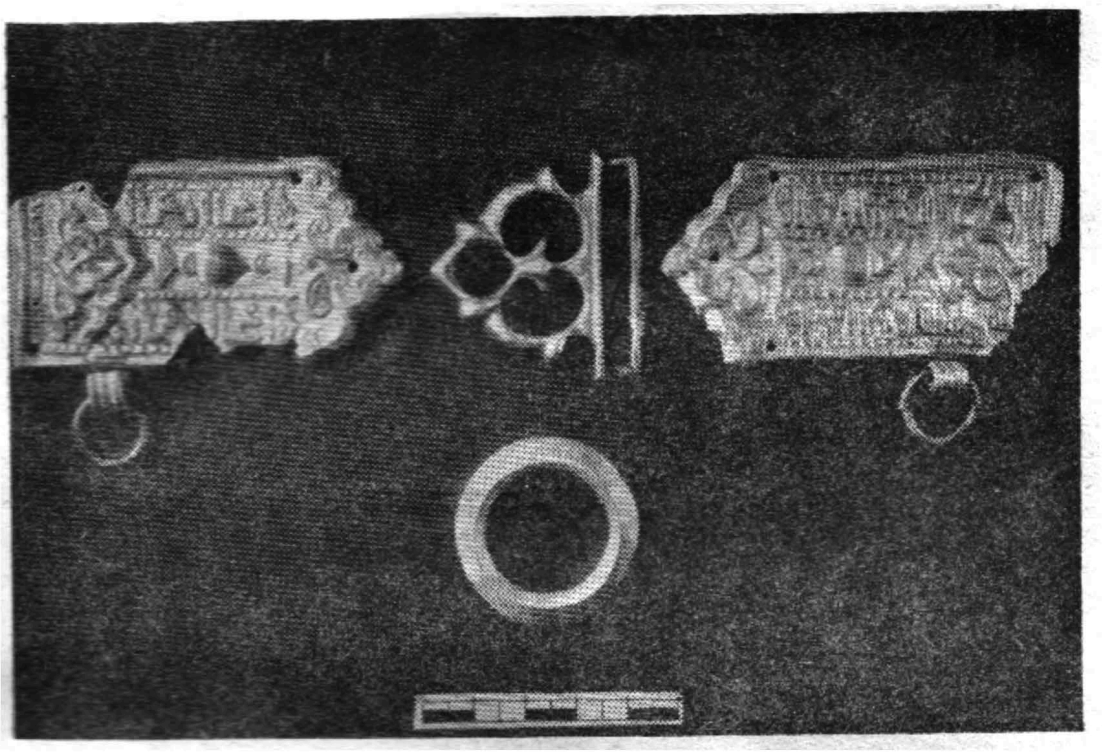

Рис. 8. Детали наборного пояса

Две накладки (правая и левая) прямоугольной формы, одна сторона оформлена в виде арки, образованной растительными завитками. Орнамент выдавлен штампом, свободная поверхность обработана точечным чеканом. Часть орнамента нанесена резцом. В углах накладок пробито по 5 дырочек для крепления. Края рамки вогнутые, обработаны чеканом в виде тонких плотных пружинок. В центре находится геометризованная фигура, состоящая из предмета кувшиновидной формы с примкнутыми к нему вершинами, треугольниками и полумесяцем. Справа и слева — растительный орнамент (переплетенные побеги с завитками и трилистниками). Вверху и внизу от геометризованной фигуры в плетеной рамке — арабские

надписи декоративного куфического стиля, выдавленные в зеркальном отображении и читаемые с вогнутой стороны: العز الدا[ئ]م *Вечное могущество,* или *Непреходящая слава.* Буквы украшены параллельной штриховкой.

Кольцо литое, ромбовидного сечения, диаметр его отверстия 2,5 см. Служило оно для крепления к поясу различных предметов.

Пряжка из Отрарского клада близка бронзовой пряжке, найденной А. В. Терещенко на Царевском городище и датируемой XIV в.[14] Накладки и кольцо сходны с серебряными бляшками поясного набора из монгольского погребения в Самарканде[15]. Однако сходны бляшки только по форме, орнаментировка их иная.

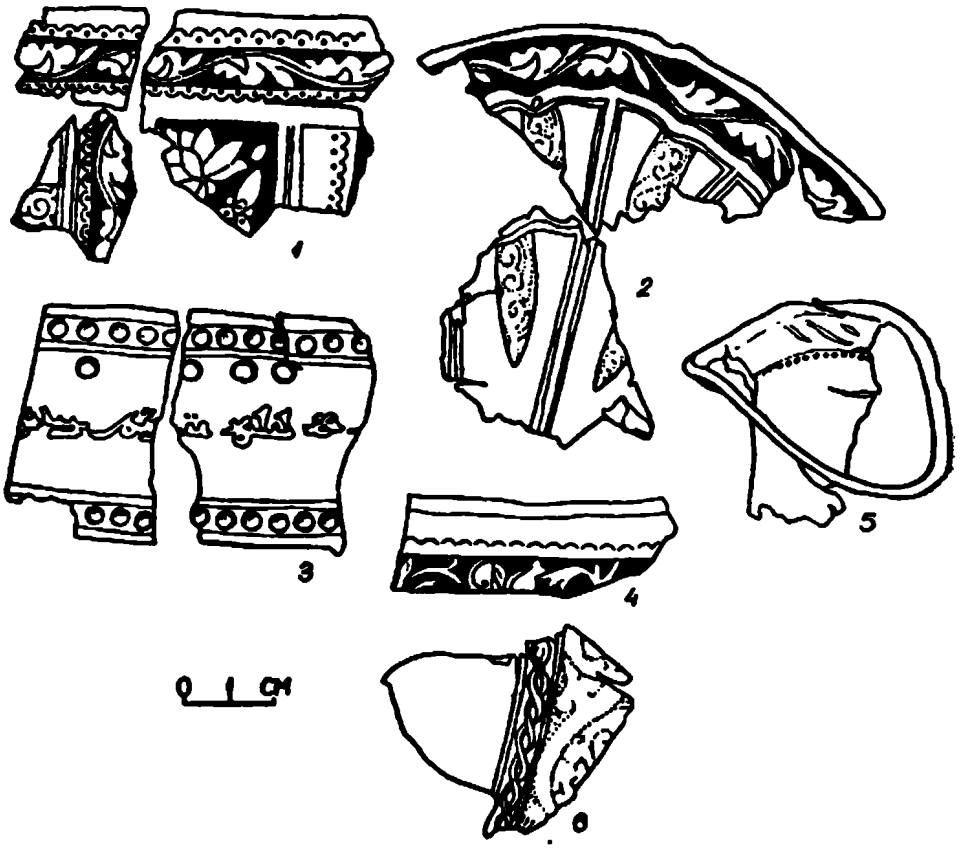

Рис. 9. Фрагменты изделий с позолотой

13. Среди разбитых и разломанных вещей, числом до нескольких десятков, выделяются обломки *изделий с позолотой.*

а) Два фрагмента серебряной пластинки, шириной 4,2 см с заклепками (рис. 9, *3*). Края их украшены «жемчужинами» в рамке из выпуклых параллельных полос, по центру располагается надпись уйгурским вертикальным письмом. Связное

[14] Коллекция Гос. Эрмитажа, Сар-13.

[15] *Буряков Ю. А., Крамаровский М. Г.* Поясной набор XIII в. из Самарканда. — СА, 1974, 2, с. 258—263.

чтение надписи невозможно, поскольку значительная часть ее утрачена. Сохранившиеся фрагменты можно читать как ...*bu dädim* [a] *q*... и ... ⌜*m*[a]⌝ *qla men*[i] *m*...[16].

б) Фрагмент предмета дисковидной формы (рис. 9, *2*), изготовлен из тонкой пластинки с штампованным орнаментом в сочетании с чеканкой и гравировкой. По краю пластинки нанесен растительный орнамент, остальная поверхность разделена чеканкой.

в) Куски изделий в виде пластины с штампованным орнаментом и чеканным фоном (рис. 9, *1, 4*).

г) Тисненая поясная накладка с двумя серебряными шпеньками, припаянными изнутри. Форма накладки полулунная с арочным обрезом нижнего края. Орнамент в виде распахнутых крыльев.

д) Ажурная позолоченная поделка овальной формы с тисненым растительным орнаментом

е) Обломки пластинчатой формы, орнаментированные пунктирной гравировкой и резьбой в виде полосы плетенки.

14. *Предмет цилиндрической формы.* От него сохранилась нижняя часть в виде кольца с припаянной серебряной трубочкой, украшенной чеканкой и гравированным растительным орнаментом.

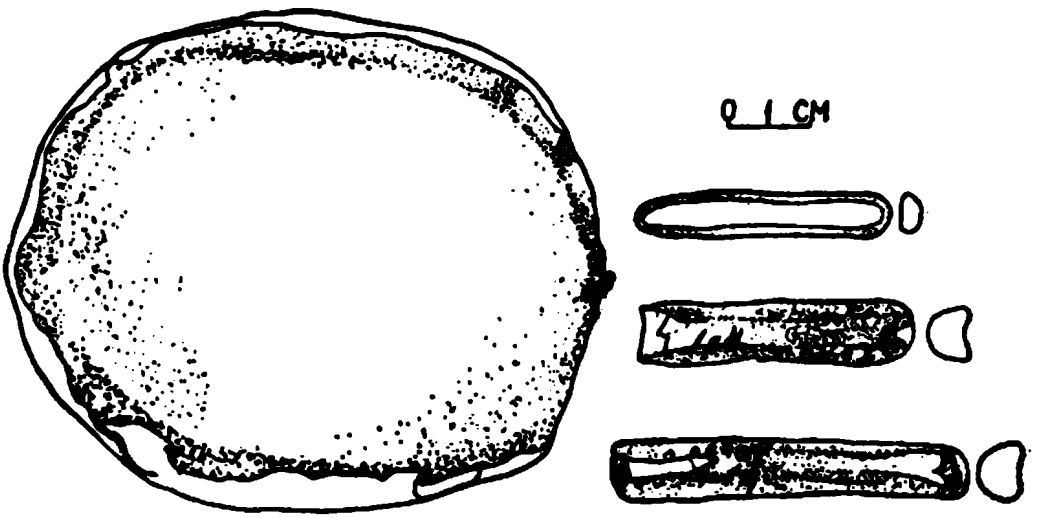

Рис. 10. Слитки

15. *Слитки серебра* (рис. 10). Самый крупный из них овальной формы с загнутыми краями, размером 119×147 мм и весом 1410 г. Два брусковидных слитка с закругленными краями (часть одного из них обрублена); два других в виде конических палочек со следами проковки. Такого типа свинцовые конические палочки длиной 4—6 см и диаметром 2—3 см широко представлены в материалах золотоордынского време-

[16] Определение и чтение В. Н. Настича.

ни из Поволжья. А. П. Смирнов считал, что часть из них могла служить заготовками (болванками) для выделки изделий [17]. Слитки описанного типа использовались и как деньги, на что указывают сообщения письменных источников. Так, флорентийский купец XIV в. Пеголотти советовал брать с собой из Европы полотняные ткани, продавать их в Ургенче и там запасаться сомами (слитками серебра), ходившими в татарских странах [18].

Аналогии изделиям Отрарского клада достаточно широки. Массивные браслеты и щитки от перстней имеют сходство с изделиями русского ювелирного ремесла XIII в. В свое время на сходство таких же вещей из Чимкентского клада с русскими указывал Б. А. Рыбаков [19].

Параллели отрарским изделиям прослеживаются также в археологических материалах Поволжья, Кавказа, Малой Азии и Восточного Туркестана, датируемых в основном XII—XIII вв., хотя прототипы некоторых вещей (витых браслетов, перстней, серег и др.) восходят к более раннему времени.

* * *

Монетный комплекс клада первоначально был представлен 221 целой монетой и 300 обломками различной величины. При обработке клада 15 из них подобрались в 2 более крупных фрагмента и 3 целых кружка. После реставрации монет клад состоит из 224 целых и 9 дефектных экземпляров, 6 мелких фрагментов и 2 монетовидных обломков без следов чеканки.

Общий вес монет клада после очистки составляет немногим более 470 г.

Часть монет имеет различные дефекты как производственного характера (смещение штемпелей, двойной удар, слабый или фрагментарный оттиск, трещины), так и приобретенные в процессе обращения (потертость, погнутость, мелкие обломы по краю и т. п.). Два экземпляра пробиты для использования в качестве украшений. Тем не менее сохранность большинства монет удовлетворительная, и надписи на них, как правило, разбираются однозначно.

Состав клада замечателен разнообразием представленных в нем типов, монетных дворов и дат чеканки, многие из которых неизвестны по публикациям.

Более половины монет клада (151 экз., в том числе 4 фрагмента) составляют серебряные дирхемы анонимного [20] чекана

---

[17] *Смирнов А. П.* Волжские Булгары, с. 120.

[18] *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. — Соч., т. 3. М., 1965, с. 59.

[19] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси, М., 1948, с. 533.

[20] Здесь и далее имя и титулы багдадского халифа ан-Насира в расчет не принимаются по соображениям, неоднократно излагавшимся в литературе.

Алмалыка. За исключением 8 монет с утраченной или сомнительной датой, все остальные определяются между 638/1240-41 и 662/1263-64 гг.

Алмалыкские дирхемы представлены двумя основными типами лицевой стороны (далее — *л. ст.*), различающимися содержанием центральной надписи. Оборотная сторона (далее — *об. ст.*) всех монет однотипна. Вместе с тем в ряде случаев отмечены отклонения от стандартного типа. Чаще всего это графические искажения или незаконченность круговых легенд *л. ст.*, в нескольких случаях — вариантные различия в содержании надписей. Поэтому приводимое описание является, по существу, реконструкцией монетных типов.

Л. ст., тип I (рис. 11, *1*). В центре, в круговом линейном ободке в 2 строки: عالط / عليه (относительно этой надписи см. ниже). Внутренняя круговая легенда содержит символ веры и тронное имя халифа ан-Насира: لا اله الا الله محمد رسول الله الناصر لدين الله *Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха. Ан-Насир ли-дини-ллах.* Во внешней круговой легенде, отделенной от внутренней двойным линейным ободком, выпускные сведения: بسم الله ضرب هذا الدرهم بسكة المالغ ... سنة *Во имя Аллаха чеканен этот дирхем на монетном дворе Алмалыка в году...* (дата словами). Линейный ободок по краю монеты. Позднейшие дирхемы этого типа в кладе датированы 643/1245—46 г.

Л. ст., тип II (рис. 11, *2—5*). В центре, в круговом линейном ободке наименование монетного двора المالغ *Алмāлиг* (Алмалык); во всем остальном он повторяет тип I. Представлен годами чеканки, начиная с 645/1247—48 г.[21]

Об. ст. В поле крупными буквами куфи в две строки: العادل / الاعظم *Справедливый, высочайший.* По сторонам квадрата, образованного центральной надписью, выпускные сведения: ... / بالمالغ سنة / ضرب هذه *Чеканено это*[22]

Подробно об этом см.: *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М., 1972, с. 115—120.

[21] Краткое описание этого типа см.: *Давидович Е. А.* Указ. раб., с. 38.

[22] Любопытно употребление здесь и в некоторых других случаях (напр., в чекане Крыма, описание, 13 и 15) вместо привычной и более оправданной грамматически هذا формы жен. р. или мн. ч. هذه. Эти факты, должно быть, восходят к появившейся в монетных надписях ряда азиатских городов еще в XII в. формуле мн. ч. ضربت هذه الدراهم // الفلوس ... *Чеканены эти дирхемы//фельсы...* А то, что следующее за هذه название номинала чаще всего сохраняло форму ед. ч. или же совсем опускалось, следует отнести за счет нарушения мусульманского традиционализма в оформлении монет и общего снижения арабской грамотности в городах, подвергшихся монгольскому нашествию.

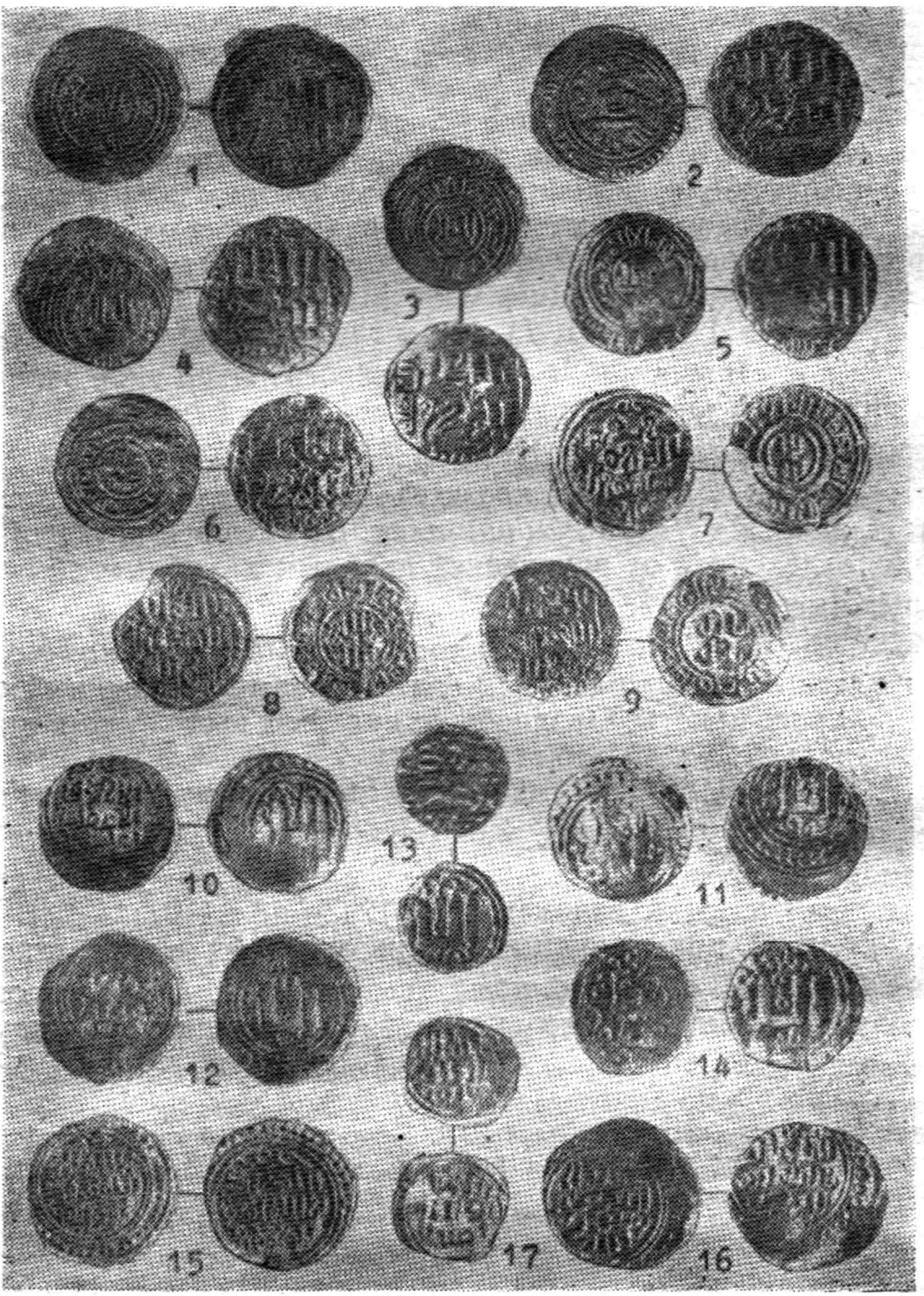

Рис. 11. **Монеты Отрарского клада.** *1*. Алмалык, 637/638 г. х. *2*. Алмалык, 653 г. х. *3*. Алмалык, 660 г. х. *4*. Алмалык, 661 г. х. *5*. Алмалык, 662/661 г. х. *6*, تولق или توبق, 643 г. х. *7*. Пулад, 658 г. х. *8*. Эмиль, 658 г. х. *9*. Эмиль, 660 г. х. *10—14*. Орду ал-А' зам, без года. *15*. Дженд (?), без года. *16*. Джендского типа, крупные. *17*. То же, мелкие

в Алмалыке в году... (дата словами). По краю — ободок в две линии (обычно разной толщины).

Варианты монетных легенд немногочисленны и отмечаются в основном в надписях *л. ст.*:

а) 645 г. х. — в центре под словом المـالغ помещено الـله (вероятно, окончание незавершенной внутренней круговой легенды) — 2 экз.

б) 654 г. х. — в выпускных данных вместо слов ضرب هـذا الدرهم выбито ضرب هـذه *Чеканено это...* — 3 экз. одного штемпеля.

в) 661 г. х. — перед словом سنة добавлено شهور [*В*] *месяцах года...* — 1 экз.

г) 662/661 г. х.[23] — дата с указанием месяца чеканки: في (обрезано)... [ين]وستة اثنى ربيع الاول سنة (или من) *В* [*месяце*] *раби' ал-аввал года* [*шестьсот*] *шестьдесят второго* — 1 экз.

Кроме того, наблюдается разнобой в падежных суффиксах числительных в датах на обеих сторонах монет: اربعين и اربعون в штемпелях 640-х гг. х. (для *об. ст.* 648 г. х. зафиксированы обе формы); ستين и ستون — на монетах 660—661 гг. х.[24]

На многих экземплярах не сохранились полностью даты (срезаны краем монеты или стерты). Исследование штемпелей с помощью бинокулярной лупы позволило распределить все монеты по штемпельным парам и в ряде случаев установить порядок смены штемпелей; на этом основании большинство монет с утраченными датами отнесено к определенным годам чеканки.

Часть монет чеканена парами штемпелей разных (соседних) годов. Это явление, обычное для восточной нумизматики: штемпели прошедших лет, годные к употреблению, использовались в сочетании с новыми штампами. Иногда дата старого штемпеля исправлялась на текущую наложением соответствующих букв поверх надписи. Судя по ряду признаков, эта операция производилась при помощи отдельных пунсонов, которыми буквенные знаки набивались на матрицу (в сочетании с обычной гравировкой). В частности, отмечен штамп 640 г. х., переделанный из 638 или 639, и штамп 653 г. х., «исправленный» на 654.

Вес монет Алмалыка, за единичными исключениями, колеблется между 1,81 и 2,08 г. Максимальный вес целой монеты

---

[23] Монеты с двойной датировкой: первая дата указана на *л. ст.*, вторая — на *об. ст.*

[24] Многочисленные графические искажения надписей, иногда до полной неразборчивости, обусловленные малограмотностью и неаккуратностью резчиков штемпелей, здесь не рассматриваются.

2,36 г, минимальный 1,27 г (пробита). Диаметр монет от 17 до 22 мм; большинство имеет диаметр 19—20 мм. Количественное распределение алмалыкских монет по годам чеканки и их реальный вес указаны в табл. 1.

Таблица 1

Чекан Алмалыка

Тип	Дата чеканки, г. х.	Количество	Вес монет, г*
I	637/638**	3	2,36; 2,12; *1,74*
	638	7	1,99; 1,97 (2); 1,92; 1,89; 1,86; 1,82
	639/638	3	2,20; 2,05; 2,03
	640/639	1	2,09
	640	1	1,95
	643	2	1,97; *1,56*
II	645	2	2,06; 2,03
	648	3	2,07 (2); 2,05
	647 или 649	3	1,95; 1,83; *0,51*
	653	9	2,06 (2); 1,99; 1,96 (2); 1,94; 1,91; 1,90; 1,78
	654	15	2,07; 2,05; 2,03; 2,02 (2); 2,01; 1,97; 1,91; 1,89; 1,87; 1,82; 1,81; 1,71; 1,63; *0,92*
	655	6	2,06; 2,01; 1,98; 1,96; 1,94; 1,90
	65.	3	2,03; *1,47*; *1,27*
	660	1	1,91
	661/660	1	2,02
	661	82	2,16; 2,11; 2,10; 2,08; (3); 2,07 (2); 2,06 (2); 2,05 (3); 2,04 (3); 2,03 (6); 2,02 (5); 2,01 (4); 2,00 (5); 1,99 (5); 1,98 (8); 1,97 (3); 1,96 (6); 1,95 (2); 1,94 (4); 1,93 (3); 1,92 (3); 1,91; 1,88; 1,87; 1,86; 1,83; *1,83*; 1,81; 1,77; 1,72; 1,62; *1,54*; *1,40*
	662/661	1	2,07
	66.	4	2,00; 1,86; 1,85; 1,69
	6..	4	1,96; 1,74; *1,60*; *1,58*

* Курсивом дан вес фрагментов и целых кружков с дефектами, повлекшими за собой значительную потерю массы (пробитые, выщербленные, с обломами и т. п.). В скобках показано число монет с одинаковым весом.

** Монеты с двойной датировкой: первая дата указана на *л. ст.*, вторая — на *об. ст.*

Остальные 88 экземпляров (в том числе 11 фрагментов) представляют продукцию других монетных дворов. Большинство этих монет анонимны, на многих отсутствуют выпускные сведения, но все они так или иначе связаны с существованием Монгольской империи 40—60-х гг. XIII в.

1. Малоазиатские Сельджукиды, Кайхусрау IIб. Кайкубад (634—643/1237—1246). Сивас, 640/1242—43 г. (рис. 12, *4*). 3 экз. (одна монета восстановлена из 6 обломков, дата неразборчива).

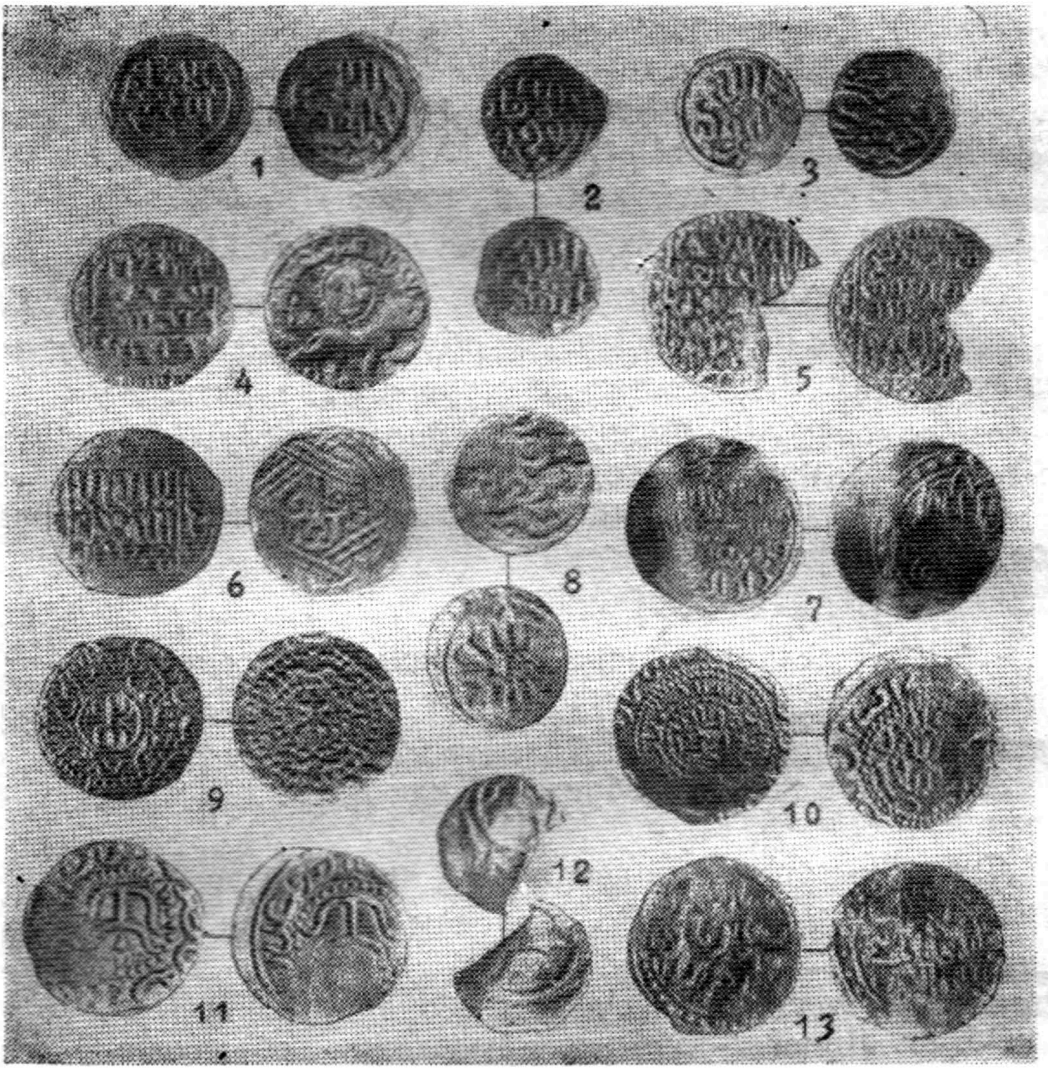

Рис. 12. **Монеты Отрарского клада.** *1—3.* Монеты с надписью خليفة الله. *4.* Сивас, 640 г. х. *5.* Конья или Сивас 643 г. х. *6.* Тебриз, 6.5 или 6.8 г. х. *7—9.* Крым, без года или с утраченными датами. *10.* Крым (?), 652 г. х. *11—12.* Монеты крымской группы с тамгой Ариг-Буги. 13. Монета с надписью قتلغ بولسون.

Л. ст. В поле, в квадратной рамке, образованной строками внешней надписи: السلطان / الاعظم / كيخسرو / بن كيقباد *Султан высочайший Кайхусрау ибн Кайкубад.* По сторонам — выпускные сведения: ضرب هذا / بسيواس / سنة اربعين / ستمائة *Чеканено это в Сивасе в году шестьсот сороковом* (на дефектном экземпляре иначе: ... / بسواس فى سنة / ...). По краю монеты ободок из раздельных или слитых точек.

Об.ст. Лев, идущий вправо, над ним солнце с чертами человеческого лица. Слева от солнца и под ногами льва нанесены точки, трех- или восьмилучевые звезды. Сверху полукругом — тронное имя халифа куфическим почерком: الامام المستنصر بالله امير المؤمنين *Имам ал-Мустансир-биллах, амир верующих* (слово *ал-Мустансир* на двух монетах искажено: المنلصر и

المستعصم). Точечный ободок[25]. Диаметр монет 21—23 мм, вес — 2,89; 2,83; 2,72 г.

2. Кайхусрау II б. Кайкубад. Название монетного двора утрачено[26], 643/1245—46 г. (рис. 12, *5*). 1 экз., обломан.

Л. ст. В квадратной рамке из точек: ظل السلطان الاعظم / الله فى العالم / [غياث]الدنيا والدين / [كيخ]سرو بن كيقباد / [قس]يم امير المؤمنين *Султан высочайший, тень Аллаха в мире, Гийас ад-дунйа ва-д-дин Кайхусрау ибн Кайкубад, напарник амира верующих.* В сегментах по сторонам квадрата: ضرب هذا / الدرهم / بمدينة ... *Чеканен этот дирхем в городе...* (обломано). По краю монеты — точечный ободок.

Об. ст. В точечной рамке, как на *л. ст.*, символ веры и тронное имя халифа ал-Муста'сима: بسم الله الرحمن الرحيم / [لا] اله الا الله / [محمد ر]سول الله / [الاما]م المستعصم / [بالله]ه امير المؤمنين. Отдельные слова искажены. В сегментах — дата чеканки... / فى سنة / ثلثة و / اربعين *В году* [*шестьсот*] *сорок третьем.* Точечный ободок. Диаметр 22,5 мм, вес 2,01 г.

3. Великие кааны. Тебриз, 6.5 или 6.8 г. х.[27] (рис. 12, *6*). 1 экз.

Л. ст. Символ веры в квадратной линейной рамке: لا اله الا الله وحده / لاشريك له. По сторонам квадрата — выпускные сведения: ضرب تبريز / سنة ... ه ... /стерто/ وستمائة *Чекан Тебриза в году шестьсот...* Точечный ободок.

Об. ст. Линейно-точечная композиция, образующая вплетенные в круговой ободок два пересекающихся треугольника, в центре которых в 2 строки: قاان / العادل *Ка'ан справедливый.* Диаметр 21 мм, вес 2,83 г.

4. Город?, 643/1245—46 г. (рис. 11, *6*) — 1 экз. Оформление монеты полностью соответствует типу I алмалыкских дирхемов. Надпись в центре *л. ст.* искажена: عالط / عله. Монета также названа дирхемом, наименование монетного двора неясно: توبق или تولق. Диаметр 19 мм, вес 1,58 г.

5. Пулад, 658/1259—60 г. (рис. 11, *7*) — 2 экз.; на одной монете год стерт.

---

[25] *Марков А.* Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. Спб, 1896, с. 382, № 141—144.

[26] Кония или Сивас (там же, с. 383, № 160—161). Экземпляр с аналогичными надписями (в сегментах иначе) описан Х. М. Френом; см.: *Fraehnii* Recensio numorum muhammedanorum Academiae imp. Scientarum Petropolitanae, Petropoli, 1826, p. 154—155, n. 9.

[27] Возможно, 648/1250—51 г. (см.: *Сейфеддини М. А.* Монеты ильханов XIV века. Баку, 1968, с. 26) или 658/1259—60 г. (известны в частной коллекции С. А. Чолака, г. Симферополь).

Л. ст. В поле в 3 строки неровным письмом куфи: ضرب هذ / الدرهم / بسكة بولاد *Чеканен этот дирхем на монетном дворе Пулада.* Над первой строкой виньетка. По сторонам надписи, начиная слева, дата: ... / في شهور / سنة ثمان خم[سين] / *В месяцах года [шестьсот] пятьдесят восьмого.* Круговой ободок в две линии разной толщины.

Об. ст. В центре, в двухлинейном круговом ободке — тамга Мункэ-каана в виде двойного трезубца [28]. За ободком по кругу: لا اله الا الله محمد رسول الله خالصا مخلصا *Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха искренне, преданно.* Внешний ободок двухлинейный. Диаметр 18—20 мм, вес — 1,74; 1,73 г.

6. Эмиль, 658/1259—60 г. (рис. 11, *8*). 1 экз., обломан.

Л. ст. В поле в 3 строки стилизованным куфическим письмом — символ веры: لا اله الا / الله محمد / رسول الله. По сторонам, начиная сверху: ضرب / الدرهم / بسكة / امل *Чеканен дирхем на монетном дворе Эмиля* [29]. Линейный ободок по краю.

Об. ст. В центре, в двухлинейном круговом ободке — тамга Мункэ-каана, по сторонам которой две орнаментальных виньетки. В круговой легенде за ободком, исполненной декоративным куфи оригинального стиля: بتاريخ سنة ثمان وخمسين وستمائة *В году шестьсот пятьдесят восьмом.* Двойной линейный ободок. Диаметр 19 мм, вес 1,42 г.

7. Эмиль, зу-л-ка'да 660 г. х/сентябрь-октябрь 1262 г. (рис. 11, *9*). 2 экз.

Л. ст. Однотипна с предыдущим экземпляром.

Об. ст. В центре, в двойном линейном кружке — тамга другого рисунка (вероятно, Ариг-Буги) [30]. По кругу тем же почерком, что и на монете 658 г. х., дата: بتاريخ ذ القعد سنة ستين وستما *В* [*месяце*] *зу-л-ка'да года шестьсот шестидесятого.* Ошибки в орфографии слов месяца и сотен года (вместо ذي القعدة и ستمائة). По краю линейный ободок. Диаметр монет — 19 мм, вес — 1,50; 1,45 г.

8. Орду ал-А'зам, без указания года (рис. 11, *10—14*). 24 экз. Все монеты относятся к одному общему типу, распадающемуся на целый ряд вариантов и разновидностей. Вари-

---

[28] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. — Труды Музея палеографии АН СССР, т. 2. Л., 1930, с. 105—106; *Пахомов Е. А.* Монеты Грузии. Тбилиси, 1970, с. 139.

[29] Орфография этого названия (*Имил*, с первым долгим) соответствует данным рукописных источников. См.: *Бартольд В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1, Тексты, Спб., 1898, с. 105, 120 и 138.

[30] См.: *Френ Х. М.* Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Спб., 1832, с. 2, № 3; табл. X, № CCCXXXV.

антные различия в основном касаются содержания, формы и расположения отдельных надписей и украшений.

Л. ст. В поле в 2 строки «цветущим» куфи — название монетного двора: الاعظم / الاردو *Орду высочайшая.* В центре между строками над буквой ع — точка или маленький кружок; в одном случае это значок в виде волнистой линии (на неск. экз. стерто или отсутствует). Сверху и снизу от центральной надписи — по-разному: арабская надпись اعادن// اعادن или اعادر// اعادر (чтение последних букв со-

Таблица 2

Вариантные отличия штемпелей монет Орду ал-А'зам

а. Л. ст.

Вариант	Низ	Верх	Знаки в центре
А	اعادن		Нет
Б			•
В		То же? (стерто) ...	Стерто
Г			~
Д			Нет
Е		То же	• или о
		»	То же
		»	•
		•	•
Ж			о

б. Об. ст *

Вариант	Низ	Верх	Знаки справа
I	(в разных начертаниях)		) или ' (на неск. экз. стерто)
II		То же	Стерто
III			Нет
		То же	•
		»	•

* Тамги, перечеркнутые второй линией или без соединительной черты, отмечены только на штемпелях об. ст. варианта III.

мнительно; см. ниже), уйгурское слово в разных начертаниях или орнаментальные виньетки (табл. 2, *а*). Ободок сложный: круг из точек между двумя двухлинейными или одно- и двухлинейным.

Об. ст. В таком же ободке крупными массивными буквами прямоугольных очертаний: الله *Аллах*; последняя буква дополнена сверху орнаментальным «цветением». Между двумя буквами ل, широко отставленными друг от друга, помещен вертикально тамгообразный знак в виде двух колец, соединенных короткой прямой чертой[31]. На трех монетах эта черта пересекается горизонтальной линией, на двух других вообще отсутствует, и кольца касаются друг друга. Верхнее кольцо соединяется с орнаментальной виньеткой (2 варианта), заполняющей пространство над словом الله. В правой части между буквой ا и ободком на двух монетах изображен маленький значок ⟩[32], еще на одной монете — знак наподобие запятой, касающейся внутренней линии ободка (на неск. экз. стерто или обрезано, на остальных отсутствует). Внизу, под словом الله — арабские куфические буквы в раздельном написании وحده, составляющие слово وحده [*Аллах*] *един*, или уйгурское слово (табл. 2, *б*).

Все монеты, кроме одной, представляют собой толстые серебряные кружки различного диаметра, часто неправильной формы. По размеру и весу они четко делятся на две группы:

а) диаметр — 17,5—22 мм, вес — 2,67—3,72 г (17 экз.);

б) диаметр — 13—16 мм, вес — 1,36—1,58 г (6 экз.).

Одна монета по размеру (22 мм) соответствует первой группе, но по весу (1,53 г) относится ко второй. Средний вес монет первой группы (по 16 экз., одна монета обломана) — 3,25 г, второй группы (по 7 экз., включая крупный тонкий кружок) — 1,50 г. Распределение монет Орду ал-А'зам по вариантным парам штемпелей и их метрология указаны в табл. 3.

9. Дженд (?), без указания года (рис. 11, *15*). 8 экз.

Л. ст. В поле в 3 строки — символ веры: لا اله الا / الله محمد / رسول الله /. Точечный ободок, заключенный между двух- и однолинейным.

Об. ст. В таком же ободке в 4 строки: جند / الناصر لد / ين الله امير / المؤمنين *Дж.н.д* (или *Х.н.д*?). *Ан-Насир лидинилах, амир верующих.* Две монеты оформлены четким и аккуратным декоративным куфи, остальные имеют более грубые надписи с искажениями. Диаметр — от 19,5 до 23 мм, вес — 1,46; 1,42; 1,35; 1,34; 1,12 (пробита); 0,99 (стерта и разрезана); 0,98 и 0,71 г (обе обломаны).

10. Монеты, аналогичные предыдущим, но без слова جند

---

[31] По определению Н. П. Лихачева, тамга такой формы принадлежала одному из первых Чингисидов: *Лихачев Н. П.* Указ. соч., с. 147—148.

[32] Вероятно, тоже тамга: ср. одну из тамг на монете Угэдэя и Чагатая (там же, с. 147 и 149).

Таблица 3

Чекан Орду ал-А'зам

Варианты		Кол-во	Диаметр, мм	Вес, г
Л. ст.	*Об. ст.*			
		Крупные		
А	I	1	19	3,28
Б	I	1	18,5—20	3,23
В	I	1	19—20	3,28
Г	II	1	22	3,52
Д	I	1	18,5—21	3,00
Е	I	2	18—20,5	3,03; 2,75 (обломана)
Е	III	5	19—22	3,64; 3,62; 3,41; 3,09; 3,04
Е	II/III*	1	19—20	3,72
Е	Неясно**	1	22	1,53
Ж	III	2	17,5—20	3,34; 3,09
Ж	II/III***	1	17,5—20	3,08
?	II/III****	1	18—19,5	2,67
		Мелкие		
Д	I	2	13—15	1,54; 1,38
Е	II	2	13,5—15	1,53; 1,36
Ж?*****	III	2	14—16	1,58 (2 экз)

* Стерто сверху.

** *Об. ст.* мелкие нечеткие детали и сильная потертость (тонкий кружок).

*** Стерто сверху.

**** Двойной удар штемпеля на обеих сторонах.

***** Стерто снизу.

на *об. ст.* (рис. 11, *16*). 3 экз. На одной монете вместо этого слова виньетка, на 2 других стерто. Надписи также с искажениями. Диаметр 20—22 мм, вес — 1,33; 1,28; 1,13 г (обломана).

11. Наподобие предыдущих и с теми же надписями, но на *об. ст.* в другом расположении, мелкие (рис. 11, *17*). 4 экз.

Л. ст. В тройном линейном ободке символ веры, как на предыдущих монетах.

Об. ст. В таком же ободке имя и титул ан-Насира 3 строками: الناصر / لدين الله / امير المؤمنين. Почерк грубый и неровный, надписи искажены. Все монеты сильно потерты. Диаметр 14—17 мм, вес 0,82; 0,79; 0,75; 0,69 г.

12. Без выпускных данных, содержат только титулы халифа. Различного диаметра, обычно неправильной формы. 2 варианта.

а) *Л. ст.* В поле в 2 строки: الامام / الاعظم *Имам высочайший.* Снизу и сверху — волнистые линии с изломами. В разных местах по полю монет несколько точек. Линейный ободок.

Об. ст. В линейном ободке в 2 строки, читая снизу: خليفة الله *Наместник Аллаха.* Последняя буква нижнего слова украшена «цветением» в форме круто изогнутого над строкой

отростка, не соединенного с самой буквой. Снизу и справа от надписи — орнаментальные элементы; несколько точек по полю монет (рис. 12, *1—2*). 11 экз.

б) Обе стороны чеканены штемпелями, соответствующими *об. ст.* варианта *а* (рис. 12, *3*). 9 экз.

Метрологические данные монет приведены в табл. 4.

Таблица 4

Метрология монет с надписью خليفة / الله

Вариант	Кол-во	Диаметр, мм	Вес, г
а	1	18—19	2,27*
	4	16—18	1,78; 1,75; 1,58; 1,28
	6	14—16	1,46; 1,44; 1,37; 1,31; 1,21; 1,12
б	6	15—17	1,48; 1,41; 1,23; 1,18; 1,02; 0,92
	3	13—15	1,30; 1,19; 1,10

* Отличается от остальных не только размерами и весом, но и внешними данными: правильной круглой формой, более аккуратным исполнением штемпелей и широкими ободками. Возможно, это наиболее ранняя из монет данной чеканки.

13. Крым, без указания года или с сомнительной датой. 5 экз. Монеты имеют различное оформление, однако ряд общих признаков позволяет видеть в них модификации одного типа.

1. Л. ст. В поле 5 строками: ضرب / هذه الدر / وهم فى بلد / قرم هذا / دار الضرب (буква و в начале третьей строки, бесспорно, относится к слову هذا) *Чеканен этот дирхем в области Крым, а это монетный двор.* Круговой ободок из крупных точек между двумя линейными.

Об. ст. В фигурном картуше из тонких линий — полустертая тамга Мункэ-каана, по сторонам которой надписи арабским письмом, одна из них срезана краем монеты, вторая непонятна: نور انبحه или نوا انلحه (?) Ободок, как на *л. ст.* (рис. 12, *7*). Диаметр 21—22 мм, вес 3,32 г.

2. Л. ст. Надпись в 4 строки: ضرب / هذه الد / رهم فى بلد / قرم *Чеканен этот дирхем в области Крым.* В начале последней строки знак наподобие цифры ٦, а над буквой ر — знак ٧. (Не исключено, что это обозначение года, однако от попытки конкретной датировки мы пока воздержимся). Ободок, как на предыдущей монете, но точки мельче.

Об. ст. Тамга Мункэ-каана, по сторонам которой искаженные надписи احـــه ... (стерто) и تـــعات (?). В таком же ободке. Диаметр 21,5 мм, вес 3,32 г.

3. Л. ст. того же штемпеля, что и на предыдущем экземпляре.

Об. ст. Тамга Мункэ-каана в фигурном картуше, образующем единый рисунок с надписью по сторонам тамги: بعار له (?)/...(стерто). Точечно-линейный ободок (рис. 12, *8*). Диаметр 18 мм, вес 1,73 г.

4. Сильная потертость или дефект чеканки: на обеих сторонах сохранилась лишь центральная часть оттиска.

Л. ст. ... سنه سبع /اسنه سبع ن(؟) م[قر] فی بلد الدرهم / هذا ضرب *Чеканен этот дирхем в области Крым года...* (?) [33].

Об. ст. По сторонам тамги полустертые надписи: ... صر / ... سب ... Под вторым словом — четыре точки, поставленные в ряд. Диаметр 20,5 мм, вес 2,38 г.

5. Л. ст. Двойной оттиск со смещением штемпеля на 150°, часть надписи забита и стерта. Надпись куфи резких угловатых очертаний с расщеплениями на концах букв сохранилась частично: ... / لد قر ... / الدرم / هذا ضرب. Буква م в конце второй строки выбита так, что ее можно читать как окончание слова в третьей строке, т. е. قرم *Крым*; над ней же помещены две точки от нижнего ق. Справа внизу оттиснут фрагмент верхней части штемпеля: две первых буквы надписи (ضر) и орнаментальная виньетка над ними. Ободок, как на монете, описанной под № 13, *1*.

Об. ст. Тамга Мункэ-каана, по кругу надпись стилизованным письмом, близким почерку *л. ст.*, частично стертая и срезанная сдвигом штемпеля; чтение неясно. Ободок тот же. Диаметр 21,5 мм, вес 3,05 г.

14. Крым, без года (утрачен?) (рис. 12, *9*). 1 экз.

Л. ст. В центре, в линейном кружке — тамга Мункэ. Внутренняя круговая легенда на персидском языке упрощенным насхом без диакритики: معتمل سرای در شهر قرم *Изготовлен* (или *употребляется*) [*во*] *дворце* (*? — сарай*) *в городе Крыме.* За точечным ободком — внешняя круговая легенда, более чем на $^2/_3$ срезанная краем монеты. Возможное чтение сохранившейся части: ... الدرهم فی بلد قر[م] ... *...дирхем в области Крым....*

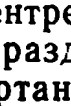
Об. ст. Та же тамга в точечном кружке, по обеим сторонам которой мелкие неясные значки с точками. Вокруг ободка — надпись из двух частей, разделенных растительным орнаментом: ساں / ارىدں (чтение неясно). За вторым точечным ободком — внешняя круговая легенда, срезанная краем монеты

---

[33] Строка наполовину стерта, следующая за ней утрачена. Если это действительно дата, то здесь может быть *семь* или *девять*:, для времени правления Мункэ такими годами являются 649/1251—52 и 657/1258—59 (последний, по нашему мнению, более вероятен).

(судя по остаткам нижних частей букв, аналогичная надписи *л. ст.*). Диаметр 20,5 мм, вес 3,54 г.

15. Крым (?), 652/1254—55 г. (рис. 12, *10*). 5 экз. По оформлению, почерку надписей и манере исполнения близки предыдущему типу. Значительная дефектность монет (частично стерты, 2 экз. обломаны), графические искажения и фрагментарность оттисков штемпелей препятствуют полному разбору надписей. В описании применен метод типовой реконструкции взаимным наложением однозначных элементов, поскольку ни на одной монете надписи не сохранились полностью.

Л. ст. В центре, в круговом ободке из слитых точек (на 1 экз. точки раздельны) — надпись в 2 ряда буквами в раздельном начертании, стилизованными под геометрический куфи: или ; связному чтению не поддается. Снизу на 1 экз. слово ضرب *чекан* — следовательно, в неразобранной надписи заключено указание монетного двора. Во внутренней круговой легенде, выбитой искаженным мелким почерком без диакритики, различаются слова درهم *дирхем* и حسين *Хусейн?* (или حسن *Хасан?*). За двойным точечным ободком — внешняя круговая легенда смесью куфи и скорописного насха: ضرب هذه الدرهم سنة اثنى وخمسين ستمائة *Чеканен [этот дирхе]м*[34] *в году шестьсот пятьдесят втором.*

Об. ст. В кругу из точек — тамга Мункэ, по сторонам которой два орнаментальных значка. Надпись по кругу прочесть не удалось: даже без учета графических искажений любая группа букв может иметь несколько разночтений. В одном месте видно ابن احمد или ابن احمد (?); в другом, возможно, قرم *Крым.* Двойной точечный ободок, за которым остатки внешней круговой легенды: ... ضرب и ... قرم فى ... *Крым* (?) *в...* и ... هذه الدرهم فى ... *Чеканен этот дирхем в...* На одной монете сохранилась часть внешнего линейного ободка. Диаметр монет — 21—22,5 и 24 мм, вес 3,50; 3,35; 3,01; 2,92 (обломана) и 2,74 г (фрагмент, склеен из 2 обломков).

16. Монеты с изображением на обеих сторонах тамги другого рисунка (вероятно, Ариг-Буги)[35], 2 варианта.

а) Тамга в точечном (на 1 экз. — двойном) круговом ободке, под ней орнаментальная виньетка. За ободком — неразборчивые остатки надписей, обрезанные и частично стертые. На одной монете сохранилась часть внешнего кругового линейного ободка (рис. 9, *11*). 3 экз. Диаметр 21—23 мм, вес — 3,60; 3,35; 3,01 г.

б) Тамга в линейном круге, за которым остатки надписей

---

[34] Или, может быть, فى بلد قرم [*в области Кры*]*м.*

[35] По форме близка тамге на монетах Эмиля (описание 7), но отличается от нее в деталях и технике исполнения.

арабским письмом: на одной стороне стерто, на другой — возможно, дата: ...سنه اح... *В году... первом* (?) (661 г. х.?). 1 экз., мелкий, обломан (рис. 12, *12*). Диаметр 17 мм, вес 1,24 г.

Манера исполнения, почерк надписей и метрологические данные сближают эту группу с двумя предыдущими типами (описание *14* и *15*), что позволяет считать и эти монеты крымскими по происхождению.

17. Без указания года, место чеканки не определено. Надписи на тюркском языке арабским письмом[36] (см. рис. 12, *13*). 1 экз.

Л. ст. В поле в три строки искаженным насхом без диакритики: (?) سنا بار / معارنا ق / قرمس . Чтение надписи неясно. Первое слово можно предположительно читать как يسالگان *сделанный, изготовленный*; слово во второй строке, очевидно, يرماق *монета, деньги*. Не исключено, что последняя строка написана уйгурским письмом, но и в этом случае чтению не поддается. Точечный ободок заключен между двумя линейными.

Об. ст. В таком же ободке, в три строки почерком насх с элементами куфи: قتلغ بولسون اون ايكى سى / بير التون *Будь счастлив. Двенадцать этих* [*монет*] *— один алтын.* Вверху — орнаментальный значок. Диаметр 22 мм, вес 2,06 г.

18. Два разнотипных обломка монет.

1) Часть тамги Мункэ-каана в линейном ободке, за ним — полустертые остатки круговой легенды почерком, близким надписи *об. ст.* монет Эмиля. Внешний ободок линейный. На другой стороне в фигурном картуше — обрывок надписи декоративным куфи: ... / اوامد... (?).

2) На обеих сторонах в линейном ободке и за ним — неразборчивые обрывки легенд арабским письмом очень грубого исполнения.

Монеты Отрарского клада, безусловно, не отражают местного денежного обращения ни в комплексе, ни какой-либо частью и не были предназначены для такового. Собственная серебряная монета появилась в Отраре только в 670/1271—72 г. в процессе денежной реформы Мас'уд-бека, фактического правителя Средней Азии при монголах[37]. До этого здесь обращались медные посеребренные дирхемы и медные фельсы мест-

[36] Орфография надписей как будто свидетельствует в пользу уйгурского языка (ср.: *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М.—Л., 1966, с. 47). Вес монеты, близкий алмалыкскому серебряному весовому стандарту, также позволяет предположить ее происхождение из Восточного Туркестана.

[37] Подробно об этой реформе см.: *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 96—114.

ного производства, а также золотые низкопробные динары разных монетных дворов, включая и отрарский. Обращение же серебряной монеты (местной или иногородней) в городах Средней Азии на первых двух этапах по периодизации Е. А. Давидович, т. е. от монгольского завоевания до реформы Мас'удбека, по ряду объективных экономических причин было невозможно [38].

Состав монетной части клада уникален. В нем представлены как новые, неизвестные до сих пор монетные дворы (Эмиль, Дженд (?), توبق или تولق), так и продукция известных городов, но других типов и годов чеканки (Алмалык [39], Пулад [40], Крым [41]) или в другом металле (Орду ал-А'зам [42]). Ряд монет неустановленного происхождения и без дат (описание, № 11, 12, 17 и 18) также неизвестны по публикациям.

Terminus post quem сложения клада определяется по позднейшей датированной монете (Алмалык, 662/январь 1264 г.) и, учитывая абсолютное преобладание в нем дирхемов предыдущего, 661/1262—63 г., может быть близок реальной дате его захоронения. С другой стороны, отсутствие в комплексе пореформенных монет, чеканка которых как в Алмалыке, так и в самом Отраре началась уже в 670/1271—72 г., указывает на позднюю границу его датировки. Таким образом, сложение клада относится к второй половине 60-х гг. XIII в., что соответствует концу второго этапа денежного обращения в Средней Азии [43] при монголах.

---

[38] Там же, с. 129—130, 133 и сл.

[39] Известны алмалыкские дирхемы с датами 628 г. х. (особый тип), 638, 639, 643, 646, 648, 650, 654, 65 и далее после 670 г. х.: *Давидович Е. А.* Указ. соч., с. 38 и 95; монета 654 г. х. упомянута на с. 116.

[40] Монеты Пулада известны для пореформенного периода и могут относиться к посл. четв. XIII — нач. XIV в. *Жуков В. Д.* Дукентский клад (предварительное сообщение). — ИМКУ, 1. Ташкент, 1959, с. 187—189. Судя по остаткам названия месяца зу-л-ка'да на одной из 2 монет Пулада в Дукентском кладе (вкл. на с. 188, рис. 5), дата на них указывалась.

[41] По имеющимся данным, самые ранние монеты Крыма датированы 664—665/1265—67 гг.: *Марков А.* Инвентарный каталог, с. 859; *Лихачев Н. П.* Материалы для истории, с. 114—115; рис. 93; *Старокадомская М. К.* Солхат и Каффа в XIII—XIV вв. — Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 165.

[42] О золотых монетах Орду (Урду) ал-А'зам см.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии, — НЭ, вып. 2, 1960, с. 125—126 и 136; *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии после монгольского нашествия XIII в. — НАА, 1970, 6, с. 61. Единственное опубликованное упоминание 2 серебряных монет этого двора имеется в труде Л. К. Маркова (Инвентарный каталог, с. 859, № 62—63). В настоящее время в собрании Гос. Эрмитажа находятся 11 экз., описание которых приведено в рукописном каталоге Р. Фасмера. Авторы выражают благодарность за это сообщение сотруднику Государственного Эрмитажа И. Г. Добровольскому (см. также сноску 79).

[43] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 136—141.

Наличие в кладе вместе с монетами большого числа ювелирных изделий, многие из которых повреждены (причем явно сознательно), а также слитков и слитин серебра, заставляет рассматривать весь комплекс именно как серебряный лом, предназначенный к переработке. Возможно, хозяин его был торговцем или ремесленником-ювелиром. Накопление и захоронение клада могло быть каким-то образом связано с подготовкой и проведением реформы 670/1271—72 г.: например, металл мог запасаться для будущей чеканки монет «эмиссаром» местных властей или частным лицом, или же, наоборот, скрывался от возможной реквизиции для монетного двора.

Рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся отдельных групп и типов монет.

Алмалык. Один из известнейших городов, входивших в состав Чагатайского улуса, располагался в долине р. Или неподалеку от совр. Кульджи. Расцвет этого политического, торгового и культурного центра приходится на XIII—XIV вв.

Находка Отрарского клада, благодаря которой число известных серебряных монет алмалыкской чеканки до реформы 670/1271—72 г. возросло в несколько раз, подтверждает вывод Е. А. Давидович о регулярности работы этого монетного двора в предреформенный период[44]. В кладе представлены дирхемы, чеканенные штемпелями 637—640, 643, 645, 648, 647 или 649, 653—655, 65., 660—662, 66. и 6.. гг. х. Учитывая количественное соотношение монет последних лет чеканки и их сохранность (судя по общей потертости и другим дефектам обращения, группа монет 660—662 гг. х. находилась в интенсивном обороте в среднем около 1—2 лет), можно полагать, что все алмалыкские дирхемы изъяты одновременно и непосредственно из обращения не ранее 1264 и едва ли позднее 1265 г.[45] и что перед нами вполне достоверный и точно датированный «моментальный снимок» серебряного денежного обращения города Алмалыка. Отсутствие в кладе известных по другим источникам монет 646 и 650 гг. х.[46] может объясняться их выпуском в незначительном количестве и естественной убылью в процес-

---

[44] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 38—39.

[45] Наиболее вероятным моментом тезаврации «восточной» группы монет (Алмалык, Орду ал-А'зам, Эмиль, Пулад) нам представляется именно первая половина 1264 г.: наличие в кладе только одного дирхема с датой раби'I 662/январь 1264 г. по сравнению с 83 экз. предыдущего 661 г. х. и отсутствие в нем монет Орду ал-А'зам 662/1263—64 г. (известны в основном собрании Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, инв. № 15004—15007) вряд ли случайны и могут прямо или косвенно указывать на то, что монеты 662 г. х. просто не успели попасть в клад в большем количестве, чего мы вправе ожидать, будь этот комплекс изъят из обращения позднее.

[46] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 38, 95. На двух монетах клада дату можно читать как 650, но по ряду причин (прежде всего из-за общей искаженности надписей, допускающей даже мысль о фальсификации этих экземпляров) они отнесены к монетам с сомнительной датой (65 г. х.).

се обращения; некоторые годы представлены и в нашем кладе 1—3 экземплярами, что свидетельствует о том же.

Количественные данные по годам чеканки (табл. 1) и сравнительное изучение повторяемости и смены штемпелей наглядно показывают насыщенность и интенсивность монетного производства в разные годы. Вполне очевидно, например, что с 637/1239—40 (скорее всего, с конца года) по 640/1242—43 г. чеканка серебра была непрерывной, и максимум ее приходился на 638/1240—41 г. То же можно сказать и о дирхемах 653—655 г. х. с максимумом в 654/1256 г. После 655/1257 г. производство серебряной монеты, видимо, было по каким-то причинам прекращено[47], возобновилось в самом конце 660/1262 г. и продолжалось весьма интенсивно и без перерыва весь 661 и, по крайней мере, первые месяцы 662 г. х. Эта последняя группа, самая многочисленная в кладе, представлена 32 штемпелями *л. ст.* и 23 *об. ст.* в 49 различных парных сочетаниях[48].

Реальный вес дирхемов за разные годы очень различен: даже в пределах одного года разница в весе монет достигает 0,3—0,5 г. и более (см. табл. 1). Наглядное представление о соотношении реального веса разновременных монет клада дает графический метод. На гистограмму (табл. 5) нанесены весовые данные всех целых дирхемов Алмалыка[49], округленные до 0,1 г. Для отдельных годов чеканки они приведены изолированно, а там, где это позволяют общность типа и непрерывность чеканки, — по группам смежных годов. Так, объединены показатели по 638—640, 653—655 (включая 65.) и 660—662 (включая 66.) гг. х.

Во всех трех группах выделяется преобладающая весовая категория 2,0 г и общие пределы ремедиума (без учета единичных отклонений) порядка —0,20 и +0,15 г. Наиболее показательна в этом отношении группа 660—662 гг. х., включающая 86 экз.

В свое время Е. А. Давидович на основании весовых данных отдельных серебряных монет пришла к выводу о существовании в чекане Алмалыка двух весовых стандартов — «тяжелого», весом более 2,2 г (до 645/1247—48 г.), и «легкого» (предположительно с 646/1248—49 г.); второй из них, опреде-

---

[47] Медные фельсы чеканились и позднее, в 656 и 657 гг. х.: *Марков А.* Указ. соч., 2-е добавление (1900 г.), с. 892, № 23а; *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. — Сочинения, т. 4. М., 1966, с. 83.

[48] Наблюдения над особенностями штемпелей и техникой чеканки дали нам много других интересных результатов, но объем публикации не позволяет остановиться на них подробно.

[49] Дефектные монеты, вес которых в табл. 1 показан курсивом, на гистограмме не учтены.

Таблица 5

Весовые данные монет Алмалыка по годам чеканки

Год чеканки (г. х.)*	Кол-во	Вес, г**									Всего в группе
		1,6	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1	2,2	2,3	2,4	
638—640	4—			*	*	*	*	*		*	14
643						*					1
645						*	*				2
648						*	*				3
647/9				*	*						2
653—655 и 65.	4—	*	*	*	*	*	*				30
	8—										
	12—										
660—662 и 66.	4—	*	*	*	*	*	*	*			86
	8—										
	12—										
	16—										
	20—										
	24—										
	28—										
	32—										
	36—										
	40—										
	44—										
	48—										
6..			*			*					2

* Объединены данные по 638—640; 653—655 и 65.; 660—662 и 66. гг. х.
** С округлением до 0,1 г (учтены только целые монеты).

ляемый в 2,1 г, послужил эталоном для пореформенной чеканки серебра в государстве Чагатаидов [50].

Среди ранних монет клада только 2 экземпляра 638/1240—41 г. имеют реальный вес, позволяющий безусловно отнести их к «тяжелому» стандарту (2,36 и 2,20 г). Однако не случайно мы говорим именно о **реальном** весе дирхемов: очевидный факт износа монет, степень которого тем выше, чем продолжительнее их обращение, заставляет полагать, что самые ранние монеты клада чеканены по стопе, заметно превышающей табличную величину их среднего веса. Условно принимая за точку отсчета 1264 г., как наиболее вероятную дату выпадения алмалыкских дирхемов из обращения, можно считать, что монеты первой группы находились в обороте около 22—24 лет, второй — 7—9 лет и третьей — в среднем 1—2 года. Соответственно различной должна быть средняя степень их физического износа в обращении.

Разработанный Е. А. Давидович метод определения указного веса с учетом «средней нормы потертости», вычисленный на материале богатого Термезского клада [51], к сожалению, не может дать стабильных результатов применительно к нашему комплексу: этому препятствует не только малочисленность хронологических групп монет (первая из них насчитывает всего 14 экз.), но и отсутствие сведений об интенсивности их обращения в разные годы, также влияющей на средний уровень дефекта массы. Однако даже приблизительная оценка весовой категории для первой из 3 групп (638—640 гг. х.), полученная с применением указанного метода, дает нам величину 2,2—2,3 г, в пределах которой должен лежать **указной** вес ранних монет. Реконструируемый арифметическим методом средний вес дирхемов этой группы составляет 2,23 г. К этой же величине (тоже с поправкой на потертость) тяготеют и дирхемы 643, 645 и 648 гг. х. Точное значение указного веса серебра первого этапа не выясняется [52], поскольку при небольшом количестве монет довольно высока вероятность случайных весовых отклонений, однако в целом вывод Е. А. Давидович о «тяжелом стандарте» монеты клада подтверждают.

Средний вес группы 653—655 гг. х., восстанавливаемый этим способом в пределах 2,05—2,10 г (арифметически около 2,08 г) и практически совпадающий с «легким» стандартом (2,1 г), еще больше убеждает в состоятельности предложенно-

---

[50] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 95.

[51] Отмечено, что каждые 4—5 лет обращения приводят к потере в среднем 0,03—0,05 г веса монеты (имеются в виду серебряные дирхемы, аналогичные алмалыкским по весу и размерам). См.: там же, с.90—92.

[52] Впрочем, полученное значение заманчиво близко величине, составляющей $^1/_2$ одного из двух известных среднеазиатских мискалей — самаркандского (4,46 г) или хорезмского (4,55 г); см.: *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии Средней Азии. М., 1970, с. 94—95.

го метода, дающего столь точные результаты даже для сравнительно малочисленных групп монет (в данном случае по 30 экз.).

Любопытно, что реконструируемый аналогичным образом средний вес дирхемов 660—662 гг. х. оказывается ниже ожидаемого: при всех возможных допущениях он не превышает 2,00—2,02 г, хотя в принципе и не противоречит значению указного веса в 2,1 г. Не вдаваясь в подробный анализ отмеченного факта (на имеющемся материале это было бы, видимо, преждевременно), позволим себе лишь высказать предположение, что если такое незначительное, но ощутимое расхождение вызвано объективными причинами, т. е. налицо еще одно снижение веса алмалыкских дирхемов, то оно может быть связано с какими-то явлениями в период между 656/1258 и 660/1261—62 гг., к которому относится и упоминавшееся выше отсутствие серебряной чеканки в Алмалыке.

(В процессе исследования нами рассмотрен вопрос об историко-метрологической атрибуции указного веса дирхемов в 2,1 г, сделана попытка связать его появление с экономическими мероприятиями в Чагатайском улусе после курултая 1251 г.[53] и уточнить время смены весовых стандартов алмалыкских серебряных монет. К сожалению, из-за ограничений объема публикации мы вынуждены снять этот раздел).

Неожиданный результат дает сравнительное изучение типовых особенностей дирхемов Алмалыка. *Л. ст.* I типа (до 643/1245—46 г.) являет собой бесспорное подражание золотым динарам поздних Фатимидов, чеканенным в Палестине и Египте в конце XI — второй половине XII вв.[54]: внешнее сходство настолько близко, что на первый взгляд эти монеты кажутся идентичными. Совпадают форма и расположение легенд, их графика, манера исполнения и даже чередование ободков, разделяющих надписи. Разница только в содержании легенд: вместо имени *'Али, сподвижника Аллаха* упомянуто тронное имя халифа ан-Насира; развернутое начало внешней круговой легенды — инвокация с именем Аллаха («басмала») — заменено сокращенным; соответственно изменены выпускные сведения.

Особый интерес вызывает сопоставление центральной надписи в круглом ободке. На фатимидских динарах это غالٍ/عالٍ[4] *Предельно высокий* (перевод наш. — *В. Н.*), указание на высокую пробу золота, которой действительно отличались эти монеты. Алмалыкские дирхемы дают иное начертание, хотя и тем же почерком и в таком же расположении: в конце пер-

[53] Подробно об этих мероприятиях см.: *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 48—50 и 136—141.

[54] Ср. хотя бы: *Launois A.* Catalogue des monnaies fatimites entrées au Cabinet des Médailles depuis 1896. — Bulletin d'études orientales, t. 24. Damas, 1971, p. 48—53 et pl. III, n. 160—188.

вого слова на всех монетах (за исключением, пожалуй, одной матрицы 639 г. х., представленной 3 экз.) четко видна буква ط с декоративно изогнутым стволом, а второе слово везде выбито слитно, без разрыва между 2 и 3 буквами. Поэтому наиболее возможное чтение надписи — عالط / عليه *Ставящий на нем клеймо* (?), от основного значения корня علط. Относительная редкость и ограниченность сферы употребления производных этого корня (обычно в значении *накладывать тавро, клеймить* [*скот*], иногда в переносном смысле *заклеймить* [*хулой, позором и т. п.*]) заставляют сомневаться в правильности такого чтения. Если же знак в конце первого слова рассматривать как декоративное заполнение пустоты над ل, совпавшее по форме с буквой ط, то и в этом случае допустимо только одно осмысленное чтение — عال / غليه *Высокий в цене.* Впрочем, и это тоже сомнительно: слово غليه в значении существительного, возможное в принципе, в известных нам словарях не зафиксировано, а употребление его в качестве прилагательного (жен. р. от غلي) трудно объяснить грамматически. Похоже, что эта надпись была просто механически, неосмысленно скопирована с золотых динаров и при этом подверглась частичному искажению.

В том, что именно фатимидские монеты послужили образцом для оформления дирхемов Алмалыка, нет ничего странного. Достаточно вспомнить, что золотые динары Фатимидов наряду с византийскими солидами (номисмами, или безантами) благодаря своей высокой пробе были общепризнанным средством международного обращения в Средиземноморье и Передней Азии[55]; ими монголы взимали дань с народов пограничных с империей областей[56]. Естественно, что какая-то часть этого золота проходила и через Алмалык, и местные власти, в чьем ведении находилась монетная чеканка, могли принять внешне привычный тип фатимидских монет как наиболее подходящий для оформления *л. ст.* алмалыкских дирхемов. А поразительное сходство с прототипом и высокая точность воспроизведения деталей свидетельствуют о незаурядном мастерстве художников-каллиграфов и резчиков штемпелей, работавших в Алмалыке.

Можно предположить, что чеканка дирхемов этого типа в Алмалыке началась в 637/1239—40 г.: монеты с *л. ст.*, датированной этим годом, выполнены очень аккуратно и без малейших искажений в надписях, чего нельзя сказать о большин-

---

[55] *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. — Сочинения, т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 255; *Семенова Л. А.* Из истории фатимидского Египта. Очерки и материалы. М., 1974, с. 99—100.

[56] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Ред., вступ. статья и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957, с. 49 и 57.

стве других экземпляров. Замена же этого типа другим после 643/1245—46 г.[57], видимо, обусловлена в какой-то мере несоответствием или непонятностью рассмотренной выше надписи в центре монет, вместо которой позднее здесь помещалось название города.

В прямой связи с чеканом Алмалыка находится уникальный дирхем 643/1245—46 г. с указанием монетного двора توبق или تولق (последнее менее оправдано графически; см. описание, 4). Для уверенного чтения и атрибуции этого топонима у нас нет достаточных нарративных фактов. Единственная более или менее близкая параллель — упоминание в «Мулхакат ас-Сурах» Джамала ал-Карши (нач. XIV в.) «крепости (*касаба*) تربق[58] [или ترلق[59]] из крепостей Алмалыка», где в 658/1260 г. скончался и похоронен «в своей ханака» Хабаш-'Амид ал-Кармини — известный политический деятель при дворе Чагатаидов[60]. Поскольку оба сохранившихся списка «Мулхакат ас-Сурах» поздние и восходят к одной, тоже не оригинальной, сокращенной и изобилующей описками версии, мы вправе допустить, что и формы تربق и ترلق могли появиться в результате искажения (кстати, замена ر буквой ز и наоборот — одна из самых типичных ошибок в рукописях арабской графикой во все времена, причем чаще всего искажаются как раз имена и географические названия, неизвестные переписчикам), и в оригинале это слово могло быть написано توبق[61] (*Тун.к, Туй.к* и т. п.) или تولق *Тул.к*). Все прочие данные об упомянутой «крепости» близ Алмалыка вполне допускают версию о том, что наш дирхем отчеканен именно здесь.

Пулад и Эмиль. Город Пулад упоминается в нескольких источниках XIII в., в частности, у Джувейни (в форме فولاد *Фӯлāд*)[62], Рубрука (*Болат*)[63] и Лю Ю (*Бу-ло*)[64]. Местоположение его определяется в долине р. Боро-Тала, к северу от совр. Кульджи. Серебряный чекан Пулада, известный всего по 4 экз. (2 в собрании Эрмитажа[65] и 2 — в упоминавшемся

---

[57] Неизвестно, чеканились ли алмалыкские дирхемы в 644/1246—47 г., а если чеканились, то по какому типу.

[58] Рукопись ИВ АН СССР В 514, л. 51а.

[59] Рукопись ИВ АН СССР С 286, л. 60б.

[60] См.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения, т. 1. М., 1963, с. 498, 540—544 и сл.

[61] По надписям на монете эта форма наиболее предпочтительна; неясно только чтение третьей буквы, ب, маленькая точка над которой может и не быть диакритическим знаком.

[62] *Бартольд В.* Туркестан... Тексты, с. 106.

[63] Путешествия в восточные страны, с. 126.

[64] *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. 1. London, 1910, p.125.

[65] *Марков А.* Указ. соч., с. 552, № 122—123.

Дукентском кладе[66]), относится к последней четверти XIII — началу XIV вв. Впрочем, в китайской хронике Лю Ю «Си шицзи» (описание путешествия Чжан Дэ в ставку Хулагу в 1259 г.) приводятся сведения об обращении «к западу от Бу-ло... монет из золота, серебра и меди, имеющих надписи, но без квадратных отверстий»[67], однако более вероятно, что они относятся к чекану Алмалыка и Орду[68].

Сообщения средневековых авторов об Эмиле более многочисленны и подробны. Этот город, игравший важную роль в политической жизни Монгольской империи XIII в., располагался на р. Эмель к востоку от Алаколя, недалеко от совр. Чугучака[69]. По свидетельству Плано Карпини[70], город Омыль (Эмиль) входил в состав улусных владений Орды, старшего сына Джучи. В районе Эмиля находилась ставка великих каанов Угэдэя и Гуюка; последний и похоронен здесь в 1248 г.[71] В правление Мункэ-каана и после его смерти этой областью распоряжался его брат Ариг-Буга[72]. Монеты Эмиля до сих пор не были известны.

Наличие на дирхемах Пулада и Эмиля тамги Мункэ-каана подтверждает сведения тех источников, которые указывают дату смерти Мункэ не ранее 1259 г. Очевидно, наиболее точную датировку этого события следует видеть в сообщении Джамала ал-Карши: самое начало 658 г. х.[73], совпадающее с двумя последними неделями 1259 г. На основании этого можно полагать, что наши монеты чеканились в первые месяцы 658/1259—60 г., и с момента получения известия о смерти каана их выпуск должен был прекратиться. Такое известие не могло слишком задержаться в пути до Эмиля[74], если учесть высокую степень организации почтовой связи в империи и общую поли-

---

[66] *Жуков В. Д.* Указ. соч., с. 177 и 187—189.

[67] *Bretschneider E.*, op. cit., p. 128.

[68] В последнее время нами выявлен медный чекан Пулада: одна монета, случайно найденная геологами близ городища Дильберджин в северном Афганистане в 1977 или 1978 г. (передана автору жителем г. Фрунзе Г. И. Величко). Монета сильно окислена, но в центре достаточно ясно видна надпись непрофессиональным почерком (смесь куфи и насха без точек)— ضرب / بولاد *Чеканен в Пуладе,* одинаковая на обеих сторонах; под надписью прямая черта. За линейными ободками — нечитаемые остатки круговых легенд письмом, напоминающим почерк эмильских дирхемов. Все эти данные позволяют датировать описанную монету (очевидно, фельс) тоже XIII в. Диаметр ее — 19—20 мм, вес — 1,10 г.

[69] *Бартольд В. В.* К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. — Сочинения, т. 4. М., 1966, с. 100.

[70] Путешествия в восточные страны, с. 73.

[71] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения, т. 1. М., 1963, с. 460, 557—558, 565.

[72] *Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961, с. 91.

[73] *Бартольд В. В.* Туркестан..., т. 1, с. 573, прим. 4.

[74] Мункэ умер во время похода на Китай, и тело его было доставлено для погребения в Монголию.

тическую обстановку в ее центральной части, когда в подобном известии могли быть заинтересованы многие из Чингисидов.

Не менее интересны монеты Эмиля 660/1262 г. с изображением другой тамги. Известно, что после смерти Мункэ правителем коренного улуса и части Чагатайской орды в течение нескольких лет (1260—1264) был его младший брат Ариг-Бу-га, провозглашенный великим кааном одновременно с Хубилаем и притязавший на престол в Каракоруме. Судя по упоминанию имени Ариг-Буги на булгарских монетах, Джучид Берке в какой-то период признавал его своим сюзереном. Очевидное сходство тамг на эмильских дирхемах и монетах крымской группы (описание, 16)[?] с тамгой булгарских монет, на которых выбито имя Ариг-Буги[75], позволяет видеть в них личный знак этого каана; различия в их внешнем оформлении не выходят за рамки художественных модификаций общего прототипа.

Значительный интерес вызывает бесспорно мусульманский облик монет: язык надписей (арабский), суннитские символы веры и т. д., а также палеографические особенности монетных легенд. В отличие от среднеазиатских монетных эмиссий в чекане Пулада и Эмиля трудно обнаружить прямую традиционную преемственность языковой и религиозной атрибуции: до XIII в. об этих областях, находящихся на самых восточных рубежах мусульманского мира, арабо- и персоязычные источники практически ничего не сообщают. Высокая техника и художественные достоинства монет свидетельствуют о первоклассном мастерстве резчиков штемпелей (вероятно, из числа пленных ремесленников). Очевидно, истоки этого явления надлежит искать в культурных областях Средней Азии, Ирана или Закавказья.

Орду ал-А'зам. По сведениям Джувейни и Рашид ад-дина, летняя ставка Чагатая находилась по соседству с Алмалыком и называлась Куяш. Джувейни сообщает также, что орда Чагатаидов расположена на берегу Или к западу от Алмалыка и называется Улуг-Иф[76] (более верное чтение — Улуг-Эв; кстати, значения слов الغ ايف и الاردو الاعظم синонимичны). В. В. Бартольд, основываясь на наблюдениях Н. Н. Пантусова, полагал, что орде Чагатая могли соответствовать развалины близ с. Кайнак[77] (в 22 км к югу от Кульджи). Значительное количество монет Орду ал-А'зам, представленных в кладе (24 экз.), также может свидетельствовать о ее географической близости к Алмалыку.

---

[75] *Френ Х. М.* Монеты ханов Улуса Джучиева, табл. X, № CCCXXXV.
[76] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 81—82.
[77] Там же, с. 82.

Выше уже отмечалось, что 2 серебряных монеты Орду ал-А'зам изданы А. К. Марковым[78]. Надписи этих монет, приведенные в каталоге, позволяют считать, что речь идет о монетном типе, подобном нашему (вариантные пары А-I и Б-I; см. табл. 2 и 3), а разночтения при сравнении с экземплярами Отрарского клада вызваны, скорее всего, плохой сохранностью и неполным разбором легенд эрмитажных монет[79].

Таблица 6

Инвентарный каталог		Отрарский клад	
Аверс	الله	*Об. ст.*	الله
	واحد	(вар. I)	وحده
Реверс	الاردو	*Л. ст.*	الاردو
	الاعظم	(вар. А и Б)	الاعظم
	عدل		اعادر (или اعادل)

Монеты Орду ал-А'зам не датированы. О времени их выпуска можно судить по изображению тамги **o-o-**, принадлежавшей, по определению Н. П. Лихачева, одному из ближайших потомков Чингис-хана. Кроме того, маленький значок ⌊ на *об. ст.* варианта I (на *л. ст.* вар. Г — в форме —; см. табл. 2), по всей вероятности, тоже тамга, которая могла принадлежать самому Чагатаю (1227—1241)[80]. Тогда первая тамга, судя по ее форме и явно главенствующему положению на монетах относительно второй, должна быть личным знаком

---

[78] *Марков А.* Указ. соч. Добавление, с. 859, № 62—63.

[79] Статья уже находилась в издательстве, когда нам удалось ознакомиться в натуре с 11 серебряными монетами Орду ал-А'зам из собрания Гос. Эрмитажа. Семь из них (инв. № 14997—15003) относятся к тому же общему типу, что и монеты клада, но представляют несколько новых вариантов; в частности, на них выявлены арабские надписи, отличные от рассмотренных здесь. Между прочим, на *л. ст.* монеты, описанной А. К. Марковым как «реверс» (№ 14997, сильная потертость), действительно не عدل, а полустертое عادر или عادن (без обоих алифов!), а на *об. ст.* (у Маркова «аверс») все же وحده — со стертым و и конечным ه в виде крупной точки. Еще четыре монеты, упоминавшиеся выше (прим. 45), имеют дату 662/1263—64 г. и представляют совсем иной тип — без тамги $\overset{o}{o}$, но с круговыми надписями на обеих сторонах и более сложным обрамлением *об. ст.* К сожалению, мы уже не имеем возможности учесть эти новые данные в основном тексте статьи.

[80] Ср. одну из тамг на монете, упоминавшейся выше, а также тамгу на медных посеребренных дирхемах Самарканда 1230-х гг.: *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 15, 17, рис. 1, *6*.

великого каана[81]. При жизни Чагатая этим кааном был младший сын Чингис-хана Угэдэй, правивший в те же годы.

На длительность и периодичность чеканки монет Орду указывает большое количество вариантов и разновидностей в их оформлении. Метрологические данные свидетельствуют о наличии в чекане этого монетного двора по меньшей мере 2 серебряных номиналов.

Неясно чтение и значение слова, изображенного стилизованным куфи без точек в нижней части *л. ст.* вариантов А и Б. В том виде, как оно сохранилось на двух монетах, его можно читать как *a'адир/ағадир*, *a'адиз/ағадиз* или *a'адин/ағадин*, с кратким или долгим *и*. Причем в обоих случаях палеография последней буквы более характерна для ز/ر, чем для ن[82].

Примечательно, что слово, начертанное уйгурским письмом и помещенное над арабской надписью штемпеля Б, читается как *ätir/ädir* или *atïr/adïr* (форма конечного знака ...ᢆ свойственна именно уйгурскому *-р*), а все остальные уйгурские графемы на обеих сторонах других вариантов (за исключением, может быть, только *л. ст.* штемпеля В) с учетом искажений отдельных букв и общей стилизации дают то же чтение. Это позволяет считать слово, воспроизведенное по-уйгурски, аллографическим эквивалентом арабского и в таком случае признать единственно верным чтение с конечным *-р*. Арабское происхождение этого слова, на наш взгляд, практически исключено. Если видеть в нем арабское غدير *речка, ручей; небольшое озерцо,* употребленное в качестве топонима (как на эрмитажном экземпляре; на монетах клада скорее в форме редуплицированного мн. ч., что само по себе сомнительно), то непонятно отсутствие графической передачи звука *ғ* в уйгурской версии; к тому же маловероятно появление арабоязычного топонима в долине Или. Это может быть и топоним, производный от тюркского адыр *холм, бугор*; *холмистая местность,* твердый фонетический ряд которого неудачно передан посредством арабского ع. Не исключено, что значение этого слова надлежит искать в монгольской лексике того времени. Впро-

[81] Рисунок тамги представляет собой графическое удвоение знака ⊖ или ⊖, в котором Н. П. Лихачев (указ. соч., с. 96—97 и 147—148) предполагал тамгу самого Чингис-хана. Тамги близкого рисунка (⊖ и ⊖) отмечены и на самаркандских монетах, выпущенных еще при жизни Чингис-хана: *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 14—16, рис. 1, *2, 4.* Вообще вопрос о тамгах Чингисидов во многом остается открытым и требует дальнейшего подробного исследования.

[82] Арабское слово на эрмитажном экземпляре № 14997, хотя и представлено в ином начертании (см. сноску 79) и соответственно должно читаться *'адир/ғадир* или *'адиз/ғадиз* (с долгим *и*; чтение с конечным ن и здесь менее приемлемо палеографически), безусловно, является еще одним вариантом, восходящим к тому же корню, что и рассмотренные выше лексемы на монетах Отрарского клада.

чем, здесь не обязательно предполагать именно топонимическое значение; это может быть и какой-то благопожелательный эпитет к «Орду ал-А'зам», или же термин, связанный с деньгами, серебром (например, местное название денежного номинала, наподобие уйгурского *сатыр*) и т. п.

Дженд (?). Известный средневековый город Дженд, локализуемый в нижнем течении Сырдарьи, в XIII в. входил в состав удельных владений Орды, старшего сына Джучи[83]. По многочисленным сведениям источников, после монгольского завоевания город был практически уничтожен и лежал в развалинах. Монетный чекан Дженда неизвестен[84].

Слово جند, помещенное в верхней части одной из сторон на 8 монетах Отрарского клада, может читаться *Дженд*, несмотря на отсутствие диакритической точки под первой буквой. Все же в определении этих монет как джендских оставлен знак вопроса, поскольку трудно предполагать факт производства монеты в городе, подвергшемся почти полному разрушению; кроме того, общее экономическое состояние Средней Азии и сопредельных областей, где более чем двухвековой серебряный кризис к середине XIII в. еще не был преодолен, исключало возможность регулярной чеканки и обращения серебра.

Однако, если верить сообщению Джамала ал-Карши (нач. XIV в.) о том, что «город Дженд прежде был значительным городом, а с недавнего времени разрушен, и все же это действующее торговое место, где купцы соперничают в важности и прибыльности своих сделок, и чаши весов на его рынке [постоянно] колеблются»[85], то вполне вероятно, что джендский рынок в какое-то время снабжался собственной монетой. Для ее чеканки могло использоваться серебро, накопленное населением или поступавшее из стран, зависимых от монголов, где серебряная монета уже обращалась регулярно, например, из Малой Азии, Закавказья или Крыма, чекан которых также представлен в Отрарском кладе. То, что монеты джендской чеканки до сих пор не были известны, может объясняться кратковременностью и ненасыщенностью их эмиссии. Не исключено, что она разделила судьбу самаркандского серебра 634/1236—37 г., выпуск которого в условиях кризиса и отсутствия материальной базы для стабильного обращения заранее был обречен на неудачу[86].

---

[83] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. с. 56.

[84] Монеты, аналогичные экземплярам Отрарского клада (4 экз.), имеются в собрании Отдела археологии ИИЛЭ АН КазССР, кн. I, инв. № 386. Они относятся к тому же типу (описание, 9), но чеканены другими штемпелями и в двух разновидностях. Место их находки неизвестно.

[85] *Бартольд В.* Туркестан... Тексты, с. 151 (перевод наш. — *В. Н.*).

[86] *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии, с. 43—45 и 132—133; *Она же.* Денежное хозяйство и частичное восстановление..., с. 58—59.

Судя по всему, крупные монеты без надписи حنك и мелкие монетки аналогичного оформления (описание, 10 и 11) имеют то же происхождение. Тогда и в этом случае можно говорить о двух номиналах.

В целом Отрарский клад представляет собой богатый и необычный комплекс, относящийся к одному из наиболее сложных и малоизученных периодов средневековой истории Южного Казахстана и Средней Азии. Дальнейшее подробное изучение этого комплекса в сочетании с нарративными и археологическими данными позволит уточнить и детализировать многие вопросы экономической и политической истории региона в эпоху монгольского завоевания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Э. Ф. Кузнецова

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕРЕБРЯНЫХ ВЕЩЕЙ КЛАДА XIII в. ИЗ ОТРАРА

Спектральный анализ изделий из серебра клада показал различный состав их сплавов. Несколько образцов слитков (см. табл., 22—26), обнаруженных среди серебряных предметов, резко отличаются друг от друга по составу металла. Один слиток (22) представляет собой практически чистое серебро, другой — сплав серебра с медью (билон), третий — трехкомпонентный сплав серебра, меди и цинка, еще один — многокомпонентный сплав серебра, меди, цинка, олова и свинца. Из самого чистого серебра изготовлены перстни, браслеты, сосуды с позолотой. Остальные проанализированные предметы показали большие колебания в содержании как серебра, так и других металлов в примесях.

Можно отметить большое разнообразие в составе металла браслетов — от высокопробных (с содержанием серебра порядка 90%) до ≈30-процентных (с равным количеством меди и цинка). Последние составляют значительное количество среди массивных литых гладких браслетов. Интересно также отметить, что гладкие и пластинчатые браслеты сделаны как бы из стержня и оболочки, причем последняя изготовлена из более высокопробного серебра.

В целом весь проанализированный материал по составу металла можно разделить на 3 группы:

1) чистейшее серебро (порядка 99%);

2) серебро с небольшой (10—20%) добавкой меди;

3) сплав серебра с медью и цинком в равных количествах, с небольшой (до 1%) добавкой олова.

Вместе с тем отмечен ряд проб, которые значительно отклоняются от этих соотношений (например, 9а, 15, 24, 28 и др.), но и они, как правило, тяготеют к той или иной группе.

Таблица 1

№ п/п	№ описания	Предмет	Содержание элементов, %									
			Серебро	Медь	Цинк	Олово	Свинец	Золото	Висмут	Мышьяк	Сурьма	Хром
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1,*8*	Браслет гладкий	50,0	20,0	30,0	до 1,0	0,8	0,8	0,03	Следы	Следы	—
2	1,*15*	Браслет гладкий	80,0	20,0	0,05	0,005	0,8	0,1	0,01	—	—	—
3	2,*7*	Браслет плетеный	70,0	20,0	10,0	0,03	0,3	0,4	0,01	0,01	0,03	—
4	3,*3*	Спиралевидный фрагмент браслета	50,0	20,0	30,0	0,1	0,3	0,8	0,03	0,01	Следы	0,001
5	4,*1*	Браслет витой										
		а) основа	90,0	10,0	0,01	0,07	0,3	0,7	0,001	Следы	0,01	—
		б) дрот	90,0	10,0	—	0,2	0,5	0,7	0,001	—	Следы	—
6	4,*4*	Браслет витой	30,0	30,0	30,0	0,005	0,1	0,003	0,003	Следы	—	—
7	4,*5*	Браслет с «головкой змеи»	70,0	30,0	0,01	0,003	0,1	0,003	0,08	0,03	—	—
8	5,*1*	Фрагмент пластинчатого браслета	80,0	20,0	—	0,5	0,5	до 1,0	0,5	0,01	0,03	—
9	5,*3*	Фрагмент пластинчатого браслета										
		а) внешняя часть	60,0	20,0	20,0	до 3,0	0,3	0,05	0,003	0,01	0,01	—
		б) из середины	30,0	30,0	30,0	3,0	1,0	0,7	0,03	0,2	0,2	0,005
10	5,*5*	Браслет пластинчатый	30,0	30,0	30,0	1,0	0,8	0,5	0,03	0,01	0,06	0,003
11	6	Перстень	85,0	5,0	0,5	1,0	0,6	до 10,0	0,05	0,01	0,01	0,003
12	6	Щиток перстня	85,0	10,0	5,0	0,2	0,2	до 3,0	0,005	0,01	0,005	—
13	7	Серьга	30,0	30,0	30,0	0,3	0,7	до 1,0	0,01	0,02	0,01	—
14	8	Бусинка	85,0	10,0	5,0	0,3	0,3	0,7	0,02	0,03	0,005	—
15	11	Пуговица	50,0	20,0	30,0	0,03	0,05	0,2	0,005	0,01	Следы	—
16	12	Пряжка	85,0	10,0	0,07	0,01	1,0	до 5,0	0,7	0,01	—	—
17	12	Литое кольцо	90,0	5,0	—	0,003	0,6	до 5,0	—	—	—	—

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
18	13а	Фрагмент пластины с надписью	80,0	1,0	—	0,002	0,3	до 20,0	0,2	—	—	—
19	13б	Фрагмент предмета дисковидной формы	99,0	1,0	0,2	0,01	0,03	до 10,0	0,05	—	—	—
20	13в	Пластина со штампованным орнаментом	30,0	30,0	30,0	0,1	0,3	до 3,0	0,004	—	Следы	—
21	13е	Фрагмент изделия	90,0	1,0	0,03	следы	2,0	до 5,0	1,0	Следы	—	—
22	15	Слиток (крупный)	99,5	0,5	—	0,001	0,05	0,03	0,003	—	—	—
23	15	Слиток	85,0	5,0	0,01	0,01	0,2	10,0	0,001	—	—	—
24	15	Слиток	80,0	20,0	—	—	0,7	0,2	0,05	—	—	—
25	15	Слиток	65,0	10,0	20,0	до 3,0	до 3,0	0,005	0,1	0,01	Следы	—
26	15	Слиток	30,0	30,0	30,0	0,003	0,1	0,005	0,001	0,01	—	—
27	рис. 3, 5	Венчик сосуда	85,0	5,0	0,05	0,8	до 10,0	1,0	0,05	—	—	—
28	—	Прут спиралевидный	70,0	30,0	0,02	0,07	0,2	0,5	0,03	0,2	0,01	Следы

Примечания к таблице.

Цифровые данные о содержании главных компонентов, составляющих основу каждой пробы (в количествах выше 1%), округлены, что связано с возможностями примененного метода полуколичественного спектрального анализа.

Образцы проб 6, 9а, 10, 13, 20 и 26 в своей рецептуре имеют примерно равные количества трех компонентов — серебра, меди и цинка, дающие в сумме 95,0—99,8%; остальную часть составляют примеси.

Высокое процентное содержание золота в некоторых пробах (11, 12.16—21 и 27) объясняется позолотой указанных серебряных образцов, в которых при отборе проб золото не было отделено от серебра.

В пробе 9а отмечены никель и кобальт (по 0,003%), в пробе 28 — никель (0,1%).

В связи с тем, что спектрометрическое исследование вещей клада проводилось еще до полной научной обработки и определения, не все названия образцов соответствуют описанию вещей в статье К. М. Байпакова и В. Н. Настича. В графе «№ описания» цифры, выделенные курсивом, совпадают с номерами рисунков на соответствующих иллюстрациях. В отдельных случаях, когда те или иные описываемые предметы в статье особо не выделены, приводятся только групповые номера описаний по публикации, в одном случае — ссылка на иллюстрацию (проба 27) или прочерк (28).

Ю. А. Зуев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ КАЗАХСКИХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

(К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии)

Когда в 1863 г. В. В. Вельяминов-Зернов впервые в научной литературе поднял и попытался решить вопрос о времени появления трех казахских жузов, объяснив его расширением владений казахских ханов и взятием ими Ташкента и Туркестана после смерти Тевеккеля (1598 г.) [1], он вряд ли мог предположить, что в последующее столетие эта тема составит один из самых загадочных элементов в изучении проблемы этногенеза казахского народа и самого явления его триединого деления. Дискуссии, посвященной данному вопросу [2], отведено уже немало страниц в ученых изданиях, однако общего мнения на этот счет из-за отсутствия конкретных письменных свидетельств пока не достигнуто. По этой же причине большинство опытов реконструкции ранней истории жузов и их семантики основывается на отыскании более или менее созвучных фонетических параллелей слова *жуз* в исторических документах без привлечения контекста, поэтому заключения, сделанные таким путем, лишены научной доказательности.

Как представляется, реально существенным в разрешении данной проблемы должен быть не поиск того или иного наименования, а выяснение исторической роли этнических компонентов в составе народа, в особенности народа кочевого, сохранявшего до позднего средневековья родоплеменную структуру. Достижение этой цели возможно лишь при синкретическом использовании всего круга источников как устных, так и письменных.

Попытки и эксперименты такого рода применительно к истории казахов предпринимались уже не раз. В работах Ч. Ч. Валиханова, Н. А. Аристова, А. П. Чулошникова и ряда

---

[1] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. Спб., 1864, с. 382—383.

[2] О попытках осмысления этого факта другими авторами см.: *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа. Ч. 1. Оренбург, 1924, с. 251; *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968, с. 9—20.

других ученых для выяснения роли отдельных родоплеменных подразделений казахов широко привлекались письменные источники и многочисленные варианты народных генеалогических преданий, позволяющие проследить этногенетические процессы, по крайней мере, на отрезке нескольких последних столетий. Плодотворность синтезирования обеих групп источников для реконструкции казахской истории была отмечена еще Ч. Ч. Валихановым: «Народные предания, особенно предания исторические, чрезвычайно любопытны; в этом отношении предания киргиз (казахов — *Ю. З.*) занимают почетное место по своей чрезвычайной простоте, ясности и по отсутствии сверхъестественного и баснословного и во многом подтверждаются известиями Абульгази и особенно «Джами'аттаварих» (Кадыргали Хошум-оглы Джалаири — *Ю. З.*), которая замечательна уже тем, что написана киргиз-кайсаком... Нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не осталось бы в народной памяти»[3].

Опыт предшественников имеет в данном случае принципиальное значение, однако сфера его применения ограничена их научными симпатиями и использованием только положительного материала. На сегодняшний день можно считать более или менее исследованной раннюю историю многих этнических групп Большого (Улу жуз, Уйсунский) и Малого (Кши жуз, Алшинский) жузов[4]. Средний жуз (Орта жуз, Аргынский) практически выпал из поля зрения историков, поскольку объем генеалогической информации о нем весьма скуден и дает мало возможности для ретроспекции в древность и средневековье.

Несмотря на малочисленность, противоречивость и лаконичность, материал казахских родословий содержит рациональное зерно, воспользовавшись которым, можно, на наш взгляд, установить преемственность этнического состава казахов Среднего жуза с этническими коллективами более глубокой древности. Этой задаче и посвящена предлагаемая статья.

Триальная система

Первой трудностью, с которой неизбежно сталкивается исследователь при изучении истории собственно казахов, является их традиционное при изучении истории собственно казахов деление на три жуза («три сотни») и соответствующее социально-иерархическое соотношение между ними: Улу

---

[3] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 210.

[4] *Зуев Ю. А.* К этнической истории усуней. — Труды ИИАЭ АН КазССР, 1957 т. 8; *Он же.* Из древнетюркской этнонимики. — В кн.: Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1959.

(Большой, Старший), Орта (Средний) и Кши (Малый, Младший). Почему именно три (а не семь, как у эфталитов, и не восемь, как у киданей) и почему в такой последовательности: Большой — Средний — Малый?

Ясности в определении побудительных мотивов распределения казахов по трем объединениям нет; более того, складывается впечатление, что и установившаяся в науке последовательность Малый — Средний — Большой навеяна лишь значением этих слов, а не рассмотрением их этнической семантики. А поскольку отсутствие источников не позволяет оторваться от гипноза самих слов, приходится признать проблему зашедшей в тупик.

Термин *орта*, переводимый как *средний* (Орта жуз — Средний жуз), несомненно был лишен этого значения в возрастном отношении. На наш взгляд, более правомерно передавать его русским эквивалентом центр, центральный, подразумевая при этом наличие двух крыльев, левого и правого, т. е. существование военно-племенной организации, оформленной по триальной системе, известной из истории древнетюркских и монгольских племен Центральной Азии.

У большинства кочевых народов ее появление было продиктовано необходимостью экономной и вместе с тем наиболее эффективной координации действий на войне и облавной охоте. В древности охота носила характер общенародного мероприятия. По свидетельствам очевидцев, вся действующая масса делилась на три тактические единицы: левое крыло — центр — правое крыло [5]. В условиях кочевого скотоводческого хозяйства облавные охоты были не развлечением, а важным резервом пополнения съестных припасов и военной репетицией. Во время облавных охот тщательно определялся состав родов, фратрий или племен, входивших в каждую единицу, их размещение и цепь взаимоподчинения.

Этот институт, родившийся еще в условиях первобытнообщинного строя, получил развитие на этапе формирования государственности у кочевников Центральной и Средней Азии и закрепился в виде триединых коалиций у многих народов, обитавших здесь. Внешним его проявлением можно считать многочисленность древних этнонимов с детерминантой три (тюркск. уч, уш; монг. гурбан): уч-карлук, уч-курыкан, чигиль-уч-иркин, уч-огуз, уч-туглык-тюрк, трехплеменные туба, три ыграка, учлик-тюркеш, три племени сарыков, уч-куртка, гурбан-меркит и т. д.

Применительно к территории Казахстана такая система впервые была отмечена у древних усуней. Как говорит летописец, верховный усуньский предводитель, имевший титул куньмо, располагал десятью тысячами войска, т. е. туманом, тьмой.

---

[5] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.—Л., 1941, с. 67—68.

Один из его сыновей носил титул Улуг (Большой) [6] и был канцлером, вазиром [7]. Он также предводительствовал туманом войска и жил отдельно. Предполагалось, что именно Улуг имел право на наследование престола, так как он поднял мятеж, узнав, что сам куньмо «из жалости» назначил наследником его племянника, сына его брата по отцу [8]. Якобы во избежание распри куньмо выделил наследнику туман войска и позволил ему жить и править автономно. «Государство разделилось на три части; общая власть принадлежала куньмо» [9]. Возможно, в этом сообщении лишь фиксируется уже существовавшее ранее деление усуней на три единицы, которое олицетворяло распределение на крылья и центр, поскольку в тех же летописях отмечается существование у усуней левых и правых тарканов и левых и правых главнокомандующих.

Само объединение усуней составляло правое крыло сюнну-гуннской конфедерации. Этот вывод с несомненностью следует из слов Чжан Цяня, предлагавшего императору для нейтрализации сюнну-гуннов склонить на свою сторону усуней и «тем самым отсечь правую руку (ср. тюркск. *он-кул, сол-кул*) сюнну» [10]. Из этого вытекает логически наличие «левой руки» и центра в виде династийного костяка сюнну. В свою очередь, «царская» коалиция сюнну также представляла собой триальное объединение: ее центром была фратрия верховного предводителя — шаньюя, правым крылом были фратрии лань и сюйбу, а левым и «самым знатным» — хуянь, из которой выходили наследники престола по женской линии и канцлеры [11].

В Восточном тюркском каганате существовала династийная группировка, состоявшая из каганского рода кок-тюрк (центр), катунской фратрии ашидэ (левое крыло) и басмылов (правое крыло). Представители левого крыла, из которого выходили императрицы — катун, выдвигали из своей среды канцлера, вазира (айгучи, улуг). Это была материнская фратрия по отношению к каганам, в силу живучести пережитков материнского права она считалась главным племенем династийной группы.

В Западном каганате династийная коалиция также состояла из трех племен: каганским было племя чумук, считавшееся центром, левым, брачующимся с каганом крылом было объединение улуг-ок (племя улуга, улуг-племя, кит. *хулу-у*), пра-

---

[6] Шицзи, гл. 123, с. 1141.
[7] Цянь Ханьшу, гл. 96б, с. 1166.
[8] Там же, с. 1167.
[9] Там же.
[10] Шицзи, гл. 123, с. 1141.
[11] Цянь-Ханьшу, гл. 94а, с. 1112; Шицзи, г. 110, с. 1033; Хоу Ханьшу, гл. 98, с. 1327; Цзиньшу, гл. 97, с. 666.

вым — азгыр-кюль-иркин, возглавлявшее племена ну-шиби (он-шадыпыт, правые шадыпыты).

Согласно древней и средневековой традиции, наследники престола должны были по женской линии происходить из левого крыла [12], но при категорической экзогамности родов это требование не могло быть соблюдено и являлось лишь частью общего принципа наследования, выраженного в формуле «старший брат — младший брат по отцу — старший племянник по отцу (сын первого брата)», вытекающей из текстов древнетюркских рунических памятников и других документов. У древних тюрков этот принцип проявлялся в привлечении правого крыла (басмылов) в качестве брачующегося с каганом, но, вероятно, не имеющего права на положение катун. Другими словами, отцовская линия наследования представлена центром, а материнская — крыльями, хотя положение крыльев по отношению к нему было неодинаковым. И если отцовская линия при этом оставалась непрерывной, то материнские партнеры центра выступали лишь поочередно, с интервалом в одно поколение.

Данный принцип предполагает полигамию с частичной или полной матрилокальностью жен, как это известно у эфталитов и монголов. Возникший в эпоху становления патриархально-семейного права, он представляет собой синкретизацию двух основ — материнской и отцовской, т. е. патрилинейно-матрилинейную филиацию. Такой состав коалиции сосредоточивал круг возможных претендентов на престол в рамках трех родов или фратрий с вполне определенной степенью родства, освященного традицией, что сохраняло относительную целостность владения.

Внешне институт триальной организации сходен с трехродовым союзом, или кольцевой связью племен, когда каждый род из трех выступает родом тестя по отношению к одному партнеру и родом зятя по отношению к другому. Однако здесь связь осуществляется только по отношению к каганскому, центральному роду со стороны двух других, брачующихся с ним, но автономных друг к другу. Эта система межродовых брачных связей, названная нами этническим триумвиратом, накладывалась на систему военно-тактической организации у древних кочевников Азии с обозначенным делением на левое крыло — центр — правое крыло.

Разумеется, нельзя проводить прямую параллель между известиями, восходящими к столь глубокой древности, и явлениями послемонгольской эпохи. Но нельзя и вовсе отрицать действия могущественного фактора традиции. В период создания казахской государственности, несомненно, выступавшей

[12] См.: *Зуев Ю. А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. — Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967, с. 16—17.

преемницей предшествовавших традиций, их консервативная сила материализовалась в виде триальной системы военно-племенной организации, хотя о ее содержании к этому времени напоминали лишь слабые реминисценции прежних социальных институтов.

На бытование реликтов триальной системы у казахов указывает следующее высказывание Ч. Ч. Валиханова. «Автор «Джами'ат-таварих», — говорит он, — описывая трон царя Ураз-Мухаммеда в Касимове, приводит план трона, на котором обозначены места ميمنه (*мейманэ. — Ю. З.*) и ميسره (*мейсарэ.— Ю. З.*), правая и левая руки, и приводит имена беков, занимавших стороны ميمنه (правую) и ميسره (левую). Чтобы доказать значение и влиятельность беков джалаирских при потомках Урус-хана, он показывает место их на троне на стороне ميسره — левой. Джалаиры, по словам автора, сильнейшие между الاچ منك ار اسندا (*алāч минг арāсиндā,* «среди алач-мина (т. е. вообще казахов. — *Ю. З.*), занимают левую руку; канглы, 200 человек, стоят на стороне ميمنه — правой. Это доказывает, что и у народов, образовавшихся из Джучиева улуса, левое крыло было старше и почетнее» [13–14]. И далее: «В государстве Мавераннахра при обнародовании ханских ярлыков пишется اولوغ كچوك لارغه (*улūг кечūклāрга. — Ю. З.*), т. е. великим и малым [15], которые собираются на случай нужды и становятся по сторонам *он* и *сол.* Один или два из этих беков всегда были при хане, в частности в должности везиря, и управляли улусом в качестве министра; ими был один آمر اته بك (*амūр атабек*), а другой управлял волостями. В первом случае اولوغ آمر اته بك (*Улūг амūр-атабек. — Ю. З.*), а в другом تومان باشليق (*туман-башлык*)» [16]. Это подкрепляет высказанный нами тезис о существовании пережитков триальной организации у казахов, которая, кстати, в своей основе почти абсолютно повторяла разделение монголов на центр и крылья в эпоху Чингиза по описанию Рашид ад-дина.

Орта жуз в генеалогических преданиях

В свете сказанного выше чрезвычайно важно выяснить, как преломились явления ранней истории казахов в народных генеалогических преданиях. Подробно излагать содержание большинства из них нет необходимости, так как они достаточ-

---

[13] Там же, с. 126.

[14] По-видимому, точнее: Улугу и Кечугу.

[15] *Валиханов Ч. Ч.* Указ. соч., т. 1, с. 128.

[16] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.—Л., 1952, с. 266—274.

но однотипны и многократно опубликованы. Народная традиция остается постоянной в характеристике их родоначальников: Улу жуз был основан Уйсуном, Малый — Алшином, а Средний — Аргыном по принципу преобладания или политического главенства в них этнических групп, носящих эти имена. Они приходились сыновьями или потомками некоему Алач-хану[17], образ которого, как предполагал А. П. Чулошников, носит собирательный характер и отражает не конкретную историческую личность, а конгломератность («пестроту») родо-племенного состава казахов[18]. Существует, впрочем, и другая возможность осмысления данного образа; на ней мы остановимся несколько ниже.

В других преданиях этого же плана предок трех братьев (Уйсуна, Аргына и Алшина) носит имя Котан, ассоциирующееся с Котаном, сыном Угэдэя. В междоусобной борьбе, возникшей после смерти Чингис-хана, Котан занимал особое положение. Он определенно претендовал на юрт своего отца, доставшийся, однако, первому сыну Угэдэя Гуюку (1205—1248): местность Кумак (соврем. Кобук), Бэри-Манграк (?), Имиль (долина р. Эмель, притока Алакуля), Уршаур (видимо, соврем. р. Урджар, приток Алакуля)[19]. После принятия власти Мункэ-каганом (1251 г.) этот район был отдан сыновьям Котана Каданогулу и Йису-Менгу[20].

Вторая группа преданий, повторяющая в общих чертах сюжет о трех родоначальниках, содержит указания на древность основных племен в составе Орта жуза и относит их консолидацию в относительно единый организм к эпохе монгольских завоеваний. «О кипчаках, найманах, конрадах и других основных родах (составляющих Орта жуз. — *Ю. З.*) говорят, как о народах древних, времен чингизовских»[21], что непосредственно засвидетельствовано и в письменных источниках. В зависимости от места информации генеалогические предания варьируются. Подчас в них содержатся сведения, указывающие на древность племен Орта жуза. Примером может служить вариант предания, записанный в первой четверти XVIII в.: «Из-за моря, от Чингиз-хана, пришли три человека; они искали косяк лошадей и заблудились, Старшего из них звали Аргын»[22]. Историческая проекция здесь указана точно: эпоха Чингис-хана.

Вместе с тем широко распространенным является то, что среди прочих преданий наряду с сохранением Уйсуна и Алши-

---

[17] Им не может быть правивший вначале в Самарканде, а затем в Могулистане Султан Ахмед-Мирза-хан, прозванный Алач-ханом. Он жил и правил в XV — начале XVI в. и выступал против казахов.

[18] *Чулошников А. П.* Указ. соч., с. 186.

[19] *Рашид ад-Дин.* Указ. соч., т. 2, с. 9. Плано Карпини помещает резиденцию Угэдэя-Гуюка на р. Омыл (Путешествия в восточные страны Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 38, 73, 203, 218).

[20] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч., т. 2, с. 140.

[21] *Валиханов Ч. Ч.* Указ. соч., т. 1, с. 208.

[22] См.: *Чулошников А. П.* Указ. соч., с. 270.

на упоминаются такие, в которых имя Аргын (и, следовательно, племя с тем же названием) заменено именем Булат (~Болат), наличие которого в этнической номенклатуре казахов Среднего жуза не зарегистрировано. Приведем несколько из них.

«Давным-давно у одного хана родился сын; он был пестрым (ала). Спасаясь от позора, хан отправил его в степь к старухе-кормилице. Возмужав, ханский сын сумел прославить себя ловкостью, силой, умом и красотой. Тогда хан, прознав от приближенных о достоинствах своего сына и не боясь больше испортить себе репутацию, послал за ним сотню воинов во главе с Уйсуном для приглашения к себе в ставку. Сын не только отказался вернуться в дом отца, но и склонил гонцов остаться навсегда у него. Через год хан послал новую сотню, на этот раз ее возглавляет Булат, соблазнившийся красотой и изобилием нового края и также оставшийся в степи. Последняя надежда хана, Алшин, тоже увел свою сотню к пестрому княжичу, и тогда здесь оказались три сотни, составившие народ казахов»[23–24]. «Из потомства этих жузов, — говорится в другом преданин, — некоторые стали народами, размножились, другие были перебиты в битвах, так что потомства от многих не осталось. В Большой сотне потомство осталось от Уйсуна, в Средней — от Булат-ходжи, в Малой — от Алчина»[25–26].

Имя Булат обнаруживается и в версиях, возводящих происхождение казахов к Котану. Дабы избавиться от своего пестрого сына, Котан посадил его в сундук и пустил в море (ср. выше: «Из-за моря от Чингис-хана...»)[27]. На другой стороне моря сундук попал в руки нищего, который взял мальчика к себе и вырастил богатырем. Когда однажды хану захотелось повидать своего сына, он отправил своего сына Уйсуна с сотней молодцов, затем — Булата и Алшина. Все они остались в цветущей степи, где ими был создан народ, состоявший из трех сотен и носивший имя казак[28].

[23–24] *Потанин Г. Н.* Казак-киргизские и алтайские предания. — Живая старина, 1916, с. 52—53.

[25–26] Там же, с. 166—167.

[27] Судя по приведенному известию о месте жительства потомков Котана на Эмеле и значению имени самого мальчика (Ала), этим «морем» должно быть озеро Алаколь, названное Плано Карпини океаном.

[28] *Чулошников А. П.* Указ. соч., с. 270. В бумагах, заготовленных Мусой Чермановым для своего племянника Чокана Валиханова, Г. Н. Потанин обнаружил в 1880 г. пространную родословную, опубликованную им впоследствии в «Очерках Северо-Западной Монголии» (т. 4, с. 14—19). Старшим сыном Котана здесь назван Ак-джол, родоначальник Орта жуза. У него было восемь сыновей: Кыпчак, Аргын, Найман, Конграт, Уак, Кирей, Тараkты, Тюлюнгут. Кыпчак, Аргын, Найман, Конграт происходят от законной жены Ак-джола, другие четыре — от незаконной. Между Котаном и Аргыном (Булат назван лишь внуком последнего) появляется, таким образом, новое звено Ак-джол. Имя Ак-джол («истинный, божественный путь») выступает тюркским эквивалентом арабского Хакк-Назар примерно в том же значении («истинный, божественный взгляд», «исповедующий истинное уче-

Привлеченный материал побуждает сделать еще один вывод. Во изменение установившегося трафарета в генеалогических преданиях появляется личность (Булат), несомненно тождественная той, которую другие информаторы называли Аргыном. Имея в виду взаимозаменяемость и эквивалентность персонифицированных этнонимов Аргын и Булат, можно сделать заключение об их семантическом тождестве [29].

Булаты и карлуки

Этноним булат впервые упоминается в середине VII в. для обозначения одного из трех племен тюрков-карлуков. До этого времени карлуки обитали на Западном Алтае [30]. С разгромом се-яньто в 651 г. центр карлуков переместился в долину р. Бугучин (кит. Пугучжэнь). В последующие десятилетия и особенно после 756 г. власть карлуков распространилась на все Семиречье; их западными центрами стали Суяб (на р. Чу) и Талас [31–32]. После падения Уйгурского орхонского каганата в 841—845 гг. значительная часть уйгуров переместилась в долину р. Или, которая в то время была одним из юртов карлуков. Очевидно, с этих пор и появилось обозначение илийских карлуков как карлуков уйгурских (перс. карлук-и уйгур).

С образованием в X в. государства Караханидов карлуки, занимавшие в нем высокое политическое и военное положение, частично передвинулись даже в Мавераннахр. На Алтае и в Семиречье их позиции оставались настолько сильными, что караханидский владетель, не в силах справиться с ними, был вынужден обратиться за помощью к каракитайскому Елюй Даши, основавшему в 1125 г. династию Западных киданей в Семиречье. Но и при кара-китаях карлуки обладали достаточной мощью в Илийской долине и на Алтае. Здесь ими были созданы княжества с центром в Каялыге и Алмалыке. Поэтому, когда в 1211 г. монголы пришли на Алтай и в Семиречье, карлуки во главе с арсланханидским владетелем приняли их покровительство как самостоятельная этно-политическая единица вне рамок государства каракитаев. Войска карлуков вошли в состав армии монголов и выступали на их стороне в экспедиции против Хорезма.

ние» и т. д.). Хакк-Назар был выдающейся фигурой в истории Казахстана, но уже одно то обстоятельство, что он жил в XVI в., лишает его включение в родословную генеалогической ценности.

[29] Эти предания содержат элементы древнего мифа, известного в Азии со 2 тысячелетия до н. э., повествующего о мальчике-сироте («первочеловеке»), давшего начало многим народам. С этой точки зрения казахские предания являются частью культурного наследия народов Азии.

[30] Цэнь Чжун-мянь. Туцзюе изиши. Пекин—Шанхай, 1958, с. 758—760.

[31–32] Там же.

Известия о карлуках, ориентированные на события XIV и XV вв., включаются уже в описания процессов образования и сложения народов Центральной и Средней Азии [33].

Несмотря на сравнительно поздние сообщения о проживании карлуков во многих районах Казахстана, термин *карлук* в этнической номенклатуре казахов не закрепился, хотя непосредственное участие карлуков в этногенезе казахской народности, если исходить из имеющихся письменных свидетельств, несомненны.

По сообщению летописца, наиболее многочисленным среди карлуков, начиная с середины VII в., было племя моу-ло (моула) [34]. Л. Лигети [35] и Ч. Цегледи [36] показали, что средневековое китайское (точнее, среднекитайское), относящееся к VII в., звучание первого из них было *məu-lâk*, т. е. отражало тюркское *bulaq*~*bulaγ* реальное тюркское звучание второго обозначения (məu-lât) при соблюдении тех же норм реконструируется в форме bulât (bula-at<bulaγ-at<bulag-at).

Термины *булак* (смешанный, пестрый) и *булак-ат* (булагат булат) — конь смешанной породы, пегий конь и т. д. — прозрачно этимологизируются на тюркской языковой почве, они эквивалентны. Махмуд Кашгарский поясняет, что булак — название малорослых коней с широкой спиной [37]. В известии VIII в. культовый конь тюрков-карлуков (назван козлокопытным, чем подчеркивается специфически малый размер его копыт). Судя по значению самого слова (конь смешанной породы) и по имеющимся признакам (малый рост, широкая спина, небольшие копыта), речь идет о метизированной с куланом или турпаном породе домашней лошади. Метод выведения полудиких низкорослых коней с высокими скоростными качествами, большой выносливостью и неприхотливостью путем свободного выпуска косяков кобылиц в горные долины для скрещивания с дикими жеребцами был известен у тюркских народов с глубокой древности. Полученное таким образом потомство не отличалось изяществом форм и ростом, но по всем остальным статьям не имело себе равных. Появление тюркских полукровок произвело настолько большое впечатление при дворе аббасидских халифов и на всем Ближнем Востоке, что за ними стали снаряжаться специальные экспедиции [38].

Вероятно, точное обозначение породы этих коней появи-

---

[33] *Шаниязов К.* Узбеки — карлуки. Ташкент, 1964, с. 37.

[34] См. тексты: *Цэнь Чжун-мянь.* Туцзюе цзиши. Пекин—Шанхай, 1958, с. 758—759.

[35] *Ligeti L.* Egy karluk törzc neve kinai átirasban.— Maguar Nyelv, 1949, t. 45, p. 168—169.

[36] *Czeglédy K.* A karluk törzcek nevei. — Ibid., p. 168.

[37] *Махмуд Кашгарий.* Туркий сузлар девони (Девону луготит турк), т. 1. Ташкент, 1960, с. 360, 149.

[38] *Esin E.* The horse in turcic art. — Central Asiatic Journal, vol. 10, N. 3—4, p. 201—209.

лось довольно поздно. Арабские писатели называли их таги; у Махмуда Кашгарского упомянуты также кони аркун ارقن — «помесь дикого жеребца и домашней лошади; они берут первое место на скачках»[39]. Термин аркун (аргун ~ аргын) до сих пор используется в тюркских языках и восходит, как считает А. М. Щербак, к основе арг ~ арк, выражающей понятие смешения, метизации[40]. В том же значении употреблялся термин алача (алаша)[41].

Семантическое тождество слов булат (булат-ат < булагат) ~ аргун (аргын) ~ алача (алаша) позволяет поставить знак равенства между обозначениями одного из карлукских племен: булат = аргун (аргын) = алача, вошедшими в казахские генеалогические предания в качестве персонифицированных этнонимов.

Область Булат, или Булак, фиксируется многими путешественниками и локализуется по-разному, в зависимости от передвижения карлуков. Если изначально это был Алтай, то с перемещением карлуков несколько на юг она оказывается в Бешбалыкском местническом управлении с центром на юго-восточном берегу оз. Сайрам[42]. С VIII в. в Илийской долине (Каялыг, Алмалык) также регистрируется племя булак, характеризующееся как карлукское[43]. Западными центрами карлуков становятся Баласагун (Орду) и Талас. Эти области, занятые карлуками, получили у средневековых авторов название страны Аргу (аргун)[44]. По свидетельству Джамала ал-Карши (XIII в.), они составляли основную часть улуса Чагатая после монгольского завоевания[45].

В X—XIII вв. карлуки наряду с другими тюркскими племенами (канглы, калач, уйгур) обозначались термином *туркмен,* не имевшим выраженного этнического наполнения (Махмуд Кашгарский, Марвази, Рашид-ад-дин). Рубрук, пересекавший Семиречье в 1253 г., писал в своем отчете: «Прежде эта земля называлась Органум, и жители ее имели собственные письмена и собственный язык. Но теперь вся она занята туркменами»[46]. Г. Юл, а вслед за ним В. В. Бартольд отмеча-

---

[39] *Махмуд Кашгарий.* Указ. соч., т. 1, с. 132.

[40] *Щербак А. М.* Обозначения домашних и диких животных.— В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 88—89.

[41] *Esin E.* Op. cit., p. 209.

[42] Синь Таншу, гл. 43б, с. 300; Цзю Таншу, г. 40, с. 453; Синьцзян тучжи, гл. 5, с. 5б, 6б.

[43] *Minorsky V.* Hudud al-Alam. London, 1936, p. 96; *Minorsky V.* Sharaf az-Zaman Tahir Marvazi of China, the Turks and India. London, 1942. p. 31.

[44] Сопоставление см.: *Gabain A.* Von Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken. — Der Islam, 1947, Bd. 29.

[45] См.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М.,— Л., 1964, с. 130.

[46] Путешествия в восточные страны, с. 126.

ли, что Рубрук, недостаточно осведомленный в истории края, перенес имя своей современницы императрицы Органы, фактически правившей улусом Чагатая[47], на сходное с ним название страны[48], в котором, на наш взгляд, следует видеть Аргун, или, как полагает С. Г. Кляшторный, Аргу[49].

В пользу нашего предположения говорит также совпадение наименований туркмен (т. е. карлук) и булак. Писатель X в. ал-Мукаддаси заявляет, например, что в его время Орду (Баласагуном) правил царь из туркмен, т. е. карлуков[50]. Синхронное сообщение об этой области находим у Махмуда Кашгарского, который, однако, называет область между Таразом и Баласагуном страной Аргу[51].

Монгольское нашествие вызвало определенные изменения в этнической карте расселения племен на территории современного Казахстана. Произошла вынужденная миграция племенных групп. Однако о тотальных перемещениях тюркских племен, которые могли бы вызвать кардинальные изменения этнической структуры края, не приходится говорить.

Тем не менее возникновение в Казахстане новых правящих родов в первой четверти XIII в. неизбежно влекло за собой инфильтрацию в местную этническую среду монгольского элемента. Этому немало способствовало распределение захваченных монголами земель между сыновьями Чингис-хана — Джучи, Угэдэем и Чагатаем.

Старший сын Чингиса Джучи еще в 1207 г. получил «лесные народы» от Селенги до Иртыша[52]. Его главная ставка находилась на берегу Иртыша[53]. Впоследствии владения Джучи распространились на весь Дашт-и Кыпчак, Хорезм, Мазендеран и страны Восточной Европы. Юрт Чагатая простирался от Уйгурии до Самарканда и Бухары и от южного Алтая до Амударьи. Угэдэю были пожалованы земли с центром в Имиле и Кумаке[54]. Границы между улусами не были установлены с достаточной четкостью, что способствовало междоусобицам, начавшимся еще до установления державы.

---

[47] См.: *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч., т. 2, с. 90, 93, 97 и др.

[48] Путешествия в восточные страны, с. 126.

[49] *Кляшторный С. Г.* Указ. соч., с. 130 (там же см. основную сводку известий о стране Аргу).

[50] *Hasan S. A.* Notes on the etymology of the word Turkoman. — Islamic Culture. 1963, vol. 37, N 3, p. 165.

[51] *Махмуд Кашгарий.* Указ. соч. т. 1, с. 114. Как известно, с VII в. происходит активное проникновение несторианства в среду тюркских племен, в первую очередь карлуков, на территории которых находилась одна из несторианских метрополий. Примерно с XII—XIII вв. термин *аргун* обретает поэтому и чисто нарицательное значение — несторианец (см.: *Elias N. E.* and *Ross.* A history of the Moghuls of Central Asia. London, 1898, p. 290 n.

[52] *Козин С. А.* Сокровенное сказание, с. 174—175 (§ 238).

[53] *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. — Сочинения, т. 2, ч. 1, с. 59.

[54] Там же.

В этих условиях та часть карлуков, за которой закрепилось название *булат* (кит. пу-ла) и которая с юго-запада примыкала к Эмелю (кит. Е-ми-ли) [55], вошла в состав улуса Угэдэя. Их алакульские соплеменники оказались в пределах улуса Джучи. Илийские карлуки составили основную и самую многочисленную часть улуса Чагатая, однако стали известны под монгольским эквивалентом термина *карлук* (буквально конь) [56] — калуши (калучи) в тех же значениях [57].

На северо-востоке и востоке карлуки были соседями ойратов (калмаков) [58]. Севернее карлуков и булатов обитали найманы, тюркоязычное племя, известия о котором восходят к древнетюркскому времени [59]. В начале XII в. найманы фиксируются в качестве соседей басмылов [60], жили по Иртышу (очевидно, на его правобережье) и на Большом Алтае [61].

Родственные найманам кереи (или кереиты) [62] обитали, как говорят сибирские летописцы и Плано Карпини, «за горами Каракатаев» [63], т. е. по склонам Тарбагатая. Плано Карпини приписывает кереитскому Он-хану владение эмильским Каракорумом [64] до начала монгольской кампании на западе. Вместе с тем имеются известия о проникновении кереитов на запад, в Туркестан [65]. Под рукой кереитского Он-хана находилось также племя меркитов [66], первые сообщения о котором относятся к 1125 г. [67] В последующем часть меркитов (а также кереев и найманов) господствовала на территории Монголии (в долине Селенги, к югу от Кэнтея, по Орхону и Толе), однако их соплеменники обитали также на Алтае, что видно, в частности, из указания «Сокровенного сказания» (§ 198) на борьбу меркитов с монголами при Бухтарме в 1205 г., после

---

[55] *Bretschneider E.* Notices on the mediaeval geography and history. — Journal of the N.—Ch. Branch of the RAS, 1876, p. 75.

[56] Так в «Синь Юаньши» (гл. 29, с. 75 б) и в ряде других источников.

[57] Китайская транскрипция — хэ-лу-ши (<калуши): Синь Юаньши, гл. 29, с. 75 б. Правомерность данной реконструкции подтверждается тем, что первый знак транскрипции *хэ-* в XIII в. всегда отражал исходное *ха-*~*ка-* (как в хэ-са-хэй те-р-цзянь<касак-терген: Сокр. сказ., § 64). Термин *калу*~*калун*, монг. письм. *калы'ун* (ср. тюрк. *кулун*, — жеребенок до одного года) означает *серый конь с черной гривой и черным хвостом*. Второй компонент термина (*-ши*~*-чи*) — аффикс действующего лица (монг. *-чин*). См.: также Юаньши, гл. 122, с. 1427 (обладание рангом сбивателя кумыса, символом старшинства).

[58] Это утверждение основано на сообщении Мухаммад Хайдара о том, что ойраты были пожалованы Угэдэю.

[59] *Ynan A.* Naiman boyunun soyu meselesi. — Belleten, c. 96, b. 539.

[60] Ляоши, гл. 30, с. 137, гл. 69, с. 375 (нянь-ба-энь).

[61] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 136—137.

[62] Путешествия в восточные страны, с. 116, 130, 134.

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] *Козин С. А.* Сокровенное сказание, § 151, 152, 198.

[66] Путешествия в восточные страны, с. 116.

[67] Ляоши, гл. 30, с. 136.

чего меркиты были вынуждены взять направление в сторону кангли (канглы) и кимчаут (кыпчаки).

Часть кыпчаков некогда обитала в бассейне Иртыша, что явствует из сообщений «Худуд ал-алам», «Зайн ал-ахбар» Гардизи и некоторых китайских сообщений[68]. Но ввиду того, что канглы и кыпчаки упомянуты вместе, место их проживания следует отнести к северу от Аральского моря, где эти два племени занимали область Каракорум[69].

Связь этих племен, уходящая в домонгольский период, очевидна. Она обеспечивалась их относительно компактным обитанием в течение достаточно продолжительного времени в названном ареале, общностью исторических судеб на отрезке XII—XV вв. и позже, а также зарегистрированным родством этих групп между собой. Мы не располагаем достаточными данными для полной характеристики их языка (языков), однако имеются причины предполагать, что их язык (или языки) обладал признаками, присущими тюркским языкам кыпчакской группы, в том числе современному казахскому языку (переход ч—ш, й—дж). По отношению к самим кыпчакам это было отмечено еще Махмудом Кашгарским[70]. У карлуков на бытование ш-языка указывает звучание термина калуши (вместо калучи); та же особенность была свойственна языку найманов: один из их предводителей именовался Кушлук (кит. *Цюй-шу-лю*, вместо Кучлук)[71]. Несторианское имя *Cyrjacus* в языке кереитов произносилось Курджакус (кит. *Ху-ручжа-ху-сы*)[72], а термин *йуз* — сотня — засвидетельствован в языке карлуков в форме *джуз*[73].

Свидетельство их консолидации обнаруживается еще в одном документе. После завершения похода на южнорусские княжества, Польшу и Венгрию (1235—1236 гг.) Бату-хан особо отметил заслуги своего брата Шибана شيبان (вар. Сибан سيبان кит. *Си-бань*)[74], командовавшего правым крылом войска. По словам Махмуда ибн Вали, Шибан за свои заслуги получил во владение племена кошчи, найман, буйрек и карлык[75]. В данном случае Махмуд ибн Вали следует «Зуб-

---

[68] *Бартольд В. В.* О поездке в Среднюю Азию. 1893—1894 гг. Спб., 1897, с. 82, 105.

[69] *Bayle J. A.* History of the World-Conqueror. London, 1955, vol. 1.

[70] *Махмуд Кашгарий.* Указ. соч., т. 1, с. 66.

[71] *Рашид-ад-Дин.* Джами'ат-таварих, т. 1, ч. 1; Юаньши, гл. 121, с. 1423.

[72] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч., т. 1, ч. 1; Юаньши, гл. 121, с. 26.

[73] О «джеканнии» огузов (в данном случае туркмен-карлуков) сообщает также Махмуд Кашгарий (Указ. соч., т. 1, с. 66). Памятники лапидарного письма христиан-онгутов также свидетельствуют о «джеканнии» онгутов.

[74] См. о чтении имени Шибан: *Pelliot P.* Notes sur l'Histoire de la Horde d'or. Paris, 1950, p. 44—47.

[75] *Ахмедов Б.* Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 168.

дат ал-асар», где этот список воспроизведен в том же виде[76]. Как говорит Абу-л-Гази, автор «Шеджире-и турк», Саин-хан (Бату) весьма благосклонно отнесся к Шибану. После его побед в Венгрии он поручил ему управление этой страной и придал в услужение уруки кошчи (قوشجی), найман (نایمان), карлык (قارلیق) и буйрек (بویراک)[77].

Реального управления Венгрией у Шибана не получилось, он передал его одному из своих сыновей[78] и счел разумным забыть о благоприобретенной, но далекой вотчине. По утверждению того же Абу-л-Гази, летовки Шибана находились в долинах Иргиза, Савуҡа (Ишима), на Ори и Илеке, в предгорьях Урала и на Яике, а зимовки — в Ара-Куме и Кара-Куме (на север от Аральского моря), а также в низовьях р. Чу и Сары-Су[79]. Если же учесть, что «правый корпус», которым вначале ведал Боорчу, а затем Шибан, «прилегал к Алтаю» (ср. известие Плано Карпини об Ала-Куме, где «пребывает Сыбан, брат Бату») [80], то станет ясным, что в удел Шибана был включен весь Восточный Дашт-и Кыпчак, список племен которого мы приводили выше. Заслуживает внимания и перечень племен Шибана, представленный в каждом из названных сочинений лишь как вариант одного первоисточника, адрес которого пока неизвестен[81].

Первым в перечне названо племя кошчи. Очевидно, его упоминание, датированное 1237 г., является самым ранним. Кошчи известны также в составе могулистанских племен; позднее данный термин встречается в этнонимике узбеков и киргизов (кошчу). Любопытен состав термина. Один из его последних по времени исследователей В. П. Юдин, читая написание قوشجی в форме *кушчи,* склонен усматривать в нем значение «охотник с ловчей птицей»[82]. «В Средней Азии и у киргиз (т. е. казахов. — *Ю. З.*), — писал, однако, Ч. Ч. Валиханов, — сокольник и знающий это дело называется قوش بك (куш-бек) или قوش بکی (куш-беки), под именем قوشجی (кошчи) разумеются прислужники во время похода, род нукеров (قوش — кош, кошевой) [83].

Термин кошчи — не этноним, а этнонимозаменитель; это ранг предводителя племени при ханской ставке. Мухаммад Хайдар сообщает, что во времена могулистанского Худайдада

---

[76] Указанием на это я обязан Н. Н. Мингулову.

[77] *Desmaisons.* Histoire des Mogols et des Tartares, t. 1, Texte, p. 101.

[78] Там же; Путешествия в восточные страны, с. 73.

[79] Там же.

[80] Путешествия в восточные страны, с. 73.

[81] Он определенно был использован в списке предков Могулистана.

[82] *Юдин В. П.* О родо-племенном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. — Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1965, вып. 3, с. 55.

[83] *Валиханов Ч. Ч.* Указ. соч., т. 4, с. 195.

стали известными чалышские кушчи. «Кушчи — их лакаб (прозвание), но их зовут также кукильдаш», — говорит он в описании эпизода спасения Худайдада [84]. Термин *кукильдаш* переводится в значении молочный брат. Он восходит к слову kükil (küngül, küngil, kökli) — «сердце как вместилище чувств» [85], и его варианты характеризуются в источниках как *этноним*. Абу-л-Гази называет племя kökli среди потомков сыновей мифического Огуза [86], по *Рашид ад-дину,* среди объединения конгратов существовало племя, называемое по-монгольски *конгелиут* — küngliüut (где *-ут* аффикс множ. числа в монгольском языке) [87], т. е. көнглі. Важно, что конгли, как, вероятно, и кукельдаш (конгульгаш, кокульташ), были конгратами, значит, по выходе из объединения они представляли его целиком и называли себя просто конгратами. Последние впервые упомянуты под 1125 г. рядом с тиратами и чачиратами [88], т. е. где-то на Саяно-Алтае. Конграты были катунским племенем в составе династийной коалиции монголов и сохранили за собой эту роль на всем протяжении существования их царских домов в Азии. Как полагают, они были тюркоязычны и в качестве таковых вошли в состав Орта жуза казахов.

Не совсем понятен термин буйрек بويراك; он также не является этнонимом и не находит аналогов в тюркской этнонимике [89]. Его значение в тюркских языках («почка», «фланг войска») имеет параллель в письменном монгольском boγor, bo'or, соврем. монг. boγorc — в тех же значениях. Уместно напомнить, что предшественником Шибана в управлении правым крылом монгольского войска был Бокорчу (Бо'орчу). Если связь между данными терминами существует, то можно сделать предположение, что они имеют отношение к кыпчакскому этнониму бурч (бу'урчи), внесенному в русские летописи (половцы-бурчевичи) и мусульманские сочинения.

Пожалование Шибану четырех племен Восточного Дашт- и Кыпчака не следует рассматривать как простой акт вознаграждения: в его удел вошли племена, составлявшие органически единый этнический коллектив, компоненты которого воспроизведены в именах основных племен Орта жуза: аргын, найман, керей (среди них сибан-керей, т. е. сибановские кереи), меркит, кыпчак, конграт.

---

[84] *Elias N. and Ross.* Op. cit., p. 51—52.

[85] См.: *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. 2, Спб., 1871, с. 166; *Боровков А. К.* (ред.). Узбекско-русский словарь. М., 1959, с. 230—231; Махмуд Кашгарий. Указ. соч., т. 1, с. 386.

[86] *Desmaisons.* Op. cit., p. 28.

[87] *Рашид-ад-Дин.* Джами'ат-таварих, т. 1, с. 415: قونكليوت (ошибочно вместо كونكليوت); китайская транскрипция термина *хун-э-ли ёнь* (конглиун); Синь Юаньши, гл. 29, с. 23б.

[88] Ляоши, гл. 30.

[89] Ср.: Валиханов Ч. Ч. Указ. соч., т. 1, с. 553.

Н. Н. Мингулов

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АК-ОРДЫ

Ак-Орда — первое государственное образование на территории современного Казахстана в послемонгольский период. Оно возникло на местной автохтонной этнической основе в ходе борьбы против гнета монгольских феодалов.

Долгое время работы А. Ю. Якубовского, П. П. Иванова, труды академика В. В. Бартольда, а также материалы по истории Золотой Орды, изданные В. Г. Тизенгаузеном, оставались почти единственным пособием для освещения истории Ак-Орды [1], главным образом ее политической истории.

В последние годы появился ряд работ [2], внесших определенный вклад в дальнейшее изучение некоторых аспектов истории Ак-Орды. Однако до сих пор остаются неисследованными, прежде всего в силу ограниченности письменных средневековых источников, внутренняя структура Ак-Орды, ее родо-племенной состав и внутриполитическое состояние, не известны время ее возникновения, границы, нет даже единого установившегося мнения в определении названия самого государственного образования.

---

[1] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. Возвышение Ак-Орды. М.—Л., 1950; *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958; *Тизенгаузен В. Г.* Собрание материалов по истории Золотой Орды (СМИЗО), т. 1. Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884, т. 2; Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.—Л., 1941; *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963; *Он же.* Очерк истории Семиречья. — Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963; *Он же.* Отчет о командировке в Туркестан. — Соч., т. 8, М., 1973 и др.

[2] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965; *Федоров-Давыдов Г. А.* Аноним Искандера и термины Ак-Орда и Кок-Орда.—В кн: История, археология и этнография Средней Азии (К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова). М., 1968, с. 224—230; *Он же.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; *Султанов Т. И.* К вопросу о терминах «Ак-Орда» и «Иуз-Орда». — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970, с. 94—96; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977.

Данная статья является попыткой, в какой-то мере способствовать выяснению некоторых нерешенных вопросов истории Ак-Орды, окончательное разрешение которых требует дальнейших исследований.

После смерти Чингис-хана земли, завоеванные монголами, были разделены между его сыновьями. Во владении трех из них (Джучи, Чагатая и Угэдэя) оказалась современная территория Казахстана, значительная часть которой, за исключением юго-восточной окраины (Семиречья), вошла во владения улуса Джучи, старшего сына Чингис-хана. Следуя историографической традиции, восточные авторы называли эту территорию Дашт-и Кыпчаком.

Еще в 1207—1208 гг., после покорения «лесных народов», как сообщает Рашид ад-дин, «все области и улус, находившийся в пределах реки Иртыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингис-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включил в свои владения области Дашт-и Кыпчака и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Иртыша и там была столица его государства»[3]. Хафиз Абру, Джузджани и Рашид ад-дин сообщают, что после взятия Ургенча (1222 г.) Джучи «направился в сторону Ардыша (Иртыша), где находились его жены и семья в его собственной орде»[4]. Еще до начала наступления на Хорезм, чтобы обезопасить свой тыл, Джучи покорил все присырдарьинские города вплоть до Аральского моря, а его отдельные отряды совершали глубокие рейды в окрестные степные районы.

После возвращения из Хорезма в степи Казахстана, видимо, он был занят завоеванием и покорением казахстанских земель, так как источники сообщают, что он облюбовал широкие просторы казахстанских степей и не возвратился в район Эмиля для встречи с Чингис-ханом, где проводились торжества с участием всех монгольских принцев, по поводу успешного завершения завоевательных походов на Среднюю Азию и Иран. Джучи-хан умер в 1227 г. в степях Казахстана, так и не встретившись со своим отцом, несмотря на неоднократные требования прибыть ко двору Чингис-хана. Как устные казахские предания, так и сведения Хафиза-Таныша свидетельствуют, что гробница Джучи находилась в бассейне р. Сарысу, севернее Терс-кендырлыка[5].

---

[3] *Рашид ад-дин.* Джами'ат-таварих. М.—Л., 1960, т. 2, с. 78; *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.—Л., 1941, с. 174—175.

[4] *Хафиз-Абру.* Зубдат ат-Таварих; *Рашид-ад-дин,* указ. соч., т. 1, ч. 2, с. 1—6; *Джузджани.* Табакат-и Насыри, на англ. яз. Калькутта, 1864, с. 1103.

[5] *Хафиз-Таныш.* Абдулла-наме. См.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследования о Касимовских царях и царевичах. Спб., 1864, т. 2, с. 307.

Улус Джучи окончательно сформировался после завершения походов монгольских феодалов на запад (1242) под предводительством сына Джучи-хана Бату, когда к потомкам Джучи перешли все монгольские завоевания на крайнем северо-западе «до тех мест, куда доходили копыта татарских коней»[6]. Вернувшись с берегов Адриатики, войска Бату-хана остановились в прикаспийских и причерноморских степях, которые они избрали местом своего дальнейшего пребывания. Именно эта территория с центром в низовьях Волги и стала ядром мощного феодального образования, охватывавшего громадную территорию, включавшую в себя земли Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы. В исторической литературе это государство известно под названиями Улус Джучи и Золотая Орда. Термин Золотая Орда в применении к государству Бату-хана и его преемников в русских летописях зафиксирован лишь в XVI в.

При Бату-хане Улус Джучи был разделен на ряд уделов между сыновьями Джучи. Согласно бытующей в исторической литературе точке зрения, Улус Джучи был разделен на две части, представлявшие собой главные военно-политические единицы: на правое крыло, которым управлял сам Бату и его преемники, и левое крыло, которое досталось старшему сыну Джучи — Орда-Еджену и его потомкам.

Рашид ад-дин писал в этой связи: «Из войск Джучи-хана одной половиной правил он (Орда-Еджен), а другой половиной — Бату. С (этим) войском и четырьмя братьями — Удуром, Тука-Тимуром, Шинкумом и Симкуром[7] — он составил левое крыло (монгольского) войска, и их до сих пор (1305 г.) называют царевичами левого крыла. И теперь еще их род пребывает вместе с родом Орды [-Еджена]; его юрт и [юрт этих братьев] находится на левой стороне в пределах...[8] его улуса, и дети постоянно находятся там»[9].

---

[6] *Джувейни.* Изд. Казвини, т. 1, с. 31; *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения, т. 1. М., 1963, с. 459.

[7] Это имя у Рашид ад-дина пропущено, восстановлено по СМИЗО, т. 2, с. 142.

[8] В тексте после слов *в пределах...* следует лакуна. Эта лакуна Рашид ад-дина о границах удела Орда-Еджена восполняется сведениями автора «Джами' ат-таварих» — Кадыр-Али Джалаири. Описывая владения Урус-хана (70-е г. XIV в.), правившего на данной территории, как потомка Орда-Еджена, Джалаири пишет: «Урус-хан поселился в местности предгорий Ала-тага. Эта территория известна высокими горами, обильными лугами и множеством родниковых вод. С этих гор берет начало бесчисленное множество рек. Старый Талаш (Талас) расположен там и находится невдалеке от городов Отрара и Сайрама; Чу, Талаш, Текелик, Или, Каратал протекают в этих вилайетах; Иссык-Куль, Йитти-кент (городище на границе с Ферганой. — *Н. М.*) также находятся там же. Народ его многочислен, известен могуществом и славен отвагой. Об этом широко известно». (*Кадыр-Али Джалаири.* Джами' ат-таварих. Рукопись КГУ № 5028, л. 60а.).

[9] *Рашид ад-дин.* Указ. соч., т. 2, с. 66.

После смерти Джучи основной его юрт Чингис-хан передал Орда-Еджену. Юрт Орда-Еджена первоначально находился на Иртыше, затем в 40-х годах XIII в. переместился в Иртышско-Илийское междуречье до Эмиля [10].

По сообщению Абу-л-Гази, Бату-хан после завершения удачного семилетнего похода (1242 г.) против северных стран выделил дополнительные уделы и улусы (племена) своему старшему брату Орда-Еджену [11]. Плано Карпини (1245—47), локализуя ставку Орда-Еджена к востоку от озера Ала-Коль, сообщает: «В этой земле (юго-восточнее оз. Балхаш) живет Орду, старший брат Бату [-хана], мало того, он древнее всех князей татарских; там имеется его орда, или двор его отца» [12].

Фактически с середины XIII в. улус Орда-Еджена стал самостоятельным государственным образованием, получившим в восточных источниках (авторов XIV и последующих веков) название Ак-Орда. О южных границах Ак-Орды можно судить из данных Гильома Рубрука (1251—53 гг.), по сведениям которого район Таласа простирался далее на восток, на расстояние месяца пути, до города Болат (Пулад).

Описывая владения Орда-Еджена, Му'ин ад-дин Натанзи пишет, что его удел включал пределы Улуг-Тага, Сегиз-Йагача [13] и Каратала до пределов Туйсена [14]. Конкретизируя западные пределы его владений, он границы их простирает до окрестностей Дженда и Барчкенда (Барчанлыгкента) [15].

О границах распространения политической власти Орда-Еджена интересные данные приводит Ш. Марджани: «Орда-Еджен правил племенами, кочевавшими от Иртыша до среднего течения Сырдарьи с прилегающими к ней районами, в предгорьях Улутау, и Кичиктау, а также землями между реками Или и Чу» [16].

Что касается северо-западных границ Орда-Еджена, то они доходили до рек Иргиза, Ори и Илека.

---

[10] *Рашид ад-дин.* Указ. соч., т. 2, с. 78; *Петров К. И.* Очерк феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961, с. 12.

[11] *Абу-л-Гази.* Родословная тюрок, изд. Демезона: — Histoire des Mongols et des Tartares par Aboul-Ghâsi Béhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. 1, Texte, St. Pbg, 1871, p. 101.

[12] *Плано Карпини.* История Монгалов. — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 73.

[13] Сегиз-Йагач упоминается в связи с походом Тимура против Камар-ад-дина в 1376 г., где-то недалеко от Атбаши как место убежища и место сражения. См.: «Зафар-наме» Низам ад-дина Шами в издании Ф. Тауэра, где это название воспроизведено в форме Санкиз-Йагач и Сангир-Йагач. См. также Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1.

[14] Под Туйсеном, возможно, имеется в виду Тюмень, что позволяет вынести представление о северных границах земель Орда-Еджена. См.: СМИЗО, т. 1, с. 211.

[15] *Му'ин ад-дин Натанзи.* Аноним Искандера. См.: СМИЗО, т. 2, с. 127.

[16] *Марджани Ш.* Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар. Ч. 1, Казань, 1885, с. 151, 156—157.

Следовательно, территория Казахстана от бассейна Сырдарьи до Алтая и от южного Приуралья до Семиречья являлась уделом Орда-Еджена. Весь этот регион восточные источники именовали Ак-Ордой, находившейся в номинальном подчинении от верховного правителя Золотой Орды (Улуса Джучи). Границы этого государства не могли быть постоянными и устойчивыми в силу различных внешних и внутренних причин. Они в известных пределах то расширялись, то суживались.

Не было непосредственной границы и между уделом Орда-Еджена и владениями династии дома Бату-хана с центром на Волге. На это указывает Рашид ад-дин: «С самого начала не бывало случая, чтобы кто-либо из рода (урука) Орды [-Еджена], занимавший его место, поехал к ханам рода (урука) Бату, так как они отдалены друг от друга (выделено нами. — *Н. М.*), а также являются независимыми государями своего улуса»[17]. Это позволяет по-новому подойти к вопросу о правомочности существующего положения о разделе территории Улуса Джучи только на две основные политические единицы: на владения дома Бату и дома Орда-Еджена.

Буферной территорией между Орда-Еджеком и Бату-ханом являлись владения Шайбана, пятого сына Джучи, о котором Абу-л-Гази сообщает: «Шайбан кочевал летом на обширном пространстве между предгорьями Урала и реками Тобол, Яик, Илек, Иргиз, а зимой в бассейне Аральского моря, по рекам Чуй-су, Сары-су и в низовьях Сырдарьи»[18].

Шайбан возвысился еще в пору становления Золотой Орды. Об этом Махмуд бен Вали пишет: «Шайбан-хан, сын Джучи-хана, в семилетнем победоносном походе по покорению ассов, русов, черкесов и булгар своим старанием и храбростью удостоился личного внимания Бату-хана и, таким образом, получил от брата четыре умака»[19]. Этими умаками, как говорится в «Зубдат ал-Асар», были кошчи, найман, буйрак и карлук[20]. Владение юрт Шайбан, видимо, получил еще при жизни отца, так как хронологические таблицы указывают, что ханом он стал в 1226 г., а наделы, выделенные Бату-ханом, и полученные в дар четыре крупных племенных объединения явились лишь дополнительным поощрением. К тому же, по монгольскому обычаю, каждый верховный правитель с вступлением на престол утверждал наследственные владения чингизидов, о чем авторы источников писали как о пожаловании.

Указание на районы летовок и зимовок во владениях Шай-

---

[17] *Рашид ад-дин.* Указ. соч., т. 2, с. 66.

[18] *Абу-л-Гази.* Указ. соч., с. 181.

[19] *Махмуд бен Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рукопись ИВАН УзССР, № 1385, л. 115а, б.

[20] *Абдаллах бен Мухаммад бен Али Насраллахи.* Зубдат ал-асар. Рукопись ЛО ИНА АН СССР Д-104, л. 88а, 119б.

бана содержится в «Мустафад ал-ахбар»: «Бату-хан, сын Джучи-хана, назначив правителями над некоторыми племенами своего брата Шайбана, выделил ему область по соседству с братом Ахином [Орда-Еджеком] и установил районы летовок на Востоке по долинам рек: Иргиз, Саук, Орь, Илек вплоть до Уральских гор и реки Яик, районы зимовок — в Ара-Кумах и низовьях реки Сыр. Впоследствии эти владения явились наследственным уделом»[21].

О разделе улуса Джучи на три крупных административно-политических единицы говорится у Абу-л-Гази: «...и еще он (Бату-хан) сказал: — Пусть место тебе [Шайбан] для обитания будет на восток от Яика вплоть до Уральских гор, между моим старшим братом [Орда-Еджеком] и мной [Бату-ханом][22].

При первых же преемниках Шайбана утвердилось престолонаследие. Эту традицию не нарушали и последующие потомки. Так, потомки Шайбана Ибрахим и Арабхан, сыновья Пулад-хана, «разделив эли отца, жили и кочевали в одном регионе, проводя лето в верховьях Яика и зимуя у устья Сыра»[23].

Уже первые правители владений Шайбана — основатель династии Шайбан (1226 г.) и его сын Бахадур-хан, наследовавший престол (1266/67 г.), — именуются ханами Дашт-и Кыпчака, и дается пояснение, что они «ханы земель Арала»[24]. В данном случае употребление термина «хан земель Арала» по отношению к территории владений Шайбана также подтверждает существование определенной конкретной территории, обособленной от Ак-Орды и Золотой Орды.

Таким образом, владения, закрепленные Бату-ханом как верховным правителем всего улуса Джучи за своими братьями в Восточном Дашт-и Кыпчаке, территориально управлялись двумя династиями — Орда-Еджена и Шайбана, а не одной, как это было принято считать. Они являлись наследственными и имели четко определенные границы с указанием летних и зимних мест кочевий. Правители этих двух крупных административных единиц титуловались ханами.

Как в существующей литературе, так и в восточных средневековых источниках по вопросу территории Ак-Орды и самого названия, как уже было отмечено выше, существует много неясностей. То же самое наблюдается и в вопросе о правителях династий Орда-Еджена и Шайбана, в которых иногда смешиваются имена преемников, наследовавших престол, и

---

[21] *Марджани Ш.* Указ. соч., с. 151.

[22] *Абу-л-Гази.* Указ. соч., с .181.

[23] Там же, с. 102.

[24] *Трофимов М. И.* Хронологические таблицы мусульманских династий. Ташкент, 1897; *Лэн-Пуль Стэнли.* Мусульманские династии. Спб., 1899; *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971.

объединяются в единое целое территории этих двух династий. Название одной территории ошибочно переносится на другую. Некоторые средневековые авторы термин Ак-Орда используют применительно к владениям Шайбана, другие прямо указывают, что оно именуется и Кок-Ордой [25]. Так, описывая события после смерти Берке-хана в 1266 г., авторы сообщают: «После него на престол взошел Менгу-Тимур-хан, сын Тукая, сына Бату [-хана], и стал править этими элями и улусами. По обычаю Бату-хана, он роздал почести и выделил суюргалы. После этого, торжественно выступив с войском на булгар, за два года овладел той территорией и **вернулся, а затем двинулся в Кок-орду**»[26]. (Подчеркнуто нами. — *Н. М.*).

Приведенное свидетельство источника, где выделенные нами слова с очевидностью указывают на существование конкретной территории, именуемой «Кок-Ордой», находящейся за пределами владений дома Бату с центром в г. Сарае, которой, исходя из вышеизложенного, несомненно, являлась территория владений Шайбана. Следовательно, название Кок-Орда никак не может являться синонимом Золотой Орды, как это бытует в литературе [27].

В русских летописях, где Золотая Орда с центром в г. Сарае преимущественно называлась просто «Ордой», «Большой Ордой» или «Волжской Ордой», степная территория на юг от р. Урал, т. е владения Шайбана, именуется «Заяицкой Ордой» и «Синей Ордой» [28].

Название Ак-Орда должно относиться исключительно к территории владений династии Орда-Еджена. Это подтверждается тем фактом, что вплоть до конца первой четверти XV в., за исключением времени правления Тохтамыша, происходившего из другой ветви джучидов, на ак-ордынском престоле восседали только прямые потомки Орда-Еджена. Последовательность их правления четко прослеживается вплоть до конца третьего десятилетия XV в. [29], т. е. до смерти Барак-хана (1429). Власть над всем Восточным Дашт-и Кыпчаком перешла в руки Абу-л-Хайр-хана, выходца из династии Шайбана,

---

[25] *Мунис-Агехи.* — *Шир-Мухаммад Мунис и Мухаммад-Риза Агехи.* Фирдаус ал-икбал. Рукопись ИНА АН СССР Е-6 (590 ов), л. 26а.

[26] *Мунис-Агехи.* Там же, л. 27б.

[27] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950; *Федоров-Давыдов Г. А.* Аноним Искандера и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии (К 60-летию со дня рождения С. П. Толстова). М., 1966; *Султанов Т. И.* К вопросу о терминах «Ак-Орда», «Кок-Орда», «Йуз-Орда». — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970, с. 94—96.

[28] Новгородская четвертная летопись. ПСРЛ, т. 4, с. 82—83; Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XI, с. 27, 173.

[29] *Трофимов М. И.* Хронологические таблицы мусульманских династий. Ташкент, 1897; *Лэн-Пуль Стэнли.* Мусульманские династии. Спб., 1899; *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971.

который в 1428 г. был провозглашен ханом в районе г. Тары (Западная Сибирь). При нем произошло объединение территории владений Шайбана и Орда-Еджена, т. е. Кок-Орды и Ак-Орды, за исключением небольших уделов, где продолжали править представители дома Орда-Еджена, не покорившиеся Абу-л-Хайру.

Начиная с этого времени наряду с другими названиями этого государственного образования, о которых будет сказано ниже, вся территория, включавшая владения Шайбана (Кок-Орду) и Орда-Еджена (Ак-Орду), в ряде средневековых источников, в особенности хорезмийских авторов, в том числе и Абу-л-Гази, который, кстати, сам являлся потомком Шайбана, называлась Ак-Ордой. Видимо, в этом и кроется причина путаницы позднейших авторов, которые термин «Ак-Орда» периода правления Абу-л-Хайр-хана переносили на более раннюю историю Шайбанидов.

Термин Ак-Орда распространялся также на некоторую часть территории владений династии Шайбана в период правления Урус-хана и Тохтамыш-хана, когда они претендовали на власть в Золотой Орде и даже восседали на золотоордынском престоле в г. Сарае.

Что представляла собой «Ак-Орда» в политическом отношении? Весьма интересно, что хотя Ак-Орда, по словам Рашид ад-дина, как при Орда-Еджене, так и при его ближайших преемниках формально и входила в состав Золотой Орды, но фактически представляла собой независимое государство. Глава его наравне с обладателем золотоордынского престола был наделен титулом хана и пользовался большим уважением и почетом не только у Бату-хана и его преемников. С его мнением считались даже верховные кааны Монгольской империи. Рашид ад-дин подчеркивает, что Орда-Еджен и его преемники являлись самостоятельными и независимыми государями своих владений [30].

Хотя Рашид ад-дин и говорит о самостоятельности и независимости ханов Ак-Орды, вместе с тем как сам Орда-Еджен, так и его преемники признавали верховную власть Золотой Орды, т. е. они находились в своеобразных вассальных отношениях. Но определить, в чем выражался их вассалитет, трудно. Единственное, что сообщает Рашид ад-дин, это то, что они пишут имена преемников Бату «на ярлыках своих сверху» [31]. Учитывая силу и влияние, которым пользовался Орда-Еджен среди чингизидов [32], можно предположить, что вассалитет но-

---

[30] *Рашид ад-дин.* Указ. соч., т. 2, с. 66.

[31] Там же.

[32] По словам того же Рашид ад-дина, в ярлыках, которые Мункэ-каан писал на имя преемников Джучи по части указов и ясы, имя Орда-Еджена он ставил впереди (там же, с. 66); Плано Карпини также выделяет Орду старшим из всех вождей (Путешествие в восточные страны, с. 44).

сил номинальный характер. При этом необходимо учесть, что по экономическим возможностям (наличие больших пастбищных угодий, торговых центров и земледельческих оазисов по Сырдарье) и людским ресурсам (большое количество местных и отюреченных монгольских кочевых племен) Ак-Орда представляла, особенно во второй половине XIV в., серьезную силу, с которой нельзя было не считаться.

Интересно привести другой факт, сообщаемый Рашид ад-дином. Во время борьбы между потомками Орды-Еджена, Байаном и Кублуком (Куйляком), за власть в орде первый из них обратился за помощью сперва к хану Золотой Орды — Токтаю. Рашид ад-дин описывает это следующим образом: «Байан бежал и **направился к границам той области, в которой сидел Токтай, преемник Бату**»[33]. Рашид ад-дин не пишет, что Байан отправился к правителю Улуса Джучи, т. е. к своему сюзерену. В данном случае Золотая Орда и Ак-Орда выглядят как два отдельных государства. Можно добавить к этому следующий отрывок из заявлений послов Байана хулагуидскому хану Газану: «Токтай — **наш союзник** и пришлет войско»[34]. Здесь опять-таки хан Золотой Орды характеризуется не как сюзерен, в зависимости от которого находился хан Ак-Орды, а как равноправный союзник.

Токтай выдал Байану ярлык на правление Ак-Ордой и потребовал от чингизидов, в частности от главы Чагатаидов Дувы, выдачи Кубляка, которого они поддерживали. Но эти меры Токтая носили чисто формальный характер и никаких практических результатов не дали.

В истории ханов Ак-Орды обращает на себя внимание еще один интересный момент. Из приведенного выше примера мы видим, что хан Ак-Орды Байан, внук Орда-Еджена, обращается за помощью к хулагуидскому хану Газану. И это не единичный случай. Так, еще до него внук Орды-Еджена Кончи не только поддерживал дипломатические связи сперва с Аргун-ханом, а потом и с его сыном Газан-ханом, но и «постоянно отправлял послов с изъявлением дружбы и преданности»[35]. На первый взгляд этот момент покажется странным. Ведь Улус Джучи, вернее, Золотая Орда, в состав которой, хотя и номинально, входила Ак-Орда, находилась в постоянных враждебных отношениях с Хулагуидами[36].

В формальном подчинении Ак-Орды Золотой Орде с центром в г. Сарае заключается понимание данного факта. Дипло-

---

[33] *Рашид ад-дин.* Указ. соч., с. 68.

[34] Там же.

[35] Там же, с. 42.

[36] См.: *Рашид ад-дин.* Указ. соч.,; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. работа; *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П.* и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, с. 187—200.

матические отношения Ак-Орды с Хулагуидами и изъявление «дружбы и преданности» объясняются также стремлением ак-ордынских правителей поддерживать свою независимость при сохранении номинальной власти преемников Бату. Стремление иметь дружественные отношения с Хулагуидами обусловлено борьбой потомков Орды-Еджена и Чагатая за присырдарьинские города и за пастбища в Семиречье. Особенно обострилась эта борьба между Байаном и Кайду[37]. Поэтому ничего странного во взаимоотношениях ак-ордынских правителей и Хулагуидов нет. Кроме того, это дает нам возможность проследить одну из страниц в истории взаимоотношений Ак-Орды и Улуса Чагатая в конце XIII — начале XIV в. Определяющую роль в их взаимоотношениях, как и позже, играл сырдарьинский бассейн.

На основании приведенных сведений, извлеченных из источников, можно с уверенностью сказать, что Ак-Орда как независимое государственное образование, возникшее на определенной сложившейся территории при сохранении номинальных (внешних) признаков вассальной зависимости, было создано еще Орда-Едженом. Поэтому вряд ли будет правильным считать, что Ак-Орда была создана Сасы-Букой и что он был первым ее ханом[38], тем более, что ни один из доступных нам источников об этом не сообщает[39]. Отметим только, что как Рашид ад-дин для более раннего периода, так и Му'ин ад-дин Натанзи и Гаффари для позднейшего времени истории Ак-Орды сообщают, что вассальная зависимость ханов Ак-Орды от владетелей золотоордынского престола была номинальной. А с середины XIV в., как об этом будет сказано ниже, у ханов Ак-Орды появляется стремление порвать и с этой номинальной зависимостью. Основным политическим курсом правителей Ак-Орды, начиная с 70-х гг. XIII в., когда в результате усиления междоусобной борьбы, развернувшейся в Чагатайском улусе, закрываются пути в оседлые районы Илийской долины и Восточного Туркестана, усиливается стремление к восстановлению более тесных торгово-экономических контактов со среднеазиатскими районами. Эти контакты, издревле существовавшие между кочевыми племенами казахстанских степей и населением земледельческих районов присырдарьинского оазиса, были прерваны в связи с большими разрушениями и ущербом, нанесенными монголами во время завоевания этих районов.

Уничтожение оседло-городской культуры, хищническое использование природных богатств, перенаселенность паст-

---

[37] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 43, 44; *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. — Сочинения, т. 2, ч. 1, с. 70.

[38] История Казахской ССР, т. 1, Алма-Ата, 1957, с. 123.

[39] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 129, 211 и др.

бищных угодий, вытаптывание посевов, разрушение ирригационных каналов из-за прекращения ухода за ними, усугубленных беспрерывными феодальными междоусобицами на юго-востоке, настоятельно требовали поиска выхода. Поэтому правители Ак-Орды уже в конце XIII в. переносят свой административный центр к южным окраинам своих владений, избрав для этого Сыгнак.

Наряду с развитием кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства на обширных степных просторах с удобными летними и зимними кочевьями и пастбищами от Иртыша до Сырдарьи и от Алтая до Улутау и упорядочением наделов и путей перекочевок с точно установленными границами, основанными с учетом традиций автохтонных насельников этой территории, ханы Ак-Орды уже в начале XIV в. предпринимают шаги к восстановлению хозяйственной и культурной жизни в оседло-земледельческом оазисе среднего течения Сырдарьи, получившей большое развитие в предмонгольский период.

Эти мероприятия содействовали возрождению и развитию земледелия и торговли, восстановлению ремесленного производства, городской жизни и строительства. Наблюдается процесс развития феодальных отношений и стабилизации политической жизни и превращение этого района в политический центр государства со столицей в Сыгнаке [40].

С упрочением политической власти в Ак-Орде [41] создается благоприятная политическая обстановка, усиливается взаимосвязь с оседлыми районами Средней Азии и Хорезма. Одним из важнейших элементов в этих взаимоотношениях являлась торговля, уходившая своими корнями в глубокую древность. Благодаря тому, что важнейший путь из Европы в Центральную Азию и далее на восток проходил через присырдарьинские районы, наблюдается быстрое восстановление хозяйственной жизни в городах и превращение городов в крупные торгово-перевалочные центры.

Общественное разделение труда между оседло-земледельческим хозяйством и городским ремеслом, с одной стороны, и кочевым скотоводческим хозяйством — с другой, установившееся в странах Востока еще на заре истории, диктовало необходимость такого общения, без которого ни кочевые, ни оседлые народы не могли обходиться сколь-нибудь долго.

Установление экономических связей скотоводческих районов с оседло-земледельческими способствовало восстановлению земледелия и городов Присырдарьи, а это, в свою очередь, стимулировало расширение и развитие кочевого хозяйства.

---

[40] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., с. 130.

[41] Политическая история Ак-Орды подробно описывается А. Ю. Якубовским, см. указ. работу, главу «Возвышение Ак-Орды».

Возрождение городской культуры, хозяйственной жизни, торговли, развитие производительных сил способствовали укреплению экономического и политического положения местной тюркской и тюркизированной феодальной верхушки Ак-Орды.

Начиная с Мубарак-ходжи, правители Ак-Орды стремятся порвать и с номинальной зависимостью от Золотой Орды, а в лице Урус-хана и Тохтамыша мы видим представителей ак-ордынской династии, успешно претендовавшей на власть в Золотой Орде. Еще до них по приглашению золотоордынских эмиров ак-ордынские царевичи возводились на золотоордынский престол (в период острой борьбы за верховную власть в Золотой Орде, начавшейся после смерти Джанибека в 1357 г.).

Уже во второй половине XIII в. в истории Золотой Орды прослеживается не только стремление к политической и экономической самостоятельности ее отдельных частей, но и частичное их осуществление. Однако к концу XIII в., с появлением Токтогу-хана (1290—1312), и в первой половине XIV в. при Узбек-хане центральная власть в Золотой Орде усилилась. Особого расцвета могущество Золотой Орды достигло при правлении Узбек-хана и первого его преемника — Джанибека.

В этот период прослеживается развитие торговли, экономики, усиление проникновения ислама, возведенного в ранг государственной религии, установление и развитие взаимосвязей со странами Востока, упрочение государственного аппарата, стабилизация и сравнительное спокойствие не только на территории центра Золотой Орды и Дашт-и Кыпчака с входящими в него государственными образованиями, но и в сопредельных с ними владениях.

Активизируются дипломатические связи и устанавливается постоянный обмен посольствами и грамотами с соседними правителями, особенно с египетскими султанами [42]. О взаимных обменах посольствами и торговых связях Дашт-и Кыпчака с Египтом, установившихся при Берке-хане (1256—1266 гг.) и его преемниках и особенно усилившихся в период правления Узбек-хана, свидетельствуют многие арабские авторы [43]. С этого времени Улус-Джучи в официальных документах и у восточных летописцев стал именоваться «Улус-Берке», «Земли Кыпчака», а в первых десятилетиях XIV в. особенно широкое распространение получили названия «Земли Узбека», «Улус Узбека», «Государство Узбека», а золотоордынское войско именовалось узбековцами. Даже на китайской карте 1331 г.

---

[42] *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М., 1966; СМИЗО, т. 1.

[43] СМИЗО, т. 1.

Улус Джучи назван владением Уие-дзи-ви, т. е. Узбек-хана [44].

При Урус-хане и Тохтамыше территория Ак-Орды преимущественно называлась Узбековым улусом или Узбекским улусом, а отсюда и население казахских степей на территории Ак-Орды у большинства восточных авторов именовалось узбековцами (узбекийан) и узбеками. И даже в первой половине XV в. Ак-Орда в персидских источниках была более известна под названием Улуса узбекского (иногда встречается и термин Токмакский улус). Так, например, по словам Абд ар-Раззака Самарканди, Барак, внук Урус-хана, в 1423—1424 гг. одолел Улуг-Мухамада и захватил власть в Узбекском улусе (Ак-Орде) [45]. Однако к этому времени бывшая территория Ак-Орды не соответствовала владениям, существовавшим до 80-х гг. XIV в. Так, район нижнего течения р. Сырдарьи со столицей Ак-Орды г. Сыгнаком ко времени прихода к власти Барака принадлежал Тимуридам.

Закрепившись на юге Узбекского улуса, Барак пытается вернуть район нижнего течения Сырдарьи и Сыгнак в состав своих владений. С этой целью он в 1425—1426 гг. выступил походом в район Сыгнака. Интересна мотивировка похода Барака против Улугбека. «Пастбища Сыгнака, — говорил он, — по закону и обычному праву принадлежат мне, так как мой дед Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку [46]. Барак одержал победу над многочисленным войском Улугбека, овладел Сыгнаком и рядом других присырдарьинских городов Туркестана и Мавераннахра, но не мог здесь долго удержаться и вскоре ушел в глубь степи [47].

Одной из немаловажных причин, вынудивших Барака оставить район Присырдарьи и возвратиться в степи, явилось обострение обстановки на западных и северо-восточных окраинах, угрожавшее целостности Ак-Орды.

На обширной территории от Аральского моря до Западной Сибири, где существовал ряд независимых феодальных владений Шайбанидов, в ходе длительной междоусобной борьбы начала усиливаться военно-феодальная верхушка родо-племенной знати, поддерживаемая эмирами Ногайского (Мангытского) улуса. Эта военно-феодальная верхушка выдвинула и при активной поддержке мангытских эмиров в 1428 г. на территории Западной Сибири в области г. Тара подняла ханом одного из потомков Шайбана, шестнадцатилетнего Абу-л-Хай-

---

[44] *Bretschneider.* Notices on the mediaeval geography and history. — Journal of the North — China Branch of the RAS. N. S., vol. X, 1876, p. 99.

[45] *Абдурразак Самарканди.* Матла'и са'дайн ва мажма'и бахрайн. Ташкент, 1969, с. 347.

[46] Там же.

[47] Одной из причин ухода Барака явилось усиление Шайбанидов на северо-востоке и угроза потери власти в степи.

ра, сына Давлат-Шайх-оглана. Абу-л-Хайру в короткий срок удалось привлечь на свою сторону предводителей многих племен, обитавших на современной территории Центрального и Северного Казахстана.

Опасения Барака оказались небеспочвенными. Вскоре после смерти Барак-хана (1429 г.) бо́льшая часть территории Ак-Орды подпала под власть Шайбанидов, предводительствуемых Абу-л-Хайр-ханом. Этнический состав населения владений Шайбанидов и Ногайского улуса был почти идентичным племенам, населявшим Ак-Орду, как в языковом отношении, так и в быте и материальной культуре. Фактически население этого региона представляло собой единую общность родственных племен и родов, искусственно разобщенных в период нашествия монголов и находившихся под властью разных политических образований, созданных Чингизидами на территории современного Казахстана.

Абу-л-Хайр очень скоро сумел объединить под своей властью огромную территорию в Восточном Дашт-и Кыпчаке, простиравшуюся от Яика до Балхаша и от берегов Сырдарьи до Западно-Сибирской низменности. Созданное им государственное образование в литературе стало именоваться государством Абу-л-Хайра, государством кочевых узбеков или просто государством узбеков. У восточных авторов, в частности хивинских, вся территория этого государственного образования именуется Ак-Ордой [48].

Внешне сильное государство, созданное Абу-л-Хайр-ханом из разрозненных владений представителей различных династий Чингизидов, просуществовало недолго, а после смерти его основателя вскоре распалось. Причиной этого явилась непрекращавшаяся борьба за верховную власть между самими Шайбанидами и особенно династийная борьба ак-ордынских ханов и султанов, стремившихся к восстановлению утраченной власти. Свидетельством этому является длительная борьба Абу-л-Хайра с Джумадук-ханом, Махмуд-Ходжа-ханом, Ибак-ханом, Ахмад-ханом, Махмул-ханом и др.

Непрекращающиеся феодальные междоусобицы приводили к экономическому упадку страны, политической и этнической разобщенности, что вызывало недовольство широких масс рядовых кочевников и трудового населения оседлых районов, вылившееся в открытый протест в форме массовых откочевок на окраины владений Абу-л-Хайр-хана или в сопредельные ханства. Наиболее ярким примером может служить уход в середине 60-х гг. XV в. значительного числа кочевого населения на территорию соседнего Могулистана (в Семиречье), населенного родственными племенами, во главе с

---

[48] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965; *Абу-л-Гази.* Шаджараи тюрк, изд. Демезона, Спб., 1871; *Мунис и Агахи.* Указ. рук.

Джанибеком и Гереем, основавших там первые казахские ханства. Процесс сложения централизованного государственного образования Ак-Орда, происходивший на территории современного Казахстана, не был исключением, но имел свои особенности, обусловленные кочевым образом жизни основной массы населения и традициями.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что централизованные государства возникали в ряде стран на определенном этапе феодализма в связи с ростом общественного разделения труда, ремесла, городов, товарного производства, ибо все это подрывало замкнутость отдельных земель и раздробленность мелких уделов. Процесс политического объединения земель улусов и элей имеет непосредственную связь с консолидацией и формированием казахской народности.

Многоплеменность, искусственно разъединявшая родственное по языку, быту и обычаям население, обширная территория Казахстана, существование множества мелких уделов и владений, узаконенных ясой, раздробленность являлись определяющим фактором насущной необходимости консолидации и государственного единства. В XIII—XIV вв. на территории Ак-Орды происходил медленный процесс преодоления раздробленности и складывания единой государственности, приведший в конечном счете к объединению родственных племенных объединений в казахскую народность.

Особенности географического положения: обширность территории, естественная географическая обособленность отдельных районов, усугубленных спецификой ведения хозяйства (перекочевки по определенно установившимся традиционным путям), в связи с чем эти районы тяготели к более близким рынкам обмена, затрудняли и затягивали процесс объединения в единое централизованное государство. Так, племена Семиречья (дуглаты, канглы, кераиты и др.) из-за своей географической изолированности (вхождение в состав улуса Чагатая, а впоследствии Могулистана), а главным образом из-за отдаленности, больше были связаны с рынками обмена в Восточном Туркестане и частично в Средней Азии. Племена, обитавшие на территории Ак-Орды, в связи с особенностями географического положения и традиционных путей кочевок были более тесно связаны со Средней Азией, в то время как племена Приаралья и северо-восточных районов предпочитали рынки Поволжья, Средней Азии и Западной Сибири. Сложившиеся традиции и географическая обособленность племен на этих территориях, с которыми нельзя было не считаться, затрудняли и замедляли процесс объединения и консолидации казахской народности. Особенно трудно было сохранить объединенную государственную целостность, возникавшую на том или ином этапе истории.

Если первоначально центр Ак-Орды, возникший при Орда-

Еджене, был расположен поближе к центру Монгольской империи, на стыке трех основных улусов, то в конце XIII и начале XIV в. он был переведен в присырдарьинский район, где этим центром стал Сыгнак. Выбор был не случайным, поскольку этот регион являлся центром земледелия и ремесла. Здесь скрещивались удобные торговые пути, связывавшие богатые оседлые районы Средней Азии со степью, жители которых в осенне-зимний период стекались на зимовье на побережье Сырдарьи, где преобладал мягкий климат и в достаточном количестве имелся подножный корм (камыш). Здесь процветали города, являвшиеся основным рынком сбыта продукции кочевого хозяйства в обмен на предметы производства оседлых районов.

В присырдарьинских районах, особенно в зимнее время, не только завязывался узел торговых связей с оседло-земледельческим населением, но и усиливалось общение между родственными кочевыми племенными объединениями, разобщенными и обособленными обширностью территории Казахстана со специфическими географическими условиями.

Выгодное географическое положение присырдарьинских районов создавало предпосылки для ускорения процесса консолидации казахской народности.

Перевод столицы в южные районы способствовал ускорению процесса консолидации, а также был своеобразным методом борьбы местных племен за независимость Ак-Орды, так как отдаление от арены постоянных междоусобиц в центре Монгольской империи — подальше от Каракорума и Алмалыка — гарантировало ей относительно большую самостоятельность и независимость. На территории Ак-Орды сложилось этническое ядро, из которого впоследствии образовалась казахская народность, но для объединения многочисленных племен и преодоления раздробленности требовались определенные экономические условия. Они созревали на протяжении XIV и XV вв.

В данной статье автор не ставил себе целью осветить все важнейшие вопросы истории Ак-Орды, а лишь поставил некоторые из них. Многие вопросы остаются дискуссионными, но, основываясь на материалах исследования, автор считает возможным сделать некоторые предварительные выводы по затронутым вопросам:

Разделение Улуса Джучи произошло не на две, как было принято считать, территориально-политические единицы — Золотую Орду (в узком ее понимании) и Ак-Орду, которые соответствовали правому и левому крыльям монгольского войскового деления и где соответственно правили потомки Бату-хана и Орды-Еджена, а состояло, по крайней мере, из трех крупных единиц: владений Бату-хана — основного центра Золотой Орды, известной в источниках как «Волжская Орда»,

«Орда» и «Большая Орда»; владений Шайбана, пятого сына Джучи, расположенных на четко очерченной территории и находившихся между владениями Бату-хана и Ак-Ордой, где правили Орда-Еджен и его потомки. Эти владения в русских летописях именуются Заяицкой Ордой или Синей Ордой, а в восточных источниках назывались Кок-Ордой; владений Орда-Еджена, т. е. собственно Ак-Орда.

Эти владения являлись наследственными и имели более или менее четко определенные границы с постоянными маршрутами для летних и зимних кочевий.

Существующее в исторической литературе употребление термина Кок-Орда (Синяя Орда) как синонима Золотой (Заволжской, Большой) Орды или Ак-Орды, а не только как определенной территориально-политической единицы — удела Шайбана и Шайбанидов — является неправомерным, хотя Кок-Орда, как и Ак-Орда, входила в общее понятие Золотой Орды в более широком смысле, т. е. Улуса Джучи.

Таким образом, объединение терминов Ак-Орда и Кок-Орда и их употребление одновременно по отношению к уделу Шайбана до времени возникновения «государства Абу-л-Хайр-хана» также, думается, неправомерно. Термин Ак-Орда до конца первой четверти XV в. относится лишь исключительно к территории, где правили наследники Орда-Еджена, т. е. ак-ордынские ханы.

На основании рассмотренных материалов можно утверждать, что Ак-Орда, возникшая на определенной территории с самого своего образования (середина XIII в.), как в политическом, так и экономическом отношении являлась самостоятельным государственным образованием, лишь номинально признававшим сюзеренитет Золотой Орды.

Исходя из сказанного, автор считает необходимым сохранить установившееся название государства — Ак-Орда, правомочность которого доказывается данными источников и является вполне оправданным, поэтому нет никакого смысла менять его.

Но более важными остаются вопросы самой истории этого государства. Если контуры политической истории Ак-Орды более или менее известны, хотя и здесь мы видим массу дискуссионных вопросов, то в целом нерешенными остаются вопросы хозяйственной, социальной, этнической истории, городской культуры и др.

Ак-Орда, как и соседний с ней Могулистан, играла важную роль на первом этапе формирования казахской государственности и консолидации казахской народности.

К. А. Пищулина

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С МОГУЛИСТАНОМ И ШАЙБАНИДАМИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XV ВЕКА

XIV—XVI столетия являются исключительно важным, но малоизученным периодом в истории средневекового Казахстана. Он характеризуется интенсивным развитием государственно-политических, социально-экономических, этнических отношений у казахов; определенные изменения происходили в скотоводческом хозяйстве, в развитии городской и земледельческой культуры, особенно в районе присырдарьинских городов и Семиречья. Южные и юго-восточные районы Казахстана издавна являлись важнейшим ареалом этно-исторического развития казахского народа. С древнейших времен племена и народы этих районов были тесно связаны между собой этнокультурными связями, обусловленными общими этногенетическими корнями и этническими процессами, одинаковыми историческими (политическими, социальными) и историко-культурными (сходные формы хозяйства, быта, культуры) условиями развития. Однако волей исторических судеб население Южного и Юго-Восточного Казахстана длительное время было разобщено в государственном отношении. Только во второй половине XV — начале XVI в. впервые в послемонгольское время в рамках Казахского ханства оно получило возможность общего государственного развития.

В данной статье на основе обобщения материалов письменных источников и исторической литературы рассматриваются вопросы объединения и защиты этнической территории казахов на юге и юго-востоке Казахстана, взаимоотношения казахских ханов с Шайбанидами и правителями Могулистана в последней трети XV в. Внешняя политика казахских ханов в это время определялась задачами укрепления только что возникшего государства, расширения его границ с целью включения в его состав территорий, населенных казахами, а также задачами обороны ханства от территориальных притязаний соседних феодальных государств.

Одновременно с постепенным преодолением отрицатель-

ных последствий монгольского завоевания в сфере государственного развития, хозяйства, культуры в XIV—XV вв. шел процесс консолидации, сплочения казахской народности. Отдельные части формировавшейся народности входили в несколько политических образований — государств, возникших на развалинах монгольских улусов: в Ак-Орду, Могулистан, ханство Абулхайр-хана, Ногайскую Орду, Сибирское ханство. Это обстоятельство, а также беспрерывные феодальные войны и усобицы Джучидов и феодальной верхушки родов и племен, приводившие к потере производительных сил, в том числе и людских резервов, к экономическому упадку, разобщению родственных этнических групп, разрыву политических и хозяйственных связей, сильно тормозили этот процесс. Со всей необходимостью вставала задача преодоления политической разобщенности этнически близких групп, государственного объединения казахских племен и родов, фактически уже сложившихся в народность. Решению ее реально могло способствовать образование Казахского ханства.

Предпосылками для образования Казахского ханства явился ряд социально-экономических и политических факторов. Усиление экономического могущества феодально-кочевой знати, истоки которого были в дальнейшей интенсификации эксплуатации подвластного населения, стремление феодальной верхушки к политической независимости и разжиганию на этой основе феодальных усобиц в ханстве Абулхайр-хана и в Могулистане, рост социальных противоречий привели эти государства во второй половине XV в. к упадку. Междоусобная борьба тяжело отражалась на положении рядовых кочевников и оседлого населения. Эксплуатируемые массы трудящихся скотоводов и земледельцев Восточного Дашт-и Кыпчака, Туркестана [1] и Семиречья отвечали на рост феодального гнета, разорительных феодальных войн и усобиц характерной для средневекового феодального общества формой классовой борьбы — уходом, откочевкой из-под власти ханов и феодалов. Начиная с середины 50-х до начала 70-х гг. XV в. в условиях то и дело вспыхивавших мятежей Джучидов, предводителей кочевых родов и племен, особенно участившихся в конце правления Абулхайр-хана (1428—1468 гг.), в обстановке жестокого поражения этого хана от калмаков (ойратов), проникших в 50-х гг. через Семиречье до Сыгнака и Сайрама, Ясы (г. Туркестана) и Ташкента [2], из Восточного Дашт-и Кыпчака,

---

[1] Так назывался в источниках XIV—XVI вв. район присырдарьинских городов Южного Казахстана.

[2] *Мас'уд бен Усман Кухистани* Та'рих- и Абу-л-Хайр-хани. Рук. ЛО ИВ АН СССР С 480, л. 336б—339а; Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969, с. 168—170 (Далее МИКХ).

оазисов Присырдарьи и предгорий Каратау, бежало в Западное Семиречье до 200 тыс. человек[3]. Этим действием угнетенных масс было положено начало последующему объединению разрозненных групп казахов, в том числе и семиреченских, в одном государстве.

Борьба народных масс против внутренних феодальных усобиц, отпор нашествиям иноземных захватчиков всегда в значительной степени способствовали сплочению этнических групп, формированию их этнического самосознания и консолидации в единую народность. Откочевка части казахских родов и племен в Семиречье, будучи вполне определенным актом протеста эксплуатируемых слоев населения против гнета и социальной несправедливости, явилась своеобразным катализатором государственного объединения казахов и дальнейшей консолидации казахской народности. Бежал угнетенный народ, феодальные правители же, в частности султаны-джучиды Джаныбек и Гирей, и казахская феодальная знать, борясь с другой ветвью Джучидов — Шайбанидами, Абулхайр-ханом и его потомками за свои классовые выгоды, за политическую власть над степью, умело воспользовались недовольством и борьбой народных масс и возглавили возникшее в итоге этой борьбы новое политическое объединение.

Созданное в Семиречье в середине 60-х гг. XV в. Казахское ханство в последующие десятилетия XV — начале XVI в. укрепилось экономически и расширилось территориально, включив в себя значительную часть этнической территории казахов. Укрепление Казахского ханства происходило в сложной обстановке последних десятилетий XV в., заполненных кровопролитными войнами, усобицами, большими и малыми миграциями населения в пределах казахстанско-среднеазиатского региона. Развалилось в Восточном Дашт-и Кыпчаке ханство Шайбанида Абулхайр-хана, ослабленное войнами с ойратами, могульскими ханами и Тимуридами, а главным образом внутренними противоречиями; ушла в прошлое военная и политическая мощь государства Тимуридов, на исходе XV и в самом начале XVI в. окончательно потерявших власть над Мавераннахром в борьбе с предводителем кочевых узбеков Мухаммадом Шайбани; фактически распался на несколько феодальных владений Могулистан.

Объединение казахских родов и племен в одно государство шло сложным путем, иногда мирным, чаще — в столкновениях с правителями тех феодальных государств, в подданстве которых находились казахи до начала второй половины XV в.

Первым государством, с правителями которого основатели Казахского ханства Джаныбек-хан и Гирей-хан вступили в

---

[3] *Мирза Мухаммад Хайдар дуглат.* Та'рих-и Рашиди. Рук. ИВ АН УзССР № 1430, л. 46а; МИКХ, с. 195.

тесные отношения, причем союзные, дружественные отношения, был Могулистан. Основа для этих отношений определилась еще до фактического образования ханства, вскоре после прибытия Гирея и Джанибека в Семиречье в конце 50-х гг. XV в., и довольно длительное время они оставались весьма прочными. Мухаммад Хайдар даже пишет, что «дружественные и мирные отношения» между казахами и могулами поддерживались со времени Есен-Буга-хана (ум. в 1462 г.) вплоть до начала правления Абд ар-Рашид-хана[4], т. е. до 30-х гг. XVI в. Хотя на самом деле они неоднократно прерывались феодальными войнами и усобицами, борьбой за земли в Семиречье и Присырдарье, тем не менее на первом этапе правители нового политического объединения в силу многих причин не встретили противодействия со стороны могулистанского хана. Значительная часть территории Семиречья перешла под власть казахских ханов фактически без его сопротивления.

Как известно, с середины XIV в. Семиречье было центральной частью феодального государства Могулистан, образовавшегося в результате распада Чагатаидского государства и включавшего в себя помимо Юго-Восточного Казахстана территорию современной Киргизии, а также Кашгарию (Манглай-Субе) в качестве зависимого владения[5]. Семиречье в составе Могулистана населяли крупные этнические группы, упоминаемые в источниках под собирательным этнополитическим именем «могулы»: дуглаты (дулаты), уйсуни, киреиты (кереи), бекчики (канглы), аргыны, жалаиры и другие, т. е. племена, немного позднее известные в составе Старшего и Среднего жузов казахов и сыгравшие несомненно важную роль в завершавшемся процессе консолидации казахской народности. Взаимосвязи и взаимоотношения казахских племен Семиречья с населением других районов средневекового Казахстана, т. е. с такими этнополитическими общностями, как узбеки-шайбаниды, узбеки-казахи (собственно казахи), мангыты (ногайцы), были традиционно мирными и выступали как связи и отношения государств Могулистана и Ак-Орды, Могулистана и ханства Абулхайра. Эти государства имели довольно тесные политические контакты, интересы их во многом совпадали, особенно в отражении захватнической политики Тимура и Тимуридов, ойратских (калмакских) феодалов[6]. Со второй половины XV в., когда казахи Юго-Восточного Казахстана постепенно вышли из-под власти могулистанских ханов, объединились с казахами других районов в единое государство — Казахское ханство, внешнеполитические отношения

[4] Там же, л. 46б.

[5] Та'рих-и Рашиди, л. 5а, 237а, б.

[6] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. (вопросы политичесой и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977, с. 72—74, 111—115, 210—218 и др.

казахов и населения остальной части Могулистана становятся межгосударственными и для казахов Семиречья. Общность этнического происхождения, исторических судеб, традиционность дружественных отношений объясняют, почему последующий переход населения Юго-Восточного Казахстана из-под власти ханов одной династии (Чагатаидов Могулистана) под власть ханов другой (Джучидов — потомков ханов Ак-Орды) не вызвал больших осложнений.

Процесс распада Могулистана и ликвидации власти ханов-чагатаидов в Семиречье, начавшийся за несколько десятилетий до образования Казахского ханства, особенно усилился во второй половине XV в. Он обусловливался различными причинами и, прежде всего, постоянно нестабильным внутриполитическим положением Могулистана. Феодальная раздробленность, отсутствие прочного централизованного управления государством, фактически никогда не прекращавшиеся феодальные смуты и усобицы, рост экономической и политической независимости крупных представителей феодального класса, в частности дуглатских владетелей Кашгарии, противоречия и борьба между оседлой и кочевой феодальной знатью, а также усиливавшееся сопротивление народных масс гнету со стороны феодальных кругов — все это ослабляло позиции могульского хана. Основные усилия Есен-Буга-хана в последние годы его правления были направлены на подавление сопротивления феодальной верхушки, особенно правителей Кашгарии, а также на пресечение неоднократных попыток Тимуридов Мавераннахра утвердить правителем Могулистана своего ставленника (в лице брата Есен-Буги Юнус-султана). Сложилось то самое положение, о котором Махмуд бен Вали писал, что «в фундаменте правления Есен-Буга-хана обнаружилась трещина»[7].

Фактически до последних лет своей жизни не смог Есен-Буга-хан одолеть многих отложившихся от него в самом начале его правления предводителей родов и племен — калучи и булгачи, чорас и баарин, бекчиков-канглы и дуглатов, кончи и других[8]. Часть из них удалилась вовсе за пределы Могулистана (во владения Абулхайр-хана и к калмакам), другие же, хоть и признали со временем Есен-Бугу, но «все они не повиновались хану надлежащим образом», по словам Мухаммад Хайдара, и в последующее время[9]. Вторгавшийся неоднократно на территорию Юго-Западного Могулистана еще при жизни брата Юнус-султан не замедлил привлечь некоторых из мятежных феодалов на свою сторону. Среди них Мухаммад Хайдар называет Мир Ибрахима бекчика (канглы), Мир Хаджи

[7] Махмуд бен Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Рук. ИВ АН УзССР № 1375, л. 124а; МИКХ, с. 352.

[8] Та'рих-и Рашиди, л. 45а—45б; МИКХ, с. 194.

[9] Там же, л. 46а; МИКХ, с. 195.

кончи, Сансиз-мирзу дуглата и других[10]. После смерти Есен-Буга-хана лишь небольшая часть эмиров Кашгарии осталась на стороне его сына и наследника Дост-Мухаммад-хана (умер в Аксу в 873 г. х./1468—1469 гг.) и еще меньше — на стороне сына последнего Кебек-султана (убит в Турфане около 1472 г.). Юнус, занявший в середине 60-х годов юго-западную часть Могулистана (районы, прилегающие к Фергане и Ташкенту), к 1472 г. подчинил и Кашгарию с прилегающими территориями Могулистана[11], но практически неудачными оказались его попытки утвердить власть над населением Юго-Восточного Казахстана.

Одной из причин этого было неоднократно подчеркиваемое автором «Та'рих-и Рашиди» нежелание Юнус-хана, получившего воспитание и долго жившего в городах Ирана и Средней Азии, жить в кочевой степи, по старому обычаю могульских ханов[12]. Негативно сказывалось также на результатах действий Юнус-хана по подчинению Могулистана отношение к нему многих местных феодалов, за долгие годы фактического безвластия в стране привыкших к независимости и самостоятельной внешнеполитической ориентации. Некоторые из вождей семиреченских родов и племен постепенно перешли на сторону казахских владетелей.

В течение десятилетия после Есен-Буга-хана положение Джанибека и Гирея в Семиречье значительно упрочилось. Кроме бежавших от засилия Абулхайр-хана и кочевых феодалов казахских родов и племен из Центрального и Южного Казахстана им подчинилась и определенная часть местного населения. Именно в это десятилетие образовалось и стало набирать силу Казахское ханство, но уже первые шаги его основателей по укреплению государства проходили в сложной внешнеполитической обстановке. Хотя могульские правители на некоторое время потеряли из-за своих внутренних неурядиц, главным образом борьбы за власть в Кашгарии и юго-западных районах Могулистана, возможность вмешиваться в ход событий в Семиречье, но и помимо них у казахских владетелей оказались два сильных противника — Абулхайр-хан на западных границах нового политического образования и ойратские (калмакские) тайши — на восточных.

Зимой 1468 г., три-четыре года спустя после образования Казахского ханства, Абулхайр-хан предпринял поход на восток, чтобы «завоевать остальные земли Могулистана, которые находились во власти могульских султанов». Махмуд бен Вали — он писал, правда, в XVII в., но имел в своем распоряжении более ранние источники, не дошедшие до нас, — сообщая

[10] Та'рих-и Рашиди, л. 48а—50а; МИКХ, с. 196—197.
[11] Там же, л. 50а; МИКХ, с. 197.
[12] Там же, л. 50б, 52б—53а; МИКХ, с. 197, 200—201. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. — Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, с. 88.

об этом последнем предприятии некогда могущественного владыки Восточного Дашт-и Кыпчака [13], упомянутую выше цель похода Абулхайр-хана поясняет указанием, что он выступил «в сторону места кочевий (йуртгах) киргизов и калмаков» [14]. Однако, судя по маршруту движения огромного войска шайбанидского хана из предгорий Каратау, через отроги Таласского Алатау (холмы Кызыл-Адыр), долину р. Талас на Чу и далее на северо-восток, ближайшей его целью был разгром владений казахских предводителей. «Могульских султанов» в это время в Семиречье не было — Махмуд бен Вали не учел то обстоятельство, что они были заняты делами престолонаследия в Кашгарии, где примерно в это же время умер хан Дост-Мухаммад. Амасанджи-тайши был со своим улусом во время похода Абулхайр-хана, как это следует из подробных сведений Мухаммад Хайдара о взаимоотношениях этого предводителя калмаков с его сводными братьями Ибрахим-онгом и Ильяс-онгом, еще далеко от Семиречья, на восточных рубежах Могулистана [15].

Что касается киргизов, впервые упомянутых для XV в. в регионе Тянь-Шаня именно Махмудом бен Вали [16], то их кочевья названы этим автором вместе с кочевьями калмаков. Возможно, в подданстве у калмакских вождей находились те киргизы, которые передвигались в это время с Южного Алтая в Притяньшанье [17] или в разное время ушли из Могулистана, но еще не под именем киргизов, а под различными родо-племенными наименованиями (калучи, булгачи, баарин, чорас и т. д. [18]) — в состав этнополитической общности могулов, как свидетельствуют источники, входили многие этнические группы, влившиеся со временем в казахскую, киргизскую, уйгурскую народности [19]. К началу XVI в. этнический состав киргизской народности вполне стабилизировался [20], и киргизы активно участвовали в политической жизни Могулистана, Могулии и соседнего Казахского ханства под собственным именем и на территории современной Киргизии (в Прииссыккулье, вер-

---

[13] Бахр ал-асрар. л. 132б—133б; МИКХ, с. 358—364.

[14] Там же, л. 133а; МИКХ, с. 359.

[15] Та'рих-и Рашиди, л. 50б—51а; МИКХ, с. 197.

[16] *Ахмедов Б. А.* К изучению политической истории Киргизии XV века.— Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 5, с. 31.

[17] *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

[18] Та'рих-и Рашиди, л. 45б, 67б; МИКХ, с. 194, 209.

[19] *Юдин В. П.* О родо-племенном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами.— Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1965, вып. 3, с. 52—65; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, с. 26, 27, 31—33; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в., с. 14, 15, 192, 227—230, 236—245.

[20] История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1968; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, с. 10—70.

ховьях Чу и долине среднего течения Таласа, в бассейне реки Нарын), что широко отразили источники[21]. В последние же десятилетия XV в. киргизов можно видеть там, где источники упоминают отмеченные выше и другие этнические группы могулов. На территории Западного Семиречья, от северо-восточных отрогов Каратау до Или, т. е. по маршруту движения войск Абулхайр-хана, в конце 60-х годов ни киргизских, ни могульских племен источники не упоминают. Здесь находились подвластные Джаныбеку и Гирею казахи, как пришедшие из Центрального и Южного Казахстана, так и некоторые местные этнические группы казахов, ранее входившие в состав этнополитической общности могулов (канглы, дулаты, киреиты, аргыны и другие)[22].

Абулхайр-хан был явно обеспокоен усилением своих давних противников, так и не подчинившихся его власти потомков акордынских ханов, стоявших во главе казахских племен. Поход его в Могулистан был направлен главным образом против них, однако эта последняя военная акция Абулхайра оказалась безрезультатной. Источник не сообщает о столкновении противников — при приближении войск шайбанидского хана казахи рассеивались, отступая в глубь своей территории. Во время похода где-то в пределах местности Алматы[23] Абулхайр умер, и войска его повернули обратно.

Казахские ханы вскоре вмешались в борьбу за власть в Восточном Дашт-и Кыпчаке. Уходом главных сил казахов не преминул воспользоваться Юнус-хан, который к тому времени в очередной раз покинул Кашгарию и «был вынужден... уйти в Могулистан», понуждаемый к этому своими кочевыми подданными[24]. С большим войском и обозами он поспешил в северные районы бывших владений могулистанских ханов, но столкнулся здесь с Амасанджи-тайши, 300-тысячный улус которого двинулся в сторону Семиречья. Ойратский предводитель, очевидно, тоже воспользовался уходом казахских ханов в Восточный Дашт-и Кыпчак и Туркестан, где решались судьбы распадавшегося ханства Абулхайра.

Феодально-кочевую знать ойратов (калмаков) давно уже привлекали обширные территории Могулистана, в том числе и Семиречья; здесь они стремились захватить прекрасные пастбищные угодья для подвластных им кочевых родов и племен, здесь проходили удобные торговые пути, а в те смутные времена феодальных войн и усобиц они же были и путями для набегов на оседло-земледельческие оазисы Южного Казахста-

---

[21] Та'рих-и Рашиди, л. 70а—85б; МИКХ, с. 211—217; *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк. — Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, с. 509—514.

[22] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1979, с. 246—247, 252, 253.

[23] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 59.

[24] Та'рих-и Рашиди, л. 50б; МИКХ, с. 197.

на и северо-восточных окраин Средней Азии[25]. Набеги ойратов повторялись неоднократно начиная с 20-х годов XV в. Они ослабляли Могулистан и как раз для отражения ойратов намеревался Есен-Буга-хан использовать прибывших в Западное Семиречье казахов Джаныбека и Гирея. Фактически, особенно с середины 60-х годов, казахские ханы оберегали от калмаков уже свои собственные владения.

Около 1469 г. или 1470 г. Юнус-хан потерпел жестокое поражение от Амасанджи-тайши где-то на Или, возможно, в пределах Семиречья (погибли или попали в плен «многие могульские эмиры»), с остатком своего улуса численностью в 60 тыс. семей (ханавар), по сведению Мухаммад Хайдара[26], он ушел на Сырдарью, где «провел зиму», очевидно, 1469—1470 гг.[27] в местности Каратугай. Здесь в смутное время ожесточенной борьбы за власть Шайбанидов — потомков Абулхайр-хана, Джучидов разных ветвей, в том числе и казахских ханов, Юнус-хан разбил и разграбил 30-тысячный улус одного из Шайбанидов, Бурудж-оглана, сына Ядгар-хана. Когда в 877 г. х./1472—73 гг. Юнус-хан после годичного плена у тимуридского наместника в Ташкенте вернулся снова в Могулистан, интересы его, отмечает Мухаммад Хайдар, как и прежде, целиком сосредоточились на юго-западных территориях Могулистана и Кашгарии (здесь ему подчинился улусбек, дуглат Мухаммад Хайдар-мирза, дед автора «Та'рих-и Рашиди»), хотя калмаки Амасанджи-тайши давно уже очистили северные районы Могулистана и вернулись в свои кочевья в верховьях Иртыша и Южного Алтая[28]. В дальнейшем, в течение нескольких десятилетий, ойраты не ходили так далеко на запад, до Семиречья, их агрессивные действия ограничивались восточными окраинами Восточного Туркестана. Юнус-хан на территории Семиречья уже не появлялся, постоянно вмешиваясь в усобицы Тимуридов в Фергане и Ташкенте. Упадок могущества враждовавших между собой Тимуридов — в 70—90-х гг. XV в., в частности, Султан Ахмад-мирзы, Омар-Шайха, Захир ад-дина Мухаммад Бабура[29] — создавал возмож-

---

[25] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758 гг.). М., 1964, с. 100—102; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979, с. 22—23. История Казахской ССР, т. 2, с. 179—181.

[26] Та'рих-и Рашиди, л. 51а—52а; МИКХ, с. 197—199.

[27] Или 1470—1471 гг. Повествующий об этих и вышеупомянутых событиях Мирза Мухаммад Хайдар дуглат не сообщает их точных дат. Хронологию событий можно представить, исходя из какой-либо приводимой им даты (также не всегда точной) и последующих замечаний типа: «в ту же зиму», «через год», «следующей весной». Некоторые даты для конца XV в. могут быть скорректированы по сочинению Захир ад-дин Мухаммад Бабура («Бабур-наме». Записки Бабура. Перевод М. Салье. Ташкент, 1958).

[28] *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк, с. 514; МИКХ, с. 201.

[29] *Азимджанова С. А.* К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957, с. 24—51; МИКХ, с. 201—208.

ность территориальных захватов для могульских ханов, а эти захваты могли увеличить (возродить) политический и экономический престиж правителя среди поддерживавшей его части феодальной знати. Могульские ханы, как ранее Есен-Буга, так и теперь Юнус и его сын Султан Махмуд, принимают самое деятельное участие в борьбе многочисленных претендентов — Мухаммада Шайбани, казахских ханов, мангытских эмиров, Тимуридов — за влияние в регионе присырдарьинских городов.

Таким образом, внутреннее положение в Могулистане, сложившееся во второй половине XV в., а также вся упомянутая выше совокупность военно-политических событий в регионе создали почву для постепенного ослабления влияния могульских ханов в Юго-Восточном Казахстане и ухода из-под их власти казахских племен этого края.

Главной же причиной ликвидации власти могулистанских правителей над Юго-Восточным Казахстаном явились завершение обособления племен Старшего жуза наряду с формированием казахской народности и образование Казахского ханства в Западном Семиречье[30]. Борьба казахских племен Семиречья против феодального гнета, засилия ханской власти могулистанских Чагатаидов выражалась, конечно, в стихийных формах — откочевках, уходе под власть соседних правителей; в источниках она отразилась также в фактах неповиновения могульскому хану родовых вождей-феодалов, о чем не раз упоминает Мухаммад Хайдар. Эта борьба совпала с аналогичной борьбой киргизских племен на Тянь-Шане против могульских ханов и казахских племен Центрального и Южного Казахстана против господства кочевых узбекских феодалов и Шайбанидов. Внутрифеодальные усобицы, все более охватывавшие Могулистан, привели в конце XV в. к распаду единого государства и образованию на его территории нескольких феодальных владений (Султан Ахмад-хана, Султан Махмуд-хана, Халил-султана, Мансур-хана и других). Оставшееся фактически без верховного правителя Семиречье и населявшие его казахские племена легко перешли под власть ханов из другой, джучидской линии Чингизидов. Для семиреченских казахских племен это была не только смена династийного подданства, но и, что самое главное, объединение с этнически родственными группами казахов, прибывшими из Южного и Центрального Казахстана, а позднее и с казахским населением всех других территорий Казахстана. Для казахских феодальных правителей тот факт, что уже с 70-х годов они, по существу, не имели противодействующих сил в значительной части Юго-Восточного Казахстана, во многом определил уже в ближайшие годы их

---

[30] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в., с. 227—246, 254—264.

успешные действия по объединению казахских земель в Присырдарье, регионе Каратау, Сарысу и других районов. Фактический материал источников говорит о совершенно независимой политике казахских правителей не только во время обособления нового феодального государства, но и в последующие десятилетия XV в. На протяжении всего этого времени деятельность первых казахских ханов, направленная на укрепление внешнеполитического положения молодого государства, объединение и защиту этнических территорий казахов, была самостоятельной. Это проявилось в борьбе не только за Семиречье, но и особенно за присырдарьинские города.

В конце 60 — начале 70-х гг. число этнических групп подвластного Джаныбеку и Гирею населения расширилось за счет притока из Центрального и Южного Казахстана кочевников-казахов, бежавших после смерти Абулхайр-хана, государство которого было объято смутами и усобицами[31]. Обладая значительными военными силами и имея прочный тыл в Семиречье, Джаныбек-хан и Гирей-хан не замедлили вступить в борьбу многочисленных султанов-джучидов за власть над населением Восточного Дашт-и Кыпчака. Главными их противниками были наследники Абулхайр-хана — султаны-шайбаниды. В борьбе с ними казахские предводители установили союзные отношения с потомками Джучида Тука-Тимура и хана Ак-Орды Барака Ахмад-ханом, Махмуд-ханом, Ибак-ханом. Борьба за господство в степных районах Восточного Дашт-и Кыпчака и в городских центрах Туркестана (Присырдарьи) была основным направлением во взаимоотношениях казахских ханов с Шайбанидами.

О действиях ханов Джаныбека и Гирея по укреплению и расширению Казахского ханства, постепенному включению в него этнических территорий казахов в степных районах в 70—80-х годах XV в. известно немного, в источниках нет подробного описания хода борьбы их за власть в Восточном Дашт-и Кыпчаке. Поскольку все имеющиеся сведения о Казахском ханстве XV в. мы вынуждены помимо «Та'рих-и Рашиди» и зависящих от него исторических хроник черпать из сочинений придворных шайбанидских историографов, повествовавших о попытках внуков Абулхайр-хана восстановить власть Шайбанидов над степным краем и оазисами Присырдарьи, то приходится рассматривать действия казахских ханов в основном через призму действий их противников с учетом, конечно, возможного неадекватного освещения событий авторами прошайбанидской ориентации.

Сведения этой группы источников о взаимоотношениях Шайбанидов с другими Джучидами, главным образом с ка-

[31] Та'рих-и Рашиди, л. 48а; Бахр ал-асрар, л. 124а; *Камалад-дин Али Бинаи.* Шайбани-наме. Рук. ИВ АН УзССР № 844, л. 4а; МИКХ, с. 99, 195, 352—353.

захскими ханами, а также с мангытскими предводителями (которые, кстати сказать, обладали значительными силами и, будучи то на одной, то на другой стороне, сыграли большую роль в событиях последних десятилетий XV в. в Восточном Дашт-и Кыпчаке) касаются в основном Присырдарьи (Туркестана) и прилегающих степей Приаралья, северных склонов Каратау и не столько потому, что авторы их — среднеазиатские историографы, служившие в начале XVI в. в Мавераннахре при дворе Мухаммада Шайбани и его преемников и, конечно, больше знавшие события в прилегающих к Мавераннахру районах Казахстана, чем в отдаленных, сколько потому, что именно в этом регионе разыгрались основные события истории Казахского ханства последней трети XV в., определившие дальнейшие судьбы молодого государства, возможность политического объединения многочисленных родоплеменных групп, вошедших в казахскую народность, и ее этнической территории в одном государстве.

Джаныбек и Гирей стремились в первую очередь утвердить свои права в присырдарьинских наследных землях ханов Ак-Орды (вспомним в связи с этим слова Барак-хана: «Пастбища Сыгнака по закону и обычному праву принадлежат мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку»[32]).

Этот район был ближайшим к владениям казахских ханов в Западном Семиречье, и в нем было наиболее сильным влияние потомков правителей Ак-Орды и в период правления Абулхайр-хана[33]. О том, что именно в этом направлении были устремлены интересы Джаныбека и Гирея, говорит тот факт, что источники не называют их имен при осаде их союзниками Ибак-ханом и Ахмад-ханом Хаджи-Тархана (Астрахани), в котором укрылись внуки Абулхайр-хана — Мухаммад Шайбани и Махмуд-султан[34].

Обоснованность претензий ханов Джаныбека и Гирея на бывшие владения правителей Ак-Орды вытекает из факта реального пребывания потомков Урус-хана и Барак-хана владетелями ряда южных территорий Ак-Орды (в Приаралье, низовьях Сырдарьи, предгорьях Каратау) и во время ханствования Абулхайра над большей частью Восточного Дашт-и Кыпчака. Лишь только в 1446 г., за десятилетие до ухода Джаныбека и Гирея в Семиречье (это произошло в конце

---

[32] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.—Л., 1941, с. 197.

[33] Та'рих-и Рашиди, л. 5а, 174а; Бахр ал-асрар, л. 124а; МИКХ, с. 198, 222, 352; *Семенов А. А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана.— МИТУСА, вып. 1. Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. 12. Сталинабад, 1954, с. 36.

[34] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме. Рук. ЛО ИВ АН СССР В 745, л. 96а: Шайбани-наме, л. 4б; МИКХ, с. 20, 100.

50-х годов XV в.[35]), Абулхайр-хан появился в Присырдарье и взял ряд городов. Джаныбек и Гирей признавались наследственными ханами частью родов и племен Восточного Дашт-и Кыпчака еще до ухода в Семиречье, и этот факт находит отражение в источниках. Махмуд бен Вали, например, пишет: «Когда Абу-л-Хайр-хан одержал верх над сыновьями своих дядей в областях Дашт-и Кипчака, некоторые из потомков Тукай-Тимур-хана, сына Джучи-хана, например, Кирай-хан и Джанибек-хан... вышли из круга подчинения и повиновения [и] предпочли покинуть родину. Отказавшись от унаследованной страны, они ступили на дорогу, [ведущую] на чужбину»[36].

Но главной причиной того, что борьба ханов и феодалов за власть над Восточным Дашт-и Кыпчаком развернулась не столько в степных районах, сколько в Присырдарье, было экономическое и стратегическое значение этого района: и казахские ханы, и Мухаммад Шайбани видели в присырдарьинских городах экономическую и военную базу для успешной борьбы за власть над кочевниками-скотоводами.

Присырдарья была традиционным экономическим и политическим центром предшествующих государственных образований на территории средневекового Казахстана — Ак-Орды и государства Абулхайр-хана. Именно этот край мог стать (и стал впоследствии) средоточием экономической, культурной и политической жизни Казахского ханства, так как в Семиречье в XIV—XV вв. практически уже не было городской и лишь в небольшой степени существовала оседло-земледельческая жизнь[37]. В то же время на юге Казахстана в период существования Ак-Орды (XIV — 1-я треть XV в.) наблюдаются определенные явления хозяйственного подъема: постепенно восстанавливались города Отрар, Туркестан, Сауран, Сайрам, Сузак, Аркук и другие, оживилось ремесленное производство в них, вырос торговый обмен, о чем свидетельствуют, в частности, интенсивность денежного обращения в эти века на юге Казахстана, действие монетного двора в Отраре, снабжавшего меновой единицей всю округу[38].

Продолжалось развитие городской культуры в оазисах Присырдарьи и в последующий период. Раскопки казахстан-

---

[35] *Султанов Т. И.* Некоторые замечания о начале казахской государственности. — Известия АН КазССР, 1971, № 1, с. 55.

[36] Бахр ал-асрар, л. 124а; МИКХ, с. 352. По сведениям ряда источников, в том числе сочинения Махмуда бен Вали, казахские ханы, как и Урус-хан, ведут свое происхождение не от старшего сына Джучи Орда-Еджена, а от его тринадцатого сына Тука-Тимура (МИКХ, с. 39—42, 551).

[37] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в., с. 127—153.

[38] *Бурнашева Р. З.* Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 81—96; *Она же.* Монетные находки с городища Отртобе за 1974 г. — В кн: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 163.

ских археологов последних лет показывают, что в XV—XVI вв. Отрар сложился в крупный торгово-ремесленный центр Южно-Казахстанского региона. Заметен в этот период рост и других городов района среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау[39]. Материалы письменных источников полностью соответствуют археологическим данным о развитии городского хозяйства юга Казахстана в XV—XVI столетиях, то есть во время сложения и укрепления Казахского ханства[40].

Восстановление и рост городов Присырдарьи были обусловлены возросшим спросом на предметы ремесленного производства (ткани, керамику, металлические изделия и т. д.) и продукцию земледелия и садоводства (пшеницу, просо, сухофрукты и пр.) со стороны населения кочевых и полукочевых скотоводческих районов, где также в процессе укрепления государственности Ак-Орды, ханства Абулхайра, а затем и Казахского ханства наблюдался хозяйственный подъем, росло поголовье скота, увеличивались возможности сбыта продукции животноводства (мяса, шерсти, кожи и пр.). На основе роста городского хозяйства на юге и скотоводческого хозяйства в степи усиливались хозяйственно-культурные контакты, торговый взаимообмен скотоводов степных районов Восточного Дашт-и Кыпчака с земледельческим и городским населением Южного Казахстана и Средней Азии. В орбиту влияния городского хозяйства Южного Казахстана втягивалось и население Семиречья. Возникновение спроса на продукцию городов Присырдарьи явилось результатом хронической хозяйственной разрухи в этом крае, длившейся со времени монгольского господства и грабительских набегов Тимура.

Земли нижнего и среднего течения Сырдарьи были необходимы подвластным казахским ханам кочевым племенам и как ценные зимние пастбища. В силу географических особенностей казахстанских степей и сложившихся традиций кочевого скотоводческого хозяйства, требовавших перехода на зиму из кочевий отдаленных районов Восточного Дашт- и Кыпчака в южные районы, в долины Сырдарьи и ее притоков, в предгорья Каратау, эти территории были жизненно важны для степного населения, они имели большое хозяйственное значение в традиционно сложившемся производственном цикле. Однако использовать эти пастбища можно было, лишь владея ключевыми пунктами этой территории — городами-крепостями Присырдарьи и Каратау.

---

[39] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; *Акишев К. А.* Некоторые итоги раскопок городища древнего Отрара (1971—1975 гг.) — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, с. 6—11; История Казахской ССР, т. 2, с. 303—310.

[40] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969, с. 5—49.

Присырдарьинские города нужны были казахским ханам и в качестве оборонно-стратегических пунктов. В ходе борьбы за власть над степными районами противники искали себе опору в ближайших к их кочевьям городах и поселениях региона Каратау и Присырдарьи, которые могли бы содействовать их упрочению и в экономическом, и в военном отношении, ведь присырдарьинские города были неплохими для того времени крепостями и могли выдержать длительную осаду. Опираясь на города Туркестана, казахские ханы и султаны могли скорее утвердить свою власть над родоплеменной знатью степи. Все это объясняет упорство казахских ханов в борьбе за подчинение городов Туркестана (Присырдарьи), в противодействии многочисленным претендентам на них.

Отмеченные причины, побудившие казахских ханов уже в самом начале после создания ханства вести борьбу за присырдарьинские города, за территорию Туркестана в целом, относятся полностью и к их противнику Мухаммаду Шайбани на первом этапе его деятельности, когда он стремился восстановить власть Шайбанидов в Восточном Дашт- и Кыпчаке, оспаривая право на эту власть казахских ханов как наследников правителей Ак-Орды, у которых в свое время отобрал трон Шайбанид Абулхайр.

Тимуриды Мавераннахра отстаивали захваченные ими когда-то у Ак-Орды и превращенные в оборонные крепости против кочевников степных районов города.

Могульские ханы Юнус и его сын Султан Махмуд также вмешались в борьбу, пытаясь в условиях упадка Могулистана и ухода из-под их власти казахского Семиречья и киргизских районов Притяньшанья заполучить под свою власть территории на северо-восточной окраине распадавшегося тимуридского государства, т. е. в районе Ферганы, Ташкента и юга Туркестана.

Так в последней трети XV в. переплелись интересы правителей соседних феодальных государств на небольшом островке древней городской и земледельческой цивилизации в Южном Казахстане.

Взаимоотношения казахских ханов и Шайбанидов в последней трети XV в. в ходе их борьбы за власть в Восточном Дашт-и Кыпчаке и Туркестане, в том числе за присырдарьинские города, подразделяются на несколько этапов, различающихся перевесом сил то одной, то другой стороны.

Казахские владетели и Мухаммад Шайбани сконцентрировали свои усилия, как уже говорилось, на захвате городов Туркестана уже в самом начале их борьбы за власть в степи вскоре после смерти Абулхайра, т. е. в 1469—1470 гг. Наследник Абулхайр-хана Шайх-Хайдар-хан был убит в одном из многочисленных его сражений с объединенными силами Джучидов Сайидака, Ахмада, Ибака, Джанибек-хана и мангыт-

ских эмиров[41]. После бегства из осажденного Ахмад-ханом, Ибак-ханом и правителем Ногайского улуса Аббас-беком Хаджи-Тархана Мухаммад Шайбани с братом прибыли в Туркестанский вилайет, надеясь найти здесь поддержку у тимуридского наместника Мухаммад Мазид-тархана и собрать своих приверженцев из числа бывших военачальников Абулхайр-хана. Мухаммад Мазид-тархан согласился оказать Шайбаниду помощь, что объяснялось его стремлением найти союзников в среде кочевников, с тем чтобы, сталкивая соперников, использовать их вражду для укрепления собственной власти. Однако «зимой к Туркестану пришел врагом Кирай-хан»[42].

К зиме 1470 г. казахские владетели значительно продвинулись в Туркестан. Старший сын хана Джаныбека Махмуд-султан занял в предгорьях Каратау Сузак, другой сын, Иренчи-султан стал владельцем Саурана, теперь сам Гирей-хан подступил к Туркестану. Не столько грабительские набеги Мухаммада Шайбани на казахские улусы и владения[43], сколько стремление казахских ханов, понимавших значение этого района для укрепления власти во всем Восточном Дашт- и Кыпчаке, не дать Шайбанидам утвердиться в городах Южного Казахстана заставили казахов активизировать свои действия на юге Казахстана и перейти в наступление.

Прибытие казахских войск Гирей-хана на территорию Туркестана вынудило Мухаммада Шайбани покинуть Присырдарью и удалиться на время в Мавераннахр под покровительство Тимуридов. Посоветовав шайбанидским султанам уйти из Туркестана, Мухаммад Мазид рассчитывал отвести от своих владений угрозу нападения казахов.

Во время бегства Мухаммад Шайбани под Саураном столкнулся с многочисленным войском нового владельца города казахского султана Иренчи. В битве у Саурана было убито несколько султанов из окружения Мухаммада Шайбани[44]. Собравшиеся было вокруг него узбекские беки и султаны-джучиды оставили его, и он вынужден был бежать в Бухару. В итоге этого первого наступления на Присырдарью казахские предводители закрепили за собой Сауран и Сузак и не дали возможности Мухаммаду Шайбани собрать рассеявшихся после гибели Шайх-Хайдар-хана предводителей шайбанидских войск[45].

Авторы прошайбанидских сочинений (Камал ад-дин Али Бинаи, Мухаммад Салих, Молла Шади, анонимный автор со-

---

[41] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 95б; Шайбани-наме, л. 4а, б; МИКХ, с. 19, 99—100.

[42] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 97а; МИКХ, с. 21.

[43] *Семенов А. А.* Шейбани-хан и завоевание им государства тимуридов. — МИТУСА, вып. 1, 1954, ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII, с. 42.

[44] Шайбани-наме, л. 5б—6а; МИКХ, с. 102.

[45] Шайбани-наме, л. 4а; МИКХ, с. 99—103.

чинения «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и другие) заведомо искажали суть событий. Стоит только посмотреть, как буквально с несколькими десятками человек — по словам этих авторов — Мухаммаду Шайбани удавалось одолеть или во всяком случае противостоять десяткам тысяч казахов, так становится понятным явное преувеличение ими шайбанидских «побед» и необъективное отражение событий в степях Казахстана и Присырдарье. Борясь за города, обе стороны притязали на власть над Восточным Дашт-и Кыпчаком, над его кочевым и полукочевым населением, на возможность эксплуатации масс скотоводов той или иной ветвью Джучидов и поддерживавшими их группировками феодальной знати родов и племен казахстанских степей. Из некритического подхода исследователей к прошайбанидским источникам появился неверный вывод о том, что Мухаммаду Шайбани якобы удалось подчинить территории бывшего государства Абулхайр-хана и соответственно возникло мнение о более позднем образовании Казахского ханства, чуть ли не после завоевания Мухаммадом Шайбани Мавераннахра в 1500 г.[46] Более раннее время возникновения Казахского ханства — середина 60-х годов XV в.— дополнительно подтверждается всем ходом событий в Присырдарье, где казахские ханы связали руки шайбанидским султанам и не дали им возможности добиться успеха в степи.

Через два года Мухаммад Шайбани, получив военную помощь Тимуридов, появился в Туркестане и захватил ряд крепостей. Первой сдалась без боя небольшая крепость на левом берегу Сырдарьи — Аркук. Опираясь на нее, Мухаммад Шайбани прошел на север, к границам Туркестанской области и Восточного Дашт-и Кыпчака и захватил Сыгнак. Предводителю Ногайского улуса Муса-мирзе, внуку Едыгея, известного временщика Золотой Орды, удалось к этому времени, в свою очередь, продвинуться вплотную к Присырдарье[47]. Он оказывал заметное противодействие казахским ханам в это время в борьбе за власть над степью.

Наметившемуся союзу Мухаммада Шайбани с Муса-мирзой, который пообещал поддержать внука Абулхайра и провозгласить его «ханом Дашт-и Кыпчака»[48], помешало спешное прибытие из Западного Семиречья к границам Туркестана казахского войска во главе с Бурундуком («он пришел войной на мангытов»[49]). Для казахских правителей союз Мухаммада Шайбани с мангытским предводителем грозил

---

[46] *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1 Древнее время и средние века. Оренбург, 1924, с. 116; *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958, с. 48—50.

[47] Шайбани-наме, л. 7а—7б; МИКХ, с. 103.

[48] Там же, л. 7б, 8а, МИКХ, с. 103—104.

[49] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 97а; МИКХ, с. 21.

осложнениями. Подробности сражения описаны в «Шайбани-наме» Бинаи, хотя и не сказано, где была битва, очевидно, где-то у границ Туркестана и Восточного Дашт-и Кыпчака, так как в источнике отмечено, что после битвы Шайбани сразу пришел в Сыгнак. Муса-мирза отговаривал Шайбани от сражения, так как у него было лишь 300 чел., а Бурундук-хан привел 50 тыс. казахского войска [50], но он не послушал совета и «одержал победу», обратив в бегство войско Касым-султана и вместе с мангытами разбив войско Бурундука. Разумеется, это сообщение шайбанидских источников о разгроме Бурундука и победе Мухаммада Шайбани явно преувеличено: уже вскоре после этих событий Бурундук со свежими военными отрядами вновь пришел в этот район на помощь казахскому правителю Сузака Махмуд-султану. Ощутимый разгром казахских войск и победа Мухаммада Шайбани, казалось бы, должны были привести к укреплению его позиций в степи. Однако этого не произошло, поскольку победы фактически не было. Более того, после возвращения в Сыгнак самому Шайбани пришлось отражать новое наступление казахов на Туркестан.

Сузакский правитель Махмуд-султан, сын Джаныбек-хана, действовавший в согласии с Бурундуком, намеревался помешать упрочению влияния Мухаммада Шайбани в Туркестане и расширить свои владения здесь, о чем прямо говорит Камал ад-дин Али Бинаи («Он [Махмуд-султан] собрал... бесчисленное войско, чтобы пойти на завоевание вилайета Туркестана» [51]). По словам Бинаи и Шади, Мухаммад Шайбани, узнав о намерениях казахского султана, поспешил опередить его и сам направился к Сузаку с сотней воинов [52]. Сражение произошло зимой в морозные дни у крепостного рва Сузака. Бинаи пишет, что, несмотря на численное превосходство, войско казахского султана было рассеяно, а Мухаммад Шайбани взял большую добычу и вернулся в Сыгнак, не попытавшись взять крепость Сузак и закрепить за собой это стратегически важное в борьбе за степь владение казахского султана. Последнее свидетельствует о призрачности и этой победы Мухаммада Шайбани. Вскоре Махмуд-султан собрал свои войска, на помощь ему пришел также Бурундук. Объединенное казахское войско было большим — «выходило за пределы исчисления», как образно пишет Молла Шади [53].

Узнав о прибытии к Сузаку Бурундука и о соединении казахских войск, Мухаммад Шайбани поспешил выступить из Сыгнака в направлении к Сузаку. Встреча с казахскими войсками произошла у перевала Согунлук в горах Каратау. Хотя

[50] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 97б.
[51] Шайбани-наме, л. 9а, б; МИКХ, с. 105.
[52] Там же, 9 б, 10 а; *Молла Шади.* Фатх-наме, л. 75а—76б.
[53] Фатх-наме, л. 76а; МИКХ, с. 75.

в сражении пал сын хана Джаныбека сузакский владетель султан Махмуд, но и Мухаммад Шайбани потерпел бесспорное поражение, о котором не могли умолчать даже его будущие придворные историографы [54]. Будучи разгромленным, Мухаммад Шайбани вынужден был удалиться из Туркестана. Он ушел на Мангышлак (по «Таварих- и гузида-йи нусратнаме» — в Хорезм [55]). Так окончилась вторая попытка Мухаммада Шайбани утвердиться в бывших владениях своего деда, также не принесшая ему успеха в Присырдарье, тем более — в степных районах казахстанского Дашт-и Кыпчака. Бурундук-хан занял Сыгнак. Продвигаясь южнее вместе с сыновьями Джаныбека, султанами Касымом и Адиком, он столкнулся с Тимуридами и появившимися во владениях последних могулами.

Таким образом, казахские ханы Джаныбек и Гирей, затем сын последнего Бурундук в 70-х гг. XV в. значительно преуспели в своих попытках подчинить Восточный Дашт-и Кыпчак, сделав ставку на укрепление своих позиций прежде всего в южных районах Казахстана. Опираясь на свои владения в Западном Семиречье, они стали в этот период реальной политической силой и в степях Центрального Казахстана, хотя и имели перед собой довольно сильный союз противников из Шайбанидов и предводителей мангытов.

В 80-х гг. продолжалось расширение власти казахских владетелей в степи и оазисах юга Казахстана. В этот период и в начале 90-х гг. военные действия со стороны Мухаммада Шайбани и со стороны казахов отличались большим упорством и ожесточенностью, в их отношения помимо Тимуридов вмешивались и могульские ханы. Появившись в Туркестанском вилайете, Мухаммад Шайбани вновь занял крепость Аркук [56]. Сузак и Сыгнак в это время были в руках у казахов, но как только хан или султан покидали с войском тот или другой город и уходили в степи, он оставался практически беззащитным и легко становился добычей другого претендента. Мухаммаду Шайбани удалось захватить Сыгнак, Бурундук-хан спешно прибыл из степи с большим войском вместе с мангыта-

---

[54] По сведениям «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (л. 97б—98а), многие из приверженцев Мухаммада Шайбани («Эта одна сотня не может отразить [их, т. е. казахов]... — произнес он брату во время боя. — Необходимо привести в движение весь эль») пали в этом сражении. И хотя после сражения к нему присоединилось около четырехсот человек из «мужей и джигитов» Дашт-и Кыпчака, он, «не утруждая вилайет Туркестана», удалился в Хорезм. Камал ад-дин Бинаи (Шайбани-наме, л. 10б) также объяснил поражение и бегство Мухаммада Шайбани из Туркестана неравенством сил — «поскольку многочисленность противника [т. е. казахов] выходила за пределы исчислимого, поэтому убивать и защищаться было бесполезно».

[55] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, 99а.

[56] Таварих-и гузиде-йи нусрат-наме. л. 105б; Шайбани-наме, л. 13б; МИКХ, с. 28, 111.

ми, с которыми к этому времени у него наладились союзные отношения. Осада Сыгнака казахским войском продолжалась три месяца, однако Мухаммад Шайбани твердо держал оборону, и осада кончилась, по сообщению источников, неудачей для казахов [57].

Но и Мухаммад Шайбани не смог продвинуться в степь; оставив часть своих людей в Сыгнаке, он ушел в Отрар. Бурундук-хан тотчас вернулся и осадил Сыгнак, который сразу же сдали ему жители города по той причине, что «прежде этот вилайет принадлежал Бурундук-хану» [58]. Городская верхушка поддерживала, видимо, потомков бывших владетелей Сыгнака и других городов Присырдарьи — ханов Ак-Орды. Мухаммад Шайбани, упорно рвавшийся к «воротам Дашт-и Кыпчака», как тогда называли Сыгнак источники, снова пришел к этой крепости, а казахи тем временем осадили сначала город Ясы, в котором находился брат Мухаммада Шайбани Султан Махмуд, а затем, переправившись через Сырдарью, и Аркук, куда срочно возвратился из-под Сыгнака не взявший эту крепость Мухаммад Шайбани.

Шайбаниды оборонялись в Аркуке 40 дней против объединенных сил казахов и тимуридского наместника. Неожиданный, казалось бы, союз Мухаммад Мазид-тархана с казахами объясняется, очевидно, настоянием Султан Ахмад-мирзы из Самарканда, стремившегося предотвратить захват кочевыми узбеками Мухаммада Шайбани туркестанских владений Тимуридов. Раньше тимуридский наместник в Туркестане поддерживал Мухаммада Шайбани, полагая, что тот преследует лишь цель захвата власти в степных районах бывшего государства Абулхайр-хана и что столкновение его с казахами в Восточном Дашт-и Кыпчаке отвлечет тех и других от городов Туркестана. Теперь же, видя, что Мухаммад Шайбани стремится подчинить себе присырдарьинские города, Мухаммад Мазид-тархан изменил свою ориентацию и поддержал казахских претендентов. Кроме того, тимуридские владения в Ташкентском вилайете привлекли внимание могульского хана Юнуса, потерявшего возможность утвердить власть в основных районах Могулистана и Кашгарии. В сложных отношениях с Тимуридами [59] Юнус-хану удалось заполучить в 1482—1485 гг. в свои руки Сайрам и Ташкент, т. е. войти вплотную в зону присырдарьинских городов и вмешаться в борьбу казахов и Шайбанидов.

Поражения в течение почти непрерывной трехлетней борьбы с казахами и их союзниками вынудили Мухаммада Шай-

---

[57] Шайбани-наме, л. 14а.

[58] Там же, л. 14б; МИКХ, с. 112.

[59] Та'рих-и Рашиди, л. 62б—64б; МИКХ, с. 203—206; *Азимджанова С. А.* К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957; *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья, с. 88—89.

бани покинуть Туркестан около 1486 г. и искать военной удачи в Хорезме [60].

В начале 90-х гг. правивший в Ташкенте и Сайраме могульский хан Султан Махмуд (его отец Юнус-хан умер в Ташкенте в 1487 г.) пытался расширить свое влияние в Туркестане и изгнал из Отрара [61] тимуридского наместника Мухаммад Мазида. В захваченный Отрар Султан Махмуд-хан призвал Мухаммада Шайбани в благодарность за оказанную ему ранее Шайбанидом помощь против Тимурида Султан Ахмад-мирзы в битве на реке Чирчик [62] и в надежде видеть в нем своего союзника против казахов в Присырдарье. Получив поддержку могульского хана и опираясь на Отрар, этот важный стратегический пункт, Мухаммад Шайбани захватил еще два больших города-крепости — Сауран и Ясы (Туркестан) [63].

Помощь могульского хана Шайбаниду в овладении отмеченными выше присырдарьинскими городами привела к обострению отношений могулов и казахов. Мирза Мухаммад Хайдар дуглат пишет: «По этой причине между сыновьями казахов Кирай-хана и Джаныбек-хана [и] Султан Махмуд-ханом издавна существовавшая искренняя взаимная дружба сменилась теперь враждой. [Сыновья Кирай-хана и Джаныбек-хана говорили]: «Шахибек-хан (т. е. Мухаммад Шайбани. — К. П.) является нашим врагом. Как же ты ставишь его в Туркестане в противодействие нам?» Словом, в связи с этим конфликтом между Султан Махмуд-ханом и узбеками-казахами дважды происходили сражения. В обоих случаях поражение потерпел [Султан Махмуд]-хан» [64]. Очевидно, эти сражения произошли также на территории Присырдарьи.

Сауран, в котором до того был правителем сын тимуридского наместника Кул-Мухаммад-тархан, оказался в руках брата Шайбани при следующих обстоятельствах. Как сообщается в «Таварих- и гузида-йи-нусрат-наме», город передали Шайбанидам сами горожане. «Все люди и муллы и ходжи Сабрана посоветовались: „Отрар опять попал в руки Мухаммад Шайбани-хана. Изо дня в день его могущество увеличивается. Теперь он захватит весь вилайет", послали человека, привели Махмуд-султан Бахадура и отдали ему Сабран» [65]. Предупреждая возможные разрушения, связанные с насильственным захватом города, сауранцы решили добровольно сдать

---

[60] Шайбани-наме, л. 15а; МИКХ, с. 113; *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков, с. 146.

[61] Таварих-и гузида-йи нусрат наме, л. 108а; МИКХ, с. 92. В «Та'рих-и Рашиди» (л. 66а, МИКХ, с. 206) — из Туркестана.

[62] Та'рих-и Рашиди, л. 64б, 65а; МИКХ, с. 205—206.

[63] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 108б. О замене одного наименования города на другое см.: *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках, с. 19—20.

[64] Та'рих-и Рашиди, л. 66а; МИКХ, с. 206—207.

[65] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 108а, б; МИКХ, с. 29—30.

город более сильному, как им казалось, в данный момент покровителю. В бесконечной, разорительной для самих городов борьбе, в непрерывных феодальных войнах на территории Туркестана между многочисленными противниками влиятельная верхушка горожан часто переходила на более сильную в данный момент сторону, обеспечивая тем самым себе большую или меньшую самостоятельность, или, на худой конец, предупреждая поголовное разорение, грабежи и другие бедствия.

Длительная упорная борьба в Туркестане пагубно отражалась на хозяйственно-экономической жизни, на состоянии городов и особенно окрестных селений. Стремлением горожан как-то предотвратить разрушения объясняются во многом уже упоминавшиеся факты сдачи Сыгнака Бурундук-хану, Аркука — Мухаммаду Шайбани.

Через два месяца после того, как Махмуд-султан утвердился в Сауране, к городу подошли объединенные войска Бурундук-хана, сыновей Джаныбек-хана Касыма и Адика и Мухаммад Мазид-тархана. Осаждавшие город вступили «в тайные сношения с тамошней знатью, вызвали восстание горожан против узбекского гарнизона»[66]. Очевидно, часть сауранской знати имела более тесные связи с казахским ханом, установившиеся еще в то время, когда город длительное время принадлежал казахам. Сауранцы выдали казахам брата Мухаммада Шайбани со всем его окружением[67]. Касым-султан отправил пленников в Сузак, но по дороге Махмуд-султану удалось бежать.

Утвердившись в Сауране, Бурундук-хан и сыновья Джаныбек-хана «с огромным войском» отправились к Отрару, в котором находился Мухаммад Шайбани, и осадили вместе с Мухаммад Мазид-тарханом эту крепость. Но к Шайбанидам подоспела помощь из Ташкента от могульского хана Султан Махмуда. Бурундук-хан вынужден был снять осаду и отойти к Саурану. Не добившись успеха под Отраром в союзе с казахским ханом, Мухаммад Мазид-тархан направился к Ясы[68]. В свою очередь, могульский хан Султан Махмуд вскоре вступил «в мирные отношения»[69] с казахами, прерванные ранее, после передачи им Шайбанидам Отрара. Теперь уже Султан

---

[66] *Семенов А. Л.* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов, с. 48. У автора речь идет о Сайраме, что ошибочно, так как и другие источники (Фатх-наме, л. 111б—115б, Шайбани-наме, л. 18б—19б; МИКХ, с. 77—83, 115—117, 494), помимо «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» рассказывающие об этих событиях, называют город-крепость Сауран (в форме *Сабран*).

[67] Фатх-наме, л. 115б; Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 109а, б; Шайбани-наме, л. 19б.

[68] Таварих-и гузида-йи нусрат-наме, л. 109б; Шайбани-наме, л. 21б. МИКХ, с. 120.

[69] Шайбани-наме, л. 21б; МИКХ, с. 120.

Махмуда беспокоило усиление Мухаммада Шайбани, он опасался за судьбы своих владений в Ташкенте и Сайраме.

Прекращение Бурундук-ханом осады Отрара позволило Мухаммаду Шайбани спешно броситься с двумя сотнями человек на защиту крепости Ясы, которую осадил Мухаммад Мазид-тархан[70]. Несмотря на прибывшую к Мухаммад Мазид-тархану из Самарканда помощь, он был разгромлен и попал в плен к Мухаммаду Шайбани.

Вместе с могульским войском Бурундук-хан и казахские султаны еще раз осадили Отрар, произошло несколько сражений в Туркестанском вилайете, но безуспешно — Ясы (Туркестан) и Отрар остались в руках предводителя кочевых узбеков.

Военные действия между казахскими ханами и Мухаммадом Шайбани происходили в последние десятилетия XV в. почти непрерывно и завершились к исходу столетия временным примирением (Будундук-хан отдал двух своих дочерей замуж за шайбанидских султанов)[71] и фактическим разделом территории оазисов Южного Казахстана на части. Шайбанидам в упорной борьбе удалось укрепить свои позиции в городах Отрар, Ясы (Туркестан), Аркук, Узгенд, вытеснив отсюда тимуридского наместника. Кроме Аркука и Узгенда, небольших городков на левобережье Сырдарьи, которые вместе с Сыгнаком, Сузаком и Ак-Курганом были в свое время (в 1446 г.) заняты Абулхайр-ханом[72], остальные города и формально не могли считаться для Мухаммада Шайбани наследием его деда.

В Ташкенте и Сайраме находился могульский хан Султан Махмуд.

Северная часть территории Туркестана с центрами в Сыгнаке, Сауране, а также прилегающий район Каратау с Сузаком и другими поселениями на его северных склонах оставались в руках казахских ханов.

Опираясь на свои владения в Западном Семиречье, сплотив не только откочевавших из ханства Абулхайра (т. е. из Центрального и Южного Казахстана) казахов, но и часть семиреченских племен и родов, ханы Джаныбек, Гирей, Бурундук и султан Касым в последней трети XV в. закрепились на значительной части Южного Казахстана и подчинили своей власти многие степные районы.

---

[70] Там же, л. 110а, б; Фатх-наме, л. 118б—119б; Шайбани-наме, л. 20б; МИКХ, с. 31, 85—87, 118.

[71] Шайбани-наме, л. 22а; МИКХ, с. 121. Однако это перемирие тут же стало нарушаться. Перед уходом в Самарканд Мухаммад Шайбани вновь захватывает Сауран и потерянный было им накануне вилайет Ясы. (Шайбани-наме, л. 22б—23а, б).

[72] *Мас'уд бен Усман Кухистани.* Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 326а; МИКХ, с. 159.

Фактически военные действия в борьбе за власть между двумя линиями Джучидов — Шайбанидами и казахскими ханами — в течение последних трех десятилетий XV в. не выходили за пределы Присырдарьи и Каратау. Однако в целом борьба в этом регионе отражала реальное соотношение сил претендентов на власть также и над населением Восточного Дашт-и Кыпчака. Обладая ключевыми позициями в Западном Семиречье, северной части Туркестана, предгорьях Каратау, низовьях Сырдарьи, казахские ханы постепенно подчинили себе многие степные роды и племена. Мухаммад Шайбани не смог в эти годы фактически выйти за пределы Туркестана, к концу столетия утвердившись лишь в его южной части.

Усиливались позиции казахских ханов в Семиречье. Здесь им приходилось отстаивать свои владения от могульского хана Султан Ахмада. Он правил в восточной части Могулистана, в основном в Киргизии, удалившись туда в начале 80-х гг. с большим числом кочевников-могулов, не желавших находиться при Юнус-хане в Ташкенте и Сайраме. Здесь, в Могулистане, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы подчинить себе местных могулов — «потребовалось около десяти лет, прежде чем он смог должным образом править всеми теми могулами, которые оставались в Могулистане». Среди особенно непокорных Султан Ахмад-хану Мухаммад Хайдар называет племена арлатов, чорасов, калучи. Казахское население Семиречья было, очевидно, вне его власти. Мухаммад Хайдар сообщает, что Султан Ахмад-хан, желая отомстить казахам за поражения его брата Султан Махмуд-хана, начал совершать враждебные действия по отношению к ним, трижды разбивал казахов в сражениях [73]. Очевидно, эти сражения были в Семиречье.

К концу XV в. закончился, таким образом, важный этап в отношениях казахских владетелей с Шайбанидами и могульскими правителями, имевший большое значение для Казахского ханства в целом. Казахские ханы в длительной борьбе с Шайбанидами воспрепятствовали восстановлению их власти в рамках бывшего ханства Абулхайра, и Мухаммад Шайбани в 1500 г. с частью подвластных ему кочевых узбеков ушел в Мавераннахр, где, опираясь на завоеванные им города южной части Туркестана, направил свои захватнические устремления на тимуридское государство, о слабости которого он хорошо знал. Были со временем вытеснены из Восточного Дашт-и Кыпчака и многие другие Джучиды. Упадок Могулистана способствовал окончательному уходу из-под власти могульских ханов-чагатаидов Семиречья, что создало возможность постепенного включения в Казахское ханство казахского населения этого района. К концу XV в. государство казахских ханов зна-

[73] Та'рих-и Рашиди, л. 67а—68а; МИКХ, с. 208—210.

чительно укрепилось, расширились его первоначальные границы. В него вошли помимо Западного Семиречья отмеченные выше города и оазисы в Южном Казахстане, район Каратау с прилегающими степными территориями, низовья Сырдарьи и Северное Приаралье, значительная часть Центрального Казахстана, расширялись владения и в Семиречье. Мухаммад Хайдар писал, что «в продолжение времени до девятьсот сорокового года (1533—1534 гг.) казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана [т. е. Восточного Дашт-и Кыпчака]»[74]. Все более широкое распространение получал этноним «казахи», вбиравший в себя многие этнические группы присоединенных территорий, фактически давно уже ставшие одной народностью.

Но пока это был лишь первый этап укрепления Казахского ханства. Борьба казахских ханов за Присырдарью с Мухаммадом Шайбани, уже правителем Мавераннахра, продолжалась и в начале XVI в. Долгие годы в первой половине XVI в. повторялись попытки могульских ханов из Кашгарии отобрать у казахских ханов Семиречье.

Усиление Казахского ханства в конце XV в. было определенно связано с благоприятной внешнеполитической обстановкой того времени как в самом Казахстане, так и в соседних областях Средней Азии, Сибири, Поволжья: распадом государства Абулхайра, Могулистана, ослаблением власти Тимуридов и открывшейся возможностью ухода части кочевых феодалов во главе с Мухаммадом Шайбани в Мавераннахр, нестабильным положением на западных и северных границах казахстанских степей, где в результате окончательного распада Золотой Орды вычленялись новые государства (туда, между прочим, в Астраханское, Сибирское, Казанское ханства удалились из Восточного Дашт-и Кыпчака искать военного счастья многие Джучиды — Ибак-хан, сын Мухаммад-хана Касым-хан, Ахмад-хан и другие).

Но главными причинами определенного территориального роста и политического укрепления Казахского ханства являются, безусловно, внутренние процессы хозяйственного, социального, этнополитического развития средневекового Казахстана.

Отмеченные выше определенные явления хозяйственного подъема в XIV—XV вв. в оседло-земледельских центрах Южного Казахстана и скотоводческом хозяйстве степных районов усиливали рост хозяйственных связей между ними. Хотя преувеличивать объем экономических связей и основанных на них культурных контактов населения отдельных районов средневекового Казахстана между собой (а также и соседними странами) и воздействие этих контактов на общественную жизнь нельзя, поскольку в целом хозяйство феодальных госу-

[74] Та'рих-и Рашиди, л. 46а; МИКХ, с. 195.

дарств Восточного Дашт-и Кыпчака и Семиречья оставалось натуральным, тем не менее связи эти существовали и становились все более прочными. Издавна развивавшееся оседло-земледельческое и городское хозяйство Южного Казахстана занимало значительное место в обеспечении потребностей населения районов кочевого и полукочевого скотоводства Казахстана в продуктах земледелия и предметах ремесленного производства.

О хозяйственных связях, о взаимном влиянии экономического спроса и самой степной культуры на развитие ремесел, формы керамики, металлических и других изделий, на характер способа изготовления их, на формирование особых приемов в строительстве жилья, общественных зданий свидетельствуют полученные в последние годы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией археологические материалы в Отраре и в Отрарском оазисе[75]. Еще большее влияние оказывали городские центры юга Казахстана на жизнь в степи: на уровень развития скотоводческого хозяйства (спрос на его продукцию), домашних ремесел, на укрепление политической, государственной организации степного населения, распространение среди степной феодальной верхушки письменности и книжного образования.

Казахские ханы, стремившиеся вслед за ханами Ак-Орды и Абулхайр-ханом объединить территории Восточного Дашт-и Кыпчака, Туркестана и Семиречья в рамках одного государства, отражали интересы не только степного, но и оседло-земледельческого населения Южного Казахстана.

Действия первых казахских ханов, направленные на упрочение молодого государства, были поддержаны феодальной верхушкой казахских родов и племен, они отразили интересы этой господствующей социальной прослойки казахского общества. Дальнейшее развитие феодальных отношений, усиление кочевой знати, никогда не затихавший протест народных масс против социального гнета — все это толкало казахскую господствующую феодальную верхушку в условиях развала ханств Абулхайра и Могулистана позаботиться в своих классовых интересах об укреплении государственной власти путем поддержки наиболее так сказать «перспективного» претендента на власть. Таковыми оказались первые казахские ханы, и они оправдали надежды кочевых феодалов. Развернувшаяся в последней трети XV в. борьба вышла за рамки только междоусобной борьбы джучидских потомков[76] и приняла характер экономического и политического соперничества как в Дашт-и Кыпчаке, так и в городах Туркестана двух группиро-

[75] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар, с. 199—200.

[76] *Ибрагимов С. К.* «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. — Труды ИИАЭ АН КазССР, 1960, т. 8.

вок родоплеменной военно-феодальной знати, казахской и кочевой узбекской, поддерживавших различные линии Джучидов. Казахские ханы обладали несомненной реальной силой, имели опорную базу в западной части Семиречья, вокруг них сплотились многочисленные массы кочевников. Даже по данным прошайбанидских источников их военные силы превосходили силы Мухаммада Шайбани. И хотя указанные в источниках цифры неточны, явно преувеличены (известна характерная черта средневековых авторов — приуменьшить наличие военных сил у своих покровителей, во славу которых писались сочинения, и преувеличить силы их противников, дабы подчеркнуть величие «победы» первых), все же они в какой-то степени отражают истину. У Мухаммада Шайбани для борьбы за власть в степи фактически не оказалось реальной силы, на первом этапе борьбы, до ухода его в Мавераннахр его поддержала незначительная часть феодалов и ему пришлось ограничиться только соперничеством за овладение присырдарьинской территорией, да еще прибегать при этом к помощи союзников — Тимуридов, эмиров мангытов, могульских ханов.

Население Южного Казахстана было связано с обитателями обширных территорий Восточного Дашт-и Кыпчака и Семиречья не только традициями хозяйственно-политического и культурного развития, но и этногенетическим родством, общими этнополитическими судьбами. Здесь жили в XV—XVI вв., судя по данным письменных источников и археологическим материалам, кыпчаки, канглы, конграты, аргыны, мангыты, дуглаты, джалаиры, представители других родов и племен[77]. Присоединение к Казахскому ханству территории Каратау и части присырдарьинских оазисов явилось ключом для успеха казахских ханов по объединению страны в целом.

В условиях феодально-кочевого общества процессы объединения этнической территории народа осуществлялись, как мы видим, в ходе длительных войн с правителями соседних феодальных государств, причинявших значительные бедствия простому народу. В частности, присырдарьинские города, расположенные на стыке степей Казахстана, населенных кочевыми и полукочевыми скотоводческими племенами, и оседло-земледельческих оазисов Средней Азии, были узлом не только мирных торговых связей, этнополитических и этнокультурных контактов населения, но и бесконечных столкновений феодальных правителей Восточного Дашт-и Кыпчака, Мавераннахра и Семиречья. Длительные феодальные войны на территории сырдарьинских городов вели к разорению местного населения, упадку городского хозяйства, разрушению ирригационной сети, сокращению земледелия. Единая в естественно-географическом, хозяйственном отношении и исторических

[77] История Казахской ССР в пяти томах, т. 2, с. 244—255.

судьбах территория сырдарьинских городов то и дело оказывалась разорванной между различными феодальными государствами, что тормозило экономическое и культурное развитие этих городов. Военные действия, грабительские набеги противников нарушали торговлю и отрицательно сказывались и на экономическом положении степных скотоводческих районов.

Тем не менее действия казахских правителей, боровшихся за включение территории Южного Казахстана и Семиречья в Казахское ханство, имели объективно положительные последствия. В Казахском ханстве в последней трети XV в. и особенно в начале XVI в. при Касыме были впервые объединены многие этнические группы, составлявшие казахскую народность. В отличие от Ак-Орды, государства Абулхайра Казахское ханство имело гораздо более широкую и прочную этническую базу, так как впервые после монгольского нашествия в одном государстве были объединены почти все казахские роды и племена, в том числе и населявшие издавна Семиречье.

Хотя подвижность кочевых и полукочевых казахских племен, превратность их военно-политических судеб часто делали неустойчивыми границы их обитания, все же образование самостоятельного казахского государства способствовало значительной стабилизации положения в регионе, росту хозяйства, восстановлению контактов оседлого и земледельческого населения, что в совокупности содействовало завершению длительного процесса этнической консолидации казахов и формирования их этнической территории.

М. Х. Абусеитова

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ: СОБЫТИЯ 1598—1599 ГОДОВ

Важным событием в истории казахско-среднеазиатских отношений явился поход Таваккул-хана на Мавераннахр в 1598 г. Исход этих военных событий оказал заметное влияние на судьбы казахского и среднеазиатских народов.

Включение в состав Казахского ханства Туркестана, оседло-земледельческих районов по обоим берегам среднего течения Сырдарьи и Ташкента оказало сильное влияние на экономику, общественный и политический строй казахских ханств, надолго определило государственные границы и систему казахско-среднеазиатских политических и экономических взаимоотношений, расселение племен и народностей в бассейне Сырдарьи и в конечном счете имело решающее значение для складывания будущих межнациональных границ [1].

Поход Таваккул-хана в Мавераннахр в 1598 г. получил отражение в нескольких нарративных источниках на персидском и таджикском языках. В их число входят «Та'рих-и 'аламарайи 'Аббаси» Искандара Мунши, «Зийа' ал-кулуб» Мухаммад 'Аваза, «Мусаххир ал-билад» Мухаммадйар б. Араб Катагана, «Та'рих-и Кыпчаки» Кыпчакхана. Их авторы были либо современниками описываемых событий, либо писали вскоре после того, как произошли эти события, и память о них еще не изгладилась из воспоминаний участников и очевидцев. Писали и много времени спустя после этих событий, основываясь на аутентичных источниках. Наличие нескольких источников дает возможность проследить внешнюю сторону событий и глубже вникнуть во внутренние причины походов казахов в Мавераннахр, а также уточнить некоторые подробности этого события. Так, например, известия «Зийа' ал-кулуб», приводимые Мухаммад 'Авазом совпадающие с сообщением Искандара Мунши, вместе с тем уточняют географические координаты

---

[1] *Дахшлейгер Г. Ф.* К истории объединения казахских земель в Казахской ССР. — Советская этнография, 1974, № 6, с. 13—24.

разыгравшихся событий и содержат ряд других существенных подробностей [2].

Особое место среди перечисленных источников занимает труд Искандара Мунши «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси» («Мироукрашающая Аббасова история»). Это сочинение состоит из введения и двух разделов. Первый раздел излагает события от рождения до восшествия на престол шаха 'Аббаса I (978—996 гг. х. — 1571—1587 гг. н. э.), второй состоит из двух частей, излагающих события первых 30 лет правления 'Аббаса I, т. е. до 1025 г. х. (1616 г. н. э.) и события с этого года до его смерти в 1038 г. х. (1629 г. н. э.) [3]. Труд сохранился в большом количестве рукописей, имеются тегеранское литографированное и исфаханское наборное издания [4]. Полного перевода текста не существует; в переводе на русский язык или западноевропейские языки имеются лишь небольшие отрывки [5].

Искандар Мунши был современником, очевидцем и участником многих описанных событий, поэтому сообщаемые им известия обладают особой ценностью. Он был придворным историографом и пользовался официальными документами. Кроме того, он использовал в своем сочинении труды своих предшественников, в частности «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу [6], который также является важным первоисточником по истории казахского народа. Данные «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси» использовали в своих трудах В. В. Бартольд [7], И. П. Петрушевский [8] и другие.

---

[2] *Юдин В. П.* Известия «Зийа ал-кулуб» (ضياء القلوب) Мухаммад Аваза о казахах XVI века. — Вестник Академии наук КазССР. Алма-Ата, 1966, № 5, с. 72.

[3] Сведения об авторе и сочинении см.: *Erdmann F.* Iskender Munschi und sein Werk. — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 15. Leipzig, 1861, S. 457—501; *Ромаскевич А. А.* Иранские источники по истории туркмен в XVI—XIX вв. — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 11, М.—Л., 1938. *Рахмани А.* «Тарих-и аламара-йи Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с. 8—18; *Стори Ч. А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор, ч. 2. М., 1972, с. 878—883; *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР, вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975, с. 168—193; *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР, ч. 1. М., 1975, с. 41—42.

[4] *Искандар Мунши.* Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси. Тегеран, 1314 г.х. (1896—1897 гг. н. э.; литограф. изд.); То же. Исфахан. 1334—1335 г. х. (1956 г. н. э; наборное изд.).

[5] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т 11. М.—Л., 1938, с. 65—102.

[6] A chronicle of the early Safawis being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu, vol. 1, 2, Baroda, 1931, 1934.

[7] *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. — Соч., т. 2, ч. 1. М., 1963; *Он же.* Отчет о командировке в Туркестан. — Соч., т. 8. М., 1973, с. 195.

[8] *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949.

Сведения Искандара Мунши о казахах представляют исключительный интерес как для истории Казахстана, так и Средней Азии при последних Шайбанидах и первых Аштарханидах.

Несмотря на довольно длительную традицию изучения, эти известия о казахах из «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси» освоены далеко не полностью. Следует отметить, что сведения из главы о взятии Ташкента Таваккул-ханом, его походе на Среднюю Азию были использованы В. В. Вельяминовым-Зерновым [9], А. П. Чулошниковым [10] и другими исследователями. Однако в основном они пересказывали и объясняли персидский текст. Перевод же всей этой главы, как и других глав, содержащих известия о казахах, на русский язык до сих пор не осуществлен.

Итак, летом 1598 г. политическая обстановка в Мавераннахре осложнилась. Воспользовавшись ссорой 'Абдаллах-хана с его сыном 'Абд ал-Му'мином, Таваккул-хан вступил во владения Шайбанидов. Войску 'Абдаллах-хана было нанесено жестокое поражение. Это заставило Абдаллаха быстро мобилизовать новое войско и самому встать во главе его, но вскоре он умер. Власть перешла к сыну 'Абдаллах-хана 'Абд ал-Му'мину. Положение нового хана оказалось весьма неустойчивым, и вскоре он был убит мятежными эмирами. Узнав о гибели 'Абд ал Му'мин-хана, Таваккул в августе 1598 г. развернул активные действия против Шайбанидов. Исходным пунктом его действий называются горы Алатак, т. е. Алатау, где он сосредоточил крупные военные силы. Искандар Мунши исчисляет войско обоих братьев, Таваккула и Ишим-султана, общим числом около ста тысяч человек. Такое же число людей у Таваккула называет и Мухаммад 'Аваз, автор «Зийа'ал-кулуб», добавляя, что при Таваккуле находились 120 сыновей-султанов [11]. В короткий срок Таваккул овладел Туркестаном, Ташкентом, Ферганой, Самаркандом. По «Мусаххир ал-билад», Фергана была передана Таваккулу местными деятелями: «Йусуф-ходжа Сайид-атайи с шайкой неверных людей... вышел из Андижана и взял в плен Мухаммад-Кули-султана. И, отвезя к Таваккул-султану, бросил того высокородного

---

[9] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. ТВО РАО, ч. 10, с. 347—352; См. перевод отрывка о казахах В. В. Вельяминова-Зернова в кн.: Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1, под ред. С. Д. Асфендиарова и П. А. Кунте. М.—Алма-Ата, 1935, с. 117—119.

[10] *Чулошников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Оренбург, 1924, с. 148—150.

[11] *Юдин В. П.* Известия «Зийа ал-кулуб» (ضياء القلوب) Мухаммад Аваза о казахах XVI века, с. 75.

шахзаде в вертеп погибели»[12]. Йусуф-ходжа Саййид-Атайи, судя по его имени, был потомком шейха Саййид-Ата и, скорее всего, духовным лицом. Таким образом, предпринимая свой поход на Среднюю Азию, Таваккул строил свои расчеты не только на силе оружия. Он имел опору в определенных социальных слоях населения Средней Азии, которые должны были оказать и в нужный момент действительно оказали ему поддержку своими решительными действиями, что доказывает вышеприведенная цитата из «Мусаххир ал-билад». Об активных действиях Таваккула с целью завоевать расположение среднеазиатских суфийских пиров ордена накшбандийа, и, следовательно, заручиться их поддержкой рассказывает и Мухаммад Аваз. Возможно, связи Таваккула с духовными кругами Средней Азии восходят еще к тому времени, когда он вместе со своим отцом Шигаем находился на вассальной службе у 'Абдаллах-хана II. В научной литературе широко бытует мнение о том, что в XV—XVI вв. среди казахов еще сохранялся шаманизм и различные языческие культы, а ислам прививался слабо. Мнение, видимо, в целом справедливое, но требующее определенной коррекции. Ислам прививался прежде всего в среде, окружавшей казахских ханов, которыми он и насаждался. Известно, например, что в 1512 г. будущий знаменитый джуйбарский шейх Ислам бежал от Бабура и кызылбашей не куда-нибудь, а к казахскому хану Касиму, и довольно долго пользовался его гостеприимством[13].

Мнение об активной роли казахских ханов и султанов в распространении ислама среди кочевников-казахов на основе общности идеологических и классовых интересов казахских ханов и среднеазиатского духовенства в литературе уже высказывалось[14]. Суфийские пиры были заинтересованы в расширении источников доходов, вели активную пропаганду своих догматов среди кочевников-казахов и вовлекали их в число своих мюридов, о чем также сообщается в «Зийа' ал-кулуб». Об успехах их пропаганды среди казахов говорит, например, тот факт, что в числе учеников накшбандийского шейха Лутфуллы Чусти (убит в 1571/1572 г. н. э.) был казах Мухаммад, который и был одним из проповедников суфизма среди казахов и киргизов. Сведения об этом содержатся в житии Лут-

---

[12] *Мухаммадйар бек'Араб Катаган.* Мусаххир ал-билад. Рук. ЛОИВАН СССР, с. 465/574, л. 114а. *Юдин В. П.* «Тарих-и шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI—XVII вв. — Тезисы докл. науч. конф. профес.-преподават. состава, посвященной XXIV съезду КПСС. — Гуманитарные науки. Алма-Ата, 1971, с. 156.

[13] *Вяткин В. Л.* Шейхи Джуйбари. I. Ходжа Ислам. — عقد الجمان. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 6—7.

[14] *Юдин В. П.* Известия «Зийа ал-кулуб» (ضياء القلوب) Мухаммад Аваза о казахах XVI века. с. 72—73.

фуллы Чусти [15]. Эти земные заботы и заставили духовных предводителей суфийских корпораций налаживать добрые отношения с казахскими ханами и султанами и помогать им. Таким образом, положение о союзе Таваккула с определенными духовными кругами Средней Азии представляется достаточно обоснованным.

Но он опирался в Средней Азии не только на духовенство. Исключительный интерес для нас представляет сообщение Искандара Мунши о том, что в составе войска Таваккула находились воины «из племен Туркестана и степняков-узбеков». Здесь имеются в виду, вероятно, прежде всего казахи, но не только. Таваккул включил, видимо, в состав своего войска и узбеков, проживавших в Туркестане, и какие-то иные этнические группы, скрывающиеся под названием «племена Туркестана». Возможно, имеются в виду представители воинского сословия городов Туркестана, не из кочевников, а из оседлых жителей. Судя по описанию военных действий, они активно сражались на стороне Таваккула, и источники не отмечают их перехода на сторону Пир-Мухаммад-хана и Баки-Мухаммад-султана, что, видимо, имело место, если бы их участие в походе Таваккула было принудительным. Ведь Искандар Мунши не упустил возможности упомянуть о переходе отдельных представителей воинского сословия от Пир-Мухаммад-хана и Баки-Мухаммад-султана во время их сражения под Самаркандом. Наоборот, Искандар Мунши говорит о переходе на сторону Таваккула ʻАбд ал-Васи-бия, одного из активных деятелей шайбанидского государства периода правления ʻАбдаллах-хана II. Надо думать, что ʻАбд ал-Васи-бий не был каким-то исключением. Таким образом, и для служилого сословия Средней Азии воцарение Таваккула в Мавераннахре было вполне приемлемым.

Более того, согласны были разделить власть в Туркестане и Мавераннахре с Таваккулом и некоторые влиятельные Шайбаниды, имевшие по меньшей мере равные права с ʻАбдаллахом на верховную власть в шайбанидском государстве в Средней Азии. Так, например, по «Мусаххир ал-билад», Узбек-султан вступил с Таваккулом в заговор против ʻАбдаллаха, отправив к нему своих сыновей, чтобы спасти их от мести ʻАбдаллаха, и Таваккул обещал ему, что «если он овладеет каким-либо вилайетом Туркестана и [ли] Мавераннахра, то поровну поделит (эти области)» [16]. Вспомним, что в 1551 г. Узбек-султан претендовал на власть в Бухаре, а соперником

---

[15] *Семенов А. А.* Уникальный памятник агиографической средневековой литературы XVI в. — Известия АН УзССР, 1940, № 2, с. 52—62; *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк. — Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, с. 516—517.

[16] *Мухаммадйар бен ʻАраб Катаган.* Мусаххир ал-билад, л. 113а. *Юдин В. П.* «Тарих-и шайбани», как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI—XVII вв., с. 156.

выступал его брат 'Абдаллах-султан, будущий 'Абдаллах-хан II [17]. Следовательно, воцарение Таваккула в Средней Азии было вполне приемлемым и для высшей шайбанидской знати.

Таким образом, поход Таваккула на Среднюю Азию не был неожиданным и случайным. Его ожидали в Мавераннахре, обещали помощь и оказали ее в действительности. При этом он пользовался поддержкой самых различных кругов — духовенства, служилого сословия и даже Джучидов шайбанидской линии. Таким образом, можно говорить об особом движении, пока, правда, только в высших социальных слоях среднеазиатского общества, в пользу замены династии Шайбанидов в Мавераннахре династией казахских ханов. Позиция отдельных Шайбанидов может быть определена как согласие на раздел власти, на соправление. Дальнейшее изучение источников позволит, вероятно, выявить эту политическую тенденцию более отчетливо, однако уже сейчас могут быть сделаны определенные выводы.

Поход Таваккул-хана и Ишим-султана на Среднюю Азию в 1598 г. нельзя рассматривать в ряду многих других набегов кочевников, воспользовавшихся смутами в Мавераннахре в качестве удобного момента для опустошения оседло-земледельческих оазисов и захвата «живого товара». Этот поход был заранее спланированной кампанией, подготовленной многолетней предшествующей деятельностью Таваккула и имевшей далеко идущие цели. Была предпринята попытка основать новое государство, которое включило бы в свой состав все земли, входившие в государство Шайбанидов. Только так Таваккул мог преодолеть относительную хозяйственно-экономическую и социально-политическую изолированность Казахского ханства. За сто лет до этого события кочевые узбеки под руководством Мухаммад Шайбани-хана с такой задачей справились. Имели место аналогичные события и в предшествующей многовековой истории Средней Азии.

Как и всякая война, поход Таваккула на Среднюю Азию принес большие страдания народным массам Мавераннахра. «Длительные войны между казахскими и бухарскими феодалами за обладание сырдарьинскими городами тормозили развитие производительных сил края, губительно сказывались на хозяйстве трудящихся земледельцев и кочевников. Эти взаимные набеги узбекских и казахских феодалов противоречили коренным интересам народов Средней Азии и Казахстана, стремившихся к развитию мирных, хозяйственных связей,

---

[17] *Вяткин В. Л.* Шейхи Джуйбари. I. Ходжа Ислам. — عقد الجمان — В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 9—10.

игравших столь существенную роль в их экономике» [18]. Однако, анализируя события 1598—1599 гг., нельзя ограничиться лишь констатацией того известного факта, что кочевники вновь выступили как грозная, разрушительная сила; нельзя в анализе этих событий исходить также лишь из агрессивности хана Таваккула и его окружения. В данном случае за ханом стояло казахское кочевое общество с его политико-экономическими потребностями. Как побудительная причина действий Казахского ханства в Туркестане и Мавераннахре эти экономические потребности казахского общества глубоко проанализированы в работе о роли присырдарьинских городов в истории казахских ханств [19].

Поставленную перед собой задачу Таваккулу полностью решить не удалось. Однако Туркестан, Ташкент и на определенное время Фергана вошли в состав Казахского ханства. Их вхождение в состав Казахского ханства было закреплено миром между казахскими и среднеазиатскими ханами, заключенным при посредничестве шейхов суфийского ордена накшбандийа. Характерна позиция накшбандийских шейхов в этом случае: они, собственно, благословили казахских ханов на правление в Туркестане. Нельзя при этом не вспомнить, что Таваккул был мюридом-накшбанди.

Мы не рассматриваем подробности похода Таваккула на Среднюю Азию. Они достаточно ясно изложены в «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси». Отметим, однако, что в источниках имеются указания, которые требуют углубленного исследования хода самой кампании 1598 г. Так, по «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси», генеральное сражение между казахским и узбекским войсками произошло при Узун-Сакале Миankальском, по «Зийа ал-кулуб», — вероятно, под Сар-и Пулом, по «Мусаххир албилад» и «Бахр ал-асрар», — в Уч-Кара. Такой разнобой в показаниях источников требует дальнейшего исследования, которое станет возможным, вероятно, после выявления и вовлечения в оборот новых источников.

Включение новых областей в состав Казахского ханства означало не только резкое изменение исторических судеб этих областей, но и начало другого исторического периода. Он завершает историю казахского народа второй половины XVI в.

События 1598—1599 гг. имели серьезные последствия не только для Казахского ханства. В непосредственной зависимости от них находится, например, смена правящей династии в Средней Азии. «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси» прямо указывает на то, что лишь заслуги Аштарханида, Баки-Мухаммад-султана в борьбе против Таваккул-хана и Ишим-султана

[18] История Казахской ССР, в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1979. с. 279.

[19] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII веках. — Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969, с. 41—42.

обеспечили ему получение власти над Самаркандом и Самаркандским вилайетом. Зная характер взаимоотношений среднеазиатских Джучидов, нельзя принимать на веру сообщение Искандара Мунши о том, что Шайбанид Пир-Мухаммад-хан передал Самарканд Баки-Мухаммад-султану в благодарность за помощь. Во-первых, у Баки-Мухаммад-султана были собственные силы, с которыми должен был считаться Пир-Мухаммад-хан. Во-вторых, после победы над Таваккулом вокруг удачливого и деятельного Баки-Мухаммад-султана собралось, вероятно, значительное число служилых людей. В-третьих, Баки-Мухаммад-султан присоединил значительное количество «окраинных» областей к Самаркандскому владению и усилился за этот счет. В-четвертых, он щедро использовал доходы подвластных ему областей для широкого привлечения на свою сторону племенной знати и служилого сословия, переманивая их к себе даже от Пир-Мухаммад-хана. В-пятых, в силу некоторых качеств он представлялся влиятельным кругам Средней Азии тем правителем, который более всего способен был организовать отпор казахам. Эти причины, вероятно, и позволили ему покончить с династией Шайбанидов и основать новую, аштарханидскую (джанидскую) династию.

По «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси», Баки-Мухаммад был первым ханом новой династии. Это, однако, противоречит данным нумизматики. Е. А. Давидович на монетном материале Аштарханидов доказала, что первым ханом новой династии был Джани-Мухаммад, отец Баки-Мухаммада. «Сейчас известны семь типов монет Джани-Мухаммада, сохранилось наименование трех важнейших монетных дворов (Самарканд, Бухара, Ташкент) на монетах с его именем и даже дата — 1009/1600—1601 г. Следовательно, первым ханом новой династии был именно Джани-Мухаммад, царствовавший несколько лет»[20]. В литературе существовало мнение, что Джани-Мухаммаду был предложен трон, но тот от него отказался. Возможно, однако, что Джани-Мухаммад был таким же номинальным ханом при своем сыне Баки-Мухаммаде, как и Искандар при 'Абдаллахе.

Потеря Туркестана, Ташкента, Ферганы была очень ощутимой для аштарханидского государства. Поэтому Аштарханиды в первые десятилетия XVII в. постоянно совершали в эти области походы, которые в целом не приводили к успеху. Возвращена была Фергана. Выше мы уже упоминали о договоре между казахскими владетелями и Аштарханидами, по которому Туркестан, Ташкент и Фергана оставались за казахскими ханами на условии невмешательства Аштарханидов в дела Ташкента. Более об условиях договора ничего не извест-

[20] *Давидович Е. А.* История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, с. 12.

но. Тем не менее по этому поводу могут быть высказаны кое-какие дополнительные соображения.

В тексте «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси» казахский правитель Ташкента, с которым Аштарханиды заключили договор, назван вали, т. е. правителем вилайета. Из этого можно сделать заключение, что Ташкент, который перешел под власть казахских ханов и в дела которого Аштарханиды обязывались не вмешиваться, тем не менее оставался на положении вилайета, т. е. области аштарханидского государства. Что это могло быть именно так, доказывается, в частности, тем фактом, что в 1600—1601 г. в Ташкенте была вычеканена монета с именем Аштарханида Джани-Мухаммада. Известно, что помещение имени хана в легенде монеты означало признание его власти, т. е. в данном случае признавалось распространение аштарханидского суверенитета на Ташкент. Из документов также известно, что в своей титулатуре Аштарханиды подчеркивали свой суверенитет. В «Имамкули-хан-наме» Сухайла (XVII в.; рукопись ИВ АН УзССР, № 89, л. 140б) содержатся сведения, что первым из казахских ханов начал чеканить от своего имени монету в Ташкенте Турсун-Мухаммад (убит Есимом в 1628 г.), причем он одновременно отказался отправлять Аштарханиду Имамкули-хану (1611—1642 гг.) бадж и харадж, т. е. налоги с Ташкентского вилайета, и провозгласил в хутбе себя как суверенного государя [21].

Из всего этого можно сделать следующие выводы относительно условий договора о передаче казахским ханам Ташкента, распространявшихся, вероятно, и на другие области:

1) Ташкентский вилайет считался составной частью аштарханидского государства, и на него распространялся суверенитет Аштарханидов;

2) на монетах Ташкента помещалось имя аштарханидского хана;

3) в хутбе в Ташкенте упоминалось имя аштарханидского хана;

4) Аштарханиды обязывались не вмешиваться во внутренние дела Ташкентского вилайета;

5) казахские ханы собирали в Ташкенте налоги (бадж и харадж) и какую-то часть их отправляли аштарханидскому хану.

Естественно, казахские ханы стремились оторвать от аштарханидского государства завоеванные ими области и поэтому нарушали условия договора. Последнее служило основанием Аштарханидам для начала военных действий против казахских владетелей в Ташкенте, Фергане и Туркестане, о

---

[21] *Бурнашева Р. З.* Клады медных монет из города Туркестана (Предварительное сообщение). — Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 67—68.

чем содержится немало известий в сочинениях, освещающих историю Средней Азии и присырдарьинских областей в XVII в. Со временем казахские ханы потеряли Фергану, но сумели закрепиться в Ташкенте и Туркестане и уже без каких-либо условий включить их в состав Казахского ханства.

Таким образом, важность событий 1598—1599 гг. для судеб казахского народа не подлежит сомнению. Они должны быть детально исследованы с учетом внешнеполитической обстановки и внутреннего состояния Казахского ханства. Имеющиеся источники позволяют провести такое исследование более детально и глубоко. Поэтому мы и поставили своей целью в этой работе дать перевод главы о походе казахов на Среднюю Азию в 1598 г. и проанализировать это событие. Ниже прилагается перевод, выполненный нами по литографированному тегеранскому изданию рукописи «Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси» (сигл «Д»), сверенный с его наборным исфаханским переизданием (сигл «Б»).

О СОБЫТИЯХ В МАВЕРАННАХРЕ, О СОСТОЯНИИ ДЕЛ БАКИ-СУЛТАНА И ВОЗВЫШЕНИИ ЗНАМЕНИ ЕГО СЧАСТЬЯ И УДАЧИ

[А, с., 407;
Б, с., 591]

Начертано было ранее валеречивым пером, что после того, как был убит 'Абд ал-Му'мин-хан [1], узбекские эмиры и знать Бухары провозгласили государем Пир-Мухаммад-хана [2], который был из родственников 'Абдаллах-хана [3] и султанычей дома Джанибека. Когда весть об убийстве 'Абд ал-Му'мин-хана распространилась по городам Туркестана, Таваккул-хан [4] казах возомнил, что нет в Мавераннахре достойного государя, собрал из племен Туркестана и степняков-узбеков с тугими луками бесчисленное и несметное войско и выступил в поход в ту сторону с целью покорения тех городов. Большинство населения того вилайета волей-неволей покорились, сознавая, что не под силу им сопротивляться тому громадному и бескрайнему, как море [5], войску. Таваккул-хан, овладев вилайетами Туркестана и Мавераннахра, прежде всего Ахси [6], Андижаном, Ташкентом и Самаркандом [А, с. 408] вплоть до Мийанкала, оставил своего брата Ишим-султана [7] с двадцатью тысячами человек в Самарканде, а сам с семьюдесятью-восемьюдесятью тысячами человек направился [дальше] с целью покорения Бухары. Так как в то время в Бухаре было не более десяти-пятнадцати тысяч человек [войска], то Пир-Мухаммад-хан и эмиры Бухары предпочли не выходить из города и не встречаться в открытом бою, а укрепили башни и

стены города и сосредоточили усилия [на приготовлении] к отражению громадного войска.

Таваккул-хан осадил этот огромный город. Когда войско его рассеялось и наводнило все вокруг этого города, витязи Бухары стали ежедневно совершать из каких-нибудь ворот вылазки, зажигать огонь сражений и сжигать в пламени закаленных мечей ток жизни определенного количества людей [Таваккул-хана].

Одиннадцать дней полыхало пламя боев и сражений между обеими сторонами. На двенадцатый день вся рать Бухары и отважные витязи и бахадуры сплоченно вышли [из города], и от восхода солнца и до захода между обеими сторонами продолжалось великое сражение. В тот день бухарцы склонили победу на свою сторону, а поражение стало уделом казахского войска. Таваккул-хан оставил свою позицию и, разбитый, пришел в свой стан, а большая часть его воинских людей рассеялась и ударилась в бегство. Когда опустилась ночь, бухарцы с победой и одолением отошли, вступили в город [Б, с. 592] и, ликуя, забили в литавры. Таваккул-хан поддался панике и не сумел устоять, зажег много костров в своем стане и под покровом ночной темноты отступил в сторону Самарканда. Беглецы [из его] войска достигли Самарканда и оповестили Ишим-султана об истинном положении дел и отступлении [Таваккул-]хана.

Ишим-султан, разгневанный этими обстоятельствами, послал к брату гонца [передать], что-де великий позор, что несметное войско, которое находилось при [его] величайшем стремени, терпит поражение от ничтожного отряда Бухары и ударяется в бегство. И если хан, спасаясь бегством, придет в Самарканд, то может [статься так], что самаркандцы распахнут ворота противодействия и закроют перед нами двери согласия. Лучший выход из положения в том, чтобы хан вернулся назад, а я бы, в свою очередь, присоединился с [находящимся при мне] войском к величайшему стремени. Таваккул-хан поступил в соответствии с советом брата и повернул поводья, [а] Ишим-султан присоединился к нему, и они вновь изготовились к боям.

Пир-Мухаммад-хан и его приверженцы после бегства Таваккул-хана выступили из Бухары с целью преследовать его и отбить местности, которые подпали под власть названного [хана]. Со всех сторон Мавераннахра к ним сошлась масса людей, и они сосредоточили усилия на изгнании чуждого войска.

В Узун-Сакале (Мийанкал) они встретились с противником, и между обеими сторонами запылал огонь войны. В это время к Пир-Мухаммад-хану прибыл брат Дин-Мухаммад-хана Баки-султан, который под ударами победоносного кызылбашского войска бежал с поля боя под Пул-и Саларом [3].

Подробности его прибытия таковы. Когда брат Дин-Мухаммад-хана (т. е. Баки-султан. — *М. А.*) с кучкой людей оставил поле боя, добрался до Андхуда [9] и, перейдя [Амударью] через переправу в Каркн, пришел в Бухару, то бухарцы не впустили Баки-султана в город без разрешения Пир-Мухаммад-хана, поскольку тот ушел из Бухары в погоню за Таваккул-ханом. Поневоле [Баки-султан] через мазар Ходжа Баха' ад-дина [10] направился в лагерь Пир-Мухаммад-хана, в Узун-Сакале присоединился к его кортежу, при посредничестве эмиров удостоился встречи и в соответствии с церемониалом султанов-чингизидов представился ему на аудиенции. Расценив его прибытие как счастливое предзнаменование, эмиры Пир-Мухаммад-хана выразили ему [свою] радость и, изъявив почтение и уважение по случаю его прибытия, использовали его как подкрепление и направили в бой с противником. Баки-султан принял участие в боях с людьми Таваккула, и в большей части сражений победа была на его стороне. Был убит Баки-султаном 'Абд ал-Васи-бий, который был [одним] из почтенных эмиров Абдаллах-хана и соучастником убийства 'Абд-ал-Му'мин-хана и [который], отплатив черной неблагодарностью этой династии, ушел на служение к Таваккул-хану и подстрекал того и побуждал на завоевание Мавераннахра.

На протяжении месяца, в течение которого между сторонами полыхал огонь войны, Баки-султан, свидетельствуя свою приверженность Пир-Мухаммад-хану, являл образцы доблести и преданности, пока Таваккул-хан не истощил силы в боях и не предпринял большой ночной атаки на войско Пир-Мухаммад-хана. А с этой стороны люди Пир-Мухаммад-хана, оказав упорное сопротивление, в свою очередь, отважно устремились в бой [11], и между ними завязалась тяжкая битва. Хотя во время ночной атаки воинскими людьми Таваккула были убиты Саййид-Мухаммад-султан, родственник Пир-Мухаммад-хана, и Мухаммад Баки-аталык-диванбеги, однако, был ранен также и Таваккул и не смог добиться успеха. Он отступил [12] и ушел в Ташкент. Там недуг сломил его организм [13], и он ушел в мир вечности.

За добрую службу Баки-султана Пир-Мухаммад-хан по совету здраво [А, с. 409] мыслящих вложил в десницу его власти бразды [правления] вилайетом Самарканда, отправил его туда, а сам вернулся в Бухару. Баки-султан в зените счастья и удачи прибыл в Самарканд, и самаркандцы, доведенные владычеством чуждого войска до крайности, восприняли его прибытие как добрый знак и, преисполненные радости, поспешили навстречу ему, поскольку жизнь [их обрела] безопасность, а имущество — охрану, и выразили полную преданность [Б, с. 593] его правлению[14]. С одобрения накшбандийских шейхов между ним и вали племени казах, который пребывал в Ташкен-

те, было заключено что-то вроде мира на условии, что самаркандское войско не будет посягать на Ташкент.

Одним словом, Баки-султан в апогее своего могущества утвердился на троне правления вилайетом Самарканда, а хутба и чекан украсились именем Пир-Мухаммад-хана. Окраины страны он (Баки-султан. — *М. А.*) включил в пределы власти [Пир-Мухаммад-хана].

В том году с его стороны следовали доказательства покорности и повиновения [15]. [Однако] постепенно от вина, гордыни и спеси у него вскружилась голова, и он начал совершать неразумные поступки. Так как в деле правления и суверенного владычества почитал он себя более достойным, чем Пир-Мухаммад-хан, а такая обширная страна, как Самарканд, досталась ему во владение в обстоятельствах, когда никто больше не претендовал и не притязал на нее, и он возомнил, что на территории вилайета нет подлинного государя, то в голову ему запала жажда власти и правления, а дым спеси и гордыни проник в зáмок его мозга. Проявляя щедрость и торопливость, он раздавал доход вилайета воинским людям, пока не собралась к нему масса узбекских племен и не образовалось огромное скопище. Рахманкули-султан, 'Аббас-султан, дядя Баки-султана, Турсун-Мухаммад-султан, его брат и прочие близкие и вельможи пришли в Самарканд и изъявили ему свою покорность [16]. День ото дня знамя власти его вздымалось все выше, он стал титуловаться ханским титулом, а людьми его творилось по окраинам страны самоуправство.

После того как эмиры и столпы государства Пир-Мухаммад-хана два-три раза пытались удержать его от крайностей и дерзких поступков, а он не угомонился, пришли к выводу о необходимости проучить его и наказать, собрали громадное войско и решили пойти походом на Самарканд. Баки-султан, которым впредь [имя его] будет изменено на Баки-хан, получив о том известие, посчитал разумным проявить покладистость и смирение и, направив медоточивых посланников, коварно расстелил ковер извинения. Так как к тому времени он еще не изменил чекана, то привел это в качестве доказательства [своей] верности и преданности и заверил, что впредь он будет проявлять почтительность [17] и удовольствуется вилайетом Самарканда, который был ему передан. Эмиры Бухары, в свою очередь, пошли на примирение, и между обеими сторонами было заключено перемирие.

На какое-то время пламя раздора осело. Однако из [последующих] выходок Баки-хана были ясны признаки [его] неповиновения, и когда стали известны его указы и рескрипты, которые он тайно разослал узбекской знати и в которых склонял [их] подчиниться ему, мудрым деятелям государства Пир-Мухаммад-хана стало ясно, что Баки-хан не вдел голову в обруч повиновения. И так как мечта о власти и правлении

[прочно] засела у него в голове, а доходов Самарканда не хватало на продовольствие и жалованье тем многочисленным людям, то на этот раз он сбросил покрывало со [своего] дела и утвердился в решении вступить в борьбу. С намерением овладеть вилайетом Мийанкала он с большим войском выступил из Самарканда и поначалу осадил крепость Даббус в Мийанкале. Шах-Кучик дурман, хаким Мийанкала, вышел из старой крепости, пришел к Баки-хану и выразил ему покорность. По этой причине ему досталась крепость Даббус, и он овладел [ею]. Он убил Мухаммад-Шариф-султана, родственника Пир-Мухаммад-хана, который находился в той крепости, поднял знамя господства и могущества и заключил в сферу захвата все [те] из окраин страны, какие только смог.

Лишившись покоя от этих зловещих известий, сторонники Пир-Мухаммад-хана в Бухаре собрали свои войска и приверженцев и твердо решили устранить [его] и покончить с ним. Они отправили в Балх гонца к ʻАбд ал-Амин-хану и местным эмирам, известили их о мятеже Баки-хана и просили о помощи. Поскольку аталыки [18] и аксакалы Балха расценили установление Баки-ханом [своего] господства и владычества как покушение на собственную власть, а правление его было [для них] отвратительным, то после совещания и обсуждения они приняли решение об оказании помощи, снарядили и отправили [к Пир-Мухаммад-хану] около десяти тысяч конных и пеших людей под командованием Шах-Ходжа-накиба, который является [одним] из высокородных саййидов того вилайета, и других почтенных военачальников.

Пир Мухаммад-хан после сосредоточения войск, которых было около сорока тысяч человек, а может быть и больше, во всемогуществе повел войско на Самарканд. Когда он близко подошел к тому городу, Баки-хан по [своему] обыкновению принялся просить прощения и проявлять смирение, но сколько он ни уверял, лебезя и угодничая, [Б, с. 594] что положит конец этому инциденту, [ему это] не помогло. Пир-Мухаммад-хан и столпы его государства считали, что он лжет, доверия на заключение договора и условия не выразили и проявили решимость проучить и наказать его. Потеряв надежду на примирение и не видя у себя сил для встречи в бою в открытом поле, Баки-хан волей-неволей принялся приводить в порядок средства [А, с. 410] крепостной обороны и укреплять башни и стены. Балхское и Бухарское войска подошли к Самарканду на дистанцию видимости, обложили крепость и изготовились к бою. Хотя балхцы пришли для оказания помощи Пир-Мухаммад-хану, однако эмиры их в общем-то опасались бухарцев, [поэтому] не смешивались со [всем] войском и все вместе остановились особняком в стороне. Самаркандцы вышли из ворот и, стоя спиной к крепости, пустили в ход оружие. В тот день между обеими сторонами произошли большие бои.

На другой день Баки-хан послал наружу из ворот, известных под названием Дарб-и Бухара, большой отряд из своих воинских людей, те построились в боевой порядок напротив балхского войска и отважно атаковали. Пир-Мухаммад-хан также выстроил [свое] войско, и большая часть его воинских людей ушла в сторону Бухарских ворот для отражения самаркандцев. В тот день Дустим аргун, который был [одним] из старших эмиров 'Абдаллах-хана, проявил неблагодарность, изменил Пир-Мухаммад-хану и переметнулся к Баки-хану. Так как благодаря ему силы Баки-хана возросли, люди его проявили в сражении стойкость и упорство, стали склонять победу в свою сторону и начали творить чудеса храбрости и геройства. Бухарское войско и все балхское войско увлеклись, оказывая помощь друг другу, постепенно большая часть войска из полка Пир-Мухаммад-хана ушла на отражение противника, поспешила [вступить] в сражение и забыла о необходимости бдительности и осторожности.

В этот момент Баки-хан поставил своего дядю Рахманкули-султана в качестве чархчи [19] над отборным войском, которое держал при себе, а сам с горстью отважных, готовых на смерть смельчаков, которых, по словам одних, было не более тысячи человек, а других — не более пятисот, вышел из северных ворот и, как сверкающая молния, ринулся на полк Пир-Мухаммад-хана. Так как из-за бегства Дустим аргуна войском Пир-Мухаммад-хана овладел сильный страх, то при первой же атаке, которую произвел Рахманкули-султан, войско полка смешалось, оказалось неспособным отразить [эту атаку], потерпело поражение и рассеялось. Какой-то неизвестный из войск настиг Пир-Мухаммад-хана и по неведению тяжело ранил его. Потом узнал, подобрал и отвез к Баки-хану. И в тот же миг его предали смерти. Когда весть об убийстве Пир-Мухаммад-хана и бегстве воинских людей [головного] полка достигла поля боя, [то и] все войско потерпело поражение и в панике, побросав имущество и снаряжение, ударилось в бегство.

Балхцы отделились от бухарского войска и не понесли значительного урона. Все вместе выбрались они с поля боя и пришли в Карши. Они забрали Мухаммад-Салим-султана, сына Пир-Мухаммад-хана, который был малолетним ребенком и проживал в Карши, и направились в Балх.

Баки-хан с победой и многочисленным войском без промедления пошел на Бухару. Некоторые из эмиров Бухары, которые благополучно выбрались с поля боя, прежде всего Худай-Назар-бий, который был [одним] из почтенных людей того племени, пришли в Бухару и в ту же ночь без имущества покинули город, так как были без государя и не считали себя способными организовать оборону крепости. Худай-Назар-бий

переправился [через Амударью] на переправе Чахарджу [20] и пришел в Мерв к Нур-Мухаммад-хану.

На третий день Баки-хан подошел к стольному городу Бухаре. Благородные и знать, соблюдая обычаи, поспешили навстречу [ему] и подобающим образом явились на аудиенцию и приветствовали [его]. Их величество [Баки-хан] торжественно и счастливо вступил в город Бухару и в тронном зале 'Абдаллах-хана воссел на престол правления миром. Узбекские племена изъявили ему покорность. И кто бы из людей Пир-Мухаммад-хана ни попадал к нему, он предавал казни [только ту] часть [из них], на кого падало его подозрение в непокорности, прежде всего кукельташа и брата его и Дустчухраакаси [21] и на подобных, но с прочими обошелся мягко и приветливо и снял с них опалу и гнев свой. Проповеди с минбаров и лик динаров украсились его именем и титулом. [Б, с. 595]. Окрестные султаны из Ташкента, Туркестана, Балха, Хисар-и Шадмана [22] и Бадахшана прислали послов и высказали ему приветствия и поздравления. Слава о правлении и могуществе его разнеслась по всем сторонам. Действительно, Баки-хан был юноша храбрый и отважный и в делах правления и царствования принимал смелые решения и имел здравые суждения, так что с помощью счастья, предприимчивости и отваги поднялся он от простого нукера и одиночного всадника до ранга повелителя и суверена. В конце концов овладел он также и вилайетами Балха, Бадахшана и Хисара, а знамена его правления вознеслись на высоту Ориона. И засверкал сияющий полумесяц бунчука его, и озарил просторы стран таким [светом], что отблеск его с помощью велеречивого пера-златоуста, который свече подобно светильник яркий в собрании красно [А, с. 411] речия, озарит просторы сердец читателей словом предстоящим.

Примечания к переводу

1. **'Абд ал-Му'мин-хан** — сын 'Абдаллах-хана, последний правитель из шайбанидской династии.
2. **Пир-Мухаммад-хан** — Аштарханид, сын Джанибек-султана, сын Йар-Мухаммад-хана; владетель Балха; дядя 'Абдаллах-султана.
3. **'Абдаллах-хан** (1538—1598 гг.) — внук Джанибека, правнук Абу-л-Хайр-хана. В 1583 г. после смерти своего отца Искандара занял ханский престол и сосредоточил в своих руках всю власть в Средней Азии, Хорасане, Хорезме. Умер в 1598 году.
4. **Таваккул-хан** (Тауке-хан, Тевеккель-хан) — сын Шигай-хана. После смерти 'Абдаллах-хана предпринял попытку овладеть Мавераннахром. Был ранен в бою под Бухарой, отступил в Ташкент, где и умер (1598 г.).

5. В тексте لشکر انبوه کوه شکوه, т. е. «многочисленное [и] величественное, как гора войско».
6. На полях литографии издателем даны примечания, объясняющие чтение топонимов Ахси, Қарки, Даббус и их возможное местонахождение.
7. **Ишим-султан** (Есим-хан) — брат Таваккул-хана, сын Шигай-хана.
8. **Битва под Пул-и Салар** — как следует из предыдущего контекста [А, с. 393—394; Б, с. 570—571], сражение Дин-Мухаммада с кызылбашами близ Пул-и Салар около Герата произошло 6-го мухаррама 1007 г. х. [июль 1598 г]. Дин-Мухаммад потерпел поражение, бежал.
9. **Андхуд** — современный афганский город Андхой. находится на большом караванном пути между гг. Керки и Мейменэ. [*Мухаммад Юсуф Мунши.* Мукимханская история. Пер. с таджикского, предисловие, примечания и указатели проф. А. А. Семенова. Ташкент, 1956, с. 261].
10. **Шейх Баха' ад-дин Накшбанд** — 718/1318—791/1389) — известный бухарский суфий, основатель ордена накшбандийа. Мазар Ходжи Баха' ад-дина находится к северо-востоку (в 10,5 км) от г. Бухары в селении Баха ад-Дина (*Семенов А. А.* Бухарский шейх Баха-уд-Дин. Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского. М., 1914, с. 202).
11. Букв.: «укрыв лицо за щитом сопротивления, также раскрыли десницу отваги...».
12. Букв.: «повернув поводья отправления в сторону отступления».
13. ذات او.
14. Букв.: «Вцепились руками в торока его счастья».
15. Букв.: «И в том году выявлялись им признаки покорности и повиновения».
16. Букв.: «поставили ногу в круг повиновения ему».
17. Букв.: «поджимать ногу под подол почтительности».
18. **Аталык** — Атеке — Ата-бек, воспитатель сыновей хана, позднее — придворный чин (МИКХ, с. 496).
19. **Чархчи** (چرخ چی) — Войска, вооруженные копьеметательными машинами [چرخ — чарх] и первыми вводившиеся в бой. Этот термин часто приводится при изложении истории Сефевидов. Число чархчи в армии превышало тысячу человек, и они всегда сражались в первых рядах (*Фарзалиев Ш. Ф.* Сочинение Хасан-бека Румлу «Ахсан ат-таварих» как источник по истории Азербайджана. — Автореф. дис. канд. ист. наук. Баку, 1974, с. 25).

20. **Чахарджу** — Чарджуй — город на левом берегу Амударьи на главной дороге из Хорасана в Мавераннахр. Сейчас областной центр Туркменской ССР (МИКХ, с. 537).
21. **Чухра-акаси** (Чухра-агаси) — дословно «начальник придворных пажей». В действительности являлся «цензором прав» («раисом») стремянных (*Семенов А. А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. — МИТУСА, Сталинабад, 1954, вып. 11, с. 60).
22. **Хисар-и Шадман** — букв. «Радостный Хисар». По мнению В. В. Бартольда, такое название употреблялось по отношению к городу Хисар, который находится к юго-востоку от Гиссарского хребта. (*Бартольд В. В.* Гиссар (Хисар). — Соч., т. 3. М., 1965, с. 401).

Т. И. Султанов

СОСЛОВИЕ СУЛТАНОВ В КАЗАХСКОМ ХАНСТВЕ XVI—XVII веков

Первоначальное понятие *султан* означало владычество, господство, а также власть, правительство. С середины X в. его стали употреблять для обозначения персонального носителя светской власти — государя. Первыми в официальный обиход и в надписи на монетах его ввели сельджуки [1]. В Османской империи султаном называли падишаха, а также всех принцев и принцесс династии Османов [2]. В Средней Азии и Казахстане, по крайней мере со времен кочевых узбеков, султаном называли каждого члена династии, происходившей от Чингис-хана.

Наряду с термином *султан* для обозначения нецарствовавших ханских потомков употреблялся термин *төре*. Однако, судя по источникам, им называли не только султанов, но и более широкий круг знатных лиц, чиновников и судей в частности [3]. В более широком значении слово *төре* представляет собой «дальнейшее морфологическое и семантическое развитие основы *түр/төр*, т. е. почетное место в доме, главное место у очага» [4]. Первоначально обозначая «закон», «обычай», «правило», «постановление» [5], с течением времени термин *төре* стал обозначать самого законодателя, действователя по обычаю, уставу — владетеля, господина, судью.

Ч. Ч. Валиханов [6], В. В. Бартольд и другие авторы считали

---

[1] *Бартольд В. В.* Халиф и султан. — Соч., т. 6, М., 1966, с. 27—28, 30—31.

[2] См.: *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1908—1918 гг.). М., 1972, с. 339, прим. 19. Слово *султан* в Малой Азии указывало на высокий ранг в суфийском ордене.

[3] Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. Терминологический указатель (далее — МИКХ).

[4] *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина *турк*. — Советская этнография, 1949, № 1, с. 45.

[5] Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 580.

[6] *Валиханов Ч. Ч.* [О Баян-Аульском округе]. (Письмо из Омска. 10 марта 1857 г.). Собр. соч., т. 4. Алма-Ата, 1968, с. 25.

возможным употреблять применительно к султанам Казахского ханства слово *сословие*. В частности, по словам В. В. Бартольда, в Казахском ханстве мы видим «многочисленное сословие султанов», называвших себя ак-суйек (белая кость) и противопоставлявших себя кара-суйек (черная кость) — народным массам [7]. Но специально вопрос о социальных категориях в казахском обществе еще не исследовался. Цель нашей работы — рассмотреть доступные ныне историко-этнографические материалы о султанах, характеризующие главным образом их политико-юридический статус в обществе, и попытаться дать на их основе возможный ответ на вопрос о том, что представляли собой султаны в социальной иерархии казахского общества XVI—XVII вв.

Дети Чингизидов по праву рождения приобретали титул султана и вместе с ним все права, потомственно принадлежавшие этой социальной группе, независимо от экономических обстоятельств, а также нравственных, умственных и физических качеств того или иного лица. Право быть провозглашенным ханом сохранялось только за Чингизидами, для которых право на правление в силу установившейся его наследственности превращалось как бы в естественно присущий им атрибут. Сфера действия этого права не ограничивалась существующими этническими и государственными границами: каждый Чингизид, независимо от того, к какой именно династии потомков Чингис-хана он относился, мог претендовать на ханский титул в любой стране, где только продолжали жить еще традиции монгольской империи. Чингизиды казахских улусов, например, часто оказывались в роли «падишаха» каракалпаков и киргизов, «подставных ханов» Бухары и Хивы. По своему содержанию и характеру политическая власть Чингизидов, основанная лишь на генеалогии, никогда и нигде не имела, видимо, национального значения.

Право участия в общегосударственных делах султаны осуществляли посредством совокупной деятельности, *in corpore*, являясь на ежегодно созываемый курултай — собрание, ведавшее делами, касавшимися всех слоев и прослоек казахского общества. Один из пунктов «Жеты-Жаргы», юридического памятника казахов XVII в., гласил: «Чтобы сам хан, равно, как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в средние степи, для рассуждения о делах народных» [8].

Казахи сохраняли традиции степной государственности и не отвергали юридически установившихся прав потомков

---

[7] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. 1, М., 1963, с. 270.

[8] *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, ч. 3. Спб., 1832, с. 177.

Чингис-хана, согласно которым каждый влиятельный султан претендовал на улус. «В каждом известном улусе, — описывал Ибн Рузбихан, административно-политическое устройство казахов начала XVI в., — есть свой полновластный султан из потомков Чингис-хана, который со своим народом пребывает в какой-либо местности, старинном йурте. [Султаны] сидят там до сих пор еще со времени йуджи-хана и Шибан-хана и пользуются пастбищами»[9].

Правление в улусах давало султанам как военно-политическую власть над улусными людьми их уделов, так и фактическое право единоличного распоряжения пастбищами, водными источниками и т. п. «Каждый из их (казахов) султанов, — говорил Шейбани-хан в беседе со своим надимом Ибн Рузбиханом, — имеет в своем владении и подчинении определенную местность этой области» [10]. Хану как верховному сюзерену приходилось делить свою власть над ханством с султанами, имевшими на территории ханства улусы.

Власть имела, таким образом, определенное политическое и территориальное значение. Но выступала она как собирательная власть, то есть власть каждого отдельного султана определялась единственно его принадлежностью к совместно правящему ханством царствующему роду, вне которого его власть не имела ни территориального, ни политического значения.

Каждый улусный султан, как представляется нам, был прежде всего политическим правителем с правом управления улусом и командования улусным войском, а не частным владельцем улусной территории на наследственном праве. Верховным собственником всей земли являлся царствующий род в целом, т. е. земля составляла сословную собственность всех Чингизидов, вместе взятых, но верховное управление в каждый данный момент осуществлялось одним из них — главой рода, т. е. ханом, которому, если он был достаточно силен, принадлежало и право распоряжения, и право ограничения территории улуса, и даже, видимо, право отчуждения и передачи улуса-удела другому султану. Во всяком случае, в государстве Шейбани-хана, например, где в основу государственной жизни были положены степные традиции, султан владел уделом временно, правил им лишь по соглашению с родичами, причем удел султана мог быть отчужден ханом и передан другому лицу. Эти перераспределения уделов вызывали иногда недовольство султанов, что приводило, в свою очередь, к фа-

---

[9] Михман-наме-йи Бухара (Тарих-и падшахи Мухаммад Шейбани), та'лиф-и Фазлаллах ибн Рузбихан Хунджи, сада-и нухум ва дахум-и хиджри, ба-ихтимам-и дуктур Манучихр Сутуда. Тегеран, 1341 (1962), с. 144; *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. М., 1976, с. 94.

[10] Михман-наме-йи Бухара, изд., с. 142; перевод, с. 93.

мильным раздорам и служило причиной военных неудач правящей династии [11].

Политическая значимость Чингизидов, обусловленная их генеалогией, порождала ряд возведенных в юридический принцип преимуществ для всех султанов перед другими членами общества. Эти особые преимущества проявлялись, в частности, в том, что существовавший в ханстве закон неодинаково наказывал людей разных социальных слоев за одни и те же преступления, за нанесенные обиды и оскорбления. «Кто убьет султана или ходжу, — говорится в «Жеты-Жаргы», — тот платит родственникам убитого кун за семь человек [12]. Обида султана или ходжи словами наказывается пенею в 9 скотин; а за побои — 27 скотин» [13]. Отсюда вытекали и неодинаковые обязательства различных слоев общества. Один из пунктов «Жеты-Жаргы» предписывал, «чтобы всякий, могущий носить оружие, кроме султанов, платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества ежегодно» [14].

Привилегии султанов перед другими членами общества состояли также в том, что султаны не подвергались телесному наказанию и не подлежали суду биев. Творить суд над Чингизидом мог только старший султан или сам хан. Простые люди в разговорах не могли называть их по имени, но вместо имени должны были употреблять слово «таксыр». При встрече с султаном всякий простолюдин сходил с лошади и, становясь на одно колено, приветствовал его словом «алдияр». Султан в ответ на приветствие клал при желании ему на плечо свою руку и отвечал «аманба». Если простой казах присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию от 15 до 30 ударов нагайкой. Если же человек «черной кости», выдавая себя за носителя султанской крови, женился на султанской дочери или родственнице, то он платил полный кун, т. е. как за убийство мужчины.

Эти сведения о султанах, взятые нами из трудов Г. Спасского, А. Левшина и А. Харузина [15] относятся к началу XIX в., т. е. к периоду упадка политического значения Чингизидов в казахских степях. Можно полагать, что в XV—XVII вв. все привилегии и внешние почести султанов полностью сохранялись и строго соблюдались.

Влияние султана определялось не столько близостью его родственных связей с ханом, сколько количеством семей-киби-

---

[11] *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан. Соч., т. 8, с. 144.

[12] Кун за каждого убитого мужчину равнялся 1000, за женщину 500 баранов. (См.: *Левшин А.* Описание, ч. 3, с. 171).

[13] Там же, с. 171.

[14] Там же, с. 177.

[15] *Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды. — Сибирский вестник, ч. 9. Спб., 1820, с. 191; *Левшин А.* Описание, ч. 3, с. 124—125; *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды. М., 1889, с. 49.

ток, составлявших эль его улуса. К. Маркс следующим образом характеризовал феодальное общество стран Европы, вполне приложимое и к казахскому обществу средних веков: «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [16].

Источники говорят о том, что число Чингизидов было значительным. Согласно сообщению Мухаммад Аваза, при вступлении в число мюридов Ходжа Исхака казахского хана Таваккуля (ум. в 1598 г.) вместе с ним было 120 султанов [17]. Можно полагать, что были еще султаны, которые по тем или иным причинам не приняли участия в этом предприятии. Но если даже допустить, что число взрослых султанов составляло в то время 120, то вместе с детьми Чингизидов в казахских улусах было едва ли не тысяча. Султаны имели, как правило, наибольшее количество жен и детей. В «Сборнике летописей» Кадырали-бека, например, можно встретить выражение: такой-то казахский султан «имел очень много жен и наложниц. Сыновей у него было также много»; такой-то казахский султан «имел много жен и наложниц, взятых им со стороны из разных мест, так и из среды своих сородичей» и т. п. [18] В отдельных случаях в источниках приводится и конкретное число сыновей: так, в документе, датируемом 1533 г., говорится о том, что у «казатцкого царя Хозя Махмета» пятнадцать сыновей [19]. По собранным нами сведениям, у Шигай-хана, умершего, вероятно, в 1582 г., было не менее тринадцати сыновей. Многодетность была, видимо, обычным явлением в султанских семьях.

Многие стороны внутренней жизни населения Казахского ханства остаются, к сожалению, неизвестными. Мы не знаем, например, ничего о воспитании султанов, где и какое они получали образование. То, что, по крайней мере, часть казахских султанов были люди образованные, показывают данные источников. Казахский хан Шигай, «выросший в степи и пустыне», по словам Хафиз-и Таниша, сочинял стихи [20]. Его сын Таваккул-султан, впоследствии хан, славившийся в Дашт-и Кыпчаке своей храбростью и воинской удалью, сочинял мас-

---

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 729.

[17] *Мухаммад 'Аваз.* Зийа ал-кулуб. Рукопись ЛО ИВ АН СССР, А 1615, л. 36б; *Юдин В. П.* Известия «Зийа ал-кулуб» Мухаммад Аваза о казахах XVI века. — Вестник АН КазССР, 1966, № 5, с. 72, 75.

[18] Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. — Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным, т. 2, ч. 1. Казань, 1854, с. 163, 165 и др.

[19] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 2, Спб., 1864, с. 325.

[20] МИКХ, с. 257.

нави [21]. Казахский султан Мухаммад Мумин, в течение пяти лет занимавший должность аталыка при могольском хане, «был мужем знающим и даровитым, большую часть «Шахнаме» знал наизусть и книги читал приятно [на слух]» [22]. Необходимо упомянуть и Кадырали-бека, сына Хошум-бека, представителя казахского племени джалаир, автора сочинения начала XVII в., условно названного И. Н. Березиным «Сборник летописей». Выходец из степи и приближенный казахского Ондан-султана, он сделал сокращенный пересказ на тюркский язык известного сочинения персидского историка Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» и составил свод сведений о родословных и деятельности казахских ханов и султанов XV—XVI вв. [23] Интересные сведения о культурном уровне казахских султанов — ханов Хивы XVIII в. — содержатся в «Фирдаус ал-икбал» [24].

Условия кочевого быта и постоянные феодальные распри, раздиравшие и разорявшие ханство, не благоприятствовали распространению среди казахов письменности и книжного образования. Но, как видно из приведенных материалов, верхушка казахского общества, по крайней мере, в части своей, была образованной, читающей и пишущей.

Таковы некоторые стороны социально-политической истории Казахского ханства XVI—XVII вв. Более подробное описание и более обстоятельный анализ социальных категорий казахского общества рассмотренного периода потребуют прежде всего выявления новых источников, равно как и нового прочтения уже известных науке источников. Изложенный материал, характеризующий политико-юридический статус Чингизидов, показывает, что султаны своим юридическим положением резко выделялись среди остального населения ханства, причем права, отличавшие их от других, издавна стали наследственными. Политическими правами султанов, осуществляемыми ими сообща, были: участие в общем государственном управлении; участие в местном управлении; улусно-вотчинное управление.

Наличие подобных прав и преимуществ, даваемых законом целой группе общества в постоянное совместное обладание ими, являются характернейшими признаками сословного права [25]. Поэтому мы можем сделать вывод, что султаны составляли особое сословие в социальной иерархии казахского общества XVI—XVII вв.

Употребление некоторыми исследователями термина *со-*

---

[21] МИКХ, с. 311.

[22] *Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан. — Соч., т. 8, с. 184; *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника. М., 1976, с. 225.

[23] Сборник летописей, изд. И. Березина.

[24] См.: МИКХ, с. 458—459; 463, 469.

[25] См.: *Ключевский В. О.* Соч., т. 6. М., 1959, с. 276—281.

словие применительно к казахским султанам соответствует свидетельствам имеющихся источников, т. е. является вполне обоснованным.

Рассмотренный нами материал, характеризующий социальное положение сословия султанов, свидетельствует, в частности, о том, что кочевой и полукочевой быт казахов в прошлом не исключал существования частично зафиксированной в памятниках письменности духовной культуры в той или иной степени ее развития. Сведения же Кадырали-бека о Казахском ханстве XV—XVI вв., отличающиеся высокой степенью достоверности, очевидно, основаны на надежных источниках и могут указывать на существование в казахском обществе если не собственной историографии, то живого интереса к вопросам политической истории и генеалогиям.

А. Сабырханов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИКВИДАЦИИ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ

(На материалах Младшего и Среднего жузов)

В советской историографии уделяется большое внимание изучению общественного и политического строя Казахстана. Однако не все вопросы этой проблемы в достаточной степени изучены. В частности, до сих пор нет специальных работ, раскрывающих политические и экономические предпосылки ликвидации ханской системы управления в Казахстане.

В источниках имеются многочисленные указания на то, что ханская власть в Казахстане в XVIII в. была бессильной, неустойчивой. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев писал в Коллегию иностранных дел: «Обе те киргиз-кайсацкие орды состоят под именем разных владельцев и старшин, из которых ни один не только совершенной власти, но ниже прямой команды не имеет, но всяк по своей склонности, избирая себе владельца или старшину, оного придерживается» [1].

Аналогичная оценка ханской власти дана и в другом источнике: «Только ханы и владельцы их (казахов) великой силы у них не имеют и в важных делах поступают по совету старшин и народа» [2]. Так, в источниках отмечены феодальная раздробленность Казахстана и ограниченность ханской власти.

В Казахстане, где основной формой хозяйства было кочевое скотоводство, издавна образовались три жуза (Старший, Средний и Младший), представляющие собой обособленные хозяйственные районы. Экономические и политические связи между ними были слабыми, особенно со Старшим жузом [3].

Отсталое натуральное хозяйство, слабое развитие общественного разделения труда препятствовали образованию на территории Казахстана в XVIII в. торгово-ремесленных цент-

---

[1] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1747 г., д. 3, л. 119 об.

[2] Ленинградское отделение Института истории, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, д. 442, л. 3 об. Последнее указание в источнике вызывает сомнение. Известно, что даже во время выборов хана на широком съезде феодальной знати роль народа в конечном счете была пассивной.

ров-городов, которые могли бы способствовать развитию экономических связей между отдельными районами. Город Туркестан был ханской ставкой, окруженной небольшими укреплениями, с «воинскими людьми» [4]. Русские же города-крепости Оренбург, Троицк и другие, ставшие уже в первой половине XVIII в. пунктами торговли с Казахстаном [5], занимали пограничное положение.

Существовавшие у казахов домашние ремесла (обработка кожи и шерсти), тесно связанные со скотоводством, не выделились в самостоятельную отрасль хозяйства. Развитие ремесленного производства находилось на таком уровне, что не оказывало существенного влияния на производственные отношения и политическое устройство казахского общества. Внутренняя меновая торговля развивалась чрезвычайно слабо, внешняя также носила меновой характер, что также свидетельствует о неразвитости товарно-денежных отношений.

Казахстан был феодально раздробленным. В нем существовало несколько ханств. В Младшем жузе в 30-х гг. образовалось ханство Абулхаира, в Среднем — ханство Семеке и ханство Кушука, власть которого укрепилась в восточных районах жуза. Кроме того, в это время усилилась власть некоторых султанов, в частности Барака и Абулмамбета — потомков старшей ханской династии Жадига [6]. Экономические связи между жузами были эпизодическими и неустойчивыми. Однако следует заметить, что в хозяйственно-политической жизни Младшего и Среднего жузов все же не было такой разобщенности, как между ними и Старшим жузом, о чем свидетельствует близкое соседство кочевий [7].

Политические связи между отдельными ханствами также были временными. Они оживали лишь во время съездов феодальной знати, так называемых народных собраний, созываемых по случаю выбора нового хана, организации народного ополчения и для решения важных вопросов, касающихся всех трех жузов. Однако существовали и регулярные собрания старшин. Они созывались ежегодно в мае, октябре и ноябре.

---

[3] Характерно в этом отношении одно из указаний источника: батыр Среднего жуза Букенбай сообщил А. И. Тевкелеву, что «Большая орда кочует от них в далеком расстоянии к Бухарам и со Средней и Малой Ордой не съезжаются». См.: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961, с. 62.

[4] Дополнения к актам историческим. Т. 10, докл. № 80, с. 389—390; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932, с. 265.

[5] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М. 1960, с. 233—318.

[6] *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, с. 142.

[7] Например, кочевья Младшего жуза соприкасались с кочевьями Среднего жуза по притокам Оби и Урала, по реке Тургай; Красный архив, 1938, № 2(87), с. 157—158.

Эти сроки были связаны с перекочевками на летние и зимние стоянки. Но нередко они нарушались из-за частых военных вторжений извне и феодальных распрей. Существует предание, что все три жуза собирались на холме Мартубе, в горах около Сайрама, где обсуждались различные вопросы: где зимовать, где летовать, как достигнуть спокойствия и как воевать. По-видимому, в этом предании отражаются события первой четверти XVIII в., когда внешнеполитическая обстановка Казахстана была особенно напряженной. Но в 30-х гг. XVIII в. Старший жуз не принимал участия в этих широких собраниях.

Казахские ханы являлись потомками Чингис-хана, стояли вне казахских родов, представляя собой особое сословие «торе». Ханская власть была наследственной: хану наследовали братья, затем его сыновья, затем сыновья его братьев. Выборы хана на широких собраниях феодальной знати (султанов, старшин, батыров) и в присутствии народа представляли собой, по существу, торжественное признание наследственной ханской власти. До 30-х гг. XVIII в. в качестве законных, наследственных ханов избирались представители старшей ханской династии Жадига. Эта традиционная генеалогия ханской власти способствовала до некоторой степени росту ее авторитета в глазах феодальной знати. Но к 30-м гг. XVIII в. положение изменилось: удалось стать ханом Младшего жуза представителю младшей ханской династии Осека Абулхаиру. Это обстоятельство в дальнейшем сыграло большую роль в политической жизни Младшего жуза. Власть Абулхаира не была авторитетной в представлении таких султанов, как Батыр и Барак (потомков династии Жадига) уже потому что она порывала с традиционным наследованием привычной генеалогией ханской власти. Об этом свидетельствует обострение феодальной борьбы в Младшем жузе, возглавленной потомками Жадига. Характерно, что во время самых острых столкновений с Абулхаиром султан Барак, хвастаясь своей родословной, упрекал Абулхаира в узурпации законной власти, называл его выскочкой и т. п. Барак говорил: «Нашу фамилию зовут Тогим-Шигайской, а его, Абулхаира, ханская фамилия Белгкай-Коянская и его де род против нашего силою не будет, ибо де наша фамилия честная и многолюдная» [8].

Хан, являвшийся верховным правителем ханства, имел право судить султанов и старшин. Он возглавлял войско во время походов, распоряжался кочевьями своего ханства. Но в условиях феодально-патриархальной государственности эти привилегии хана фактически были ограничены.

Султанам принадлежала административная и судебная власть подвластных им родовых объединений, право распоря-

[8] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Т. 2. Спб., 1864, с. 369.

жаться кочевьями, организация отрядов ополчения. Эти функции усиливали власть и сепаратизм султанов, их стремление сделаться полновластными правителями. Сепаратизм султанов особенно обострялся, когда проводимая ханом политика не отвечала их интересам.

Значительная самостоятельность султанских владений объяснялась не только их экономической разобщенностью [9] и слабостью ханской власти, но и родовой системой управления. Родовая знать удерживала довольно сильные позиции в политической жизни общества. В донесении И. И. Неплюева от 20 августа 1748 г. отмечается, что «Меньшая орда особо состоит и находится в ней — у Алачинцев Абул-хаир хан, у Семиродцев Исет тархан, в Табынском роду Тюлебай бий с прочими» [10].

При устойчиво сохранявшемся родовом управлении создавались благоприятные условия для усиления власти и авторитета биев-родоначальников, которые были значительно больше связаны с родом, чем ханы и султаны. Роль биев в общественной и политической жизни казахского общества во второй половине XVIII в. была значительной, что отмечали и представители царской администрации. Организатор Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов в 1734 г. писал, что у казахов «не столько ханы власти имеют, сколько их старшины» [11]. Нередко родоуправители — бии — решали важные вопросы и внешних отношений [12].

Власть хана была ограничена советом старшин, совещательным органом при хане, своего рода феодальной курией, и собраниями старшин. По всем важным делам жуза хан должен был, согласно обычному праву, советоваться с биями.

Своим правом совета старшины очень дорожили и выступали против хана, если он не считался с ними. В 1742 г. Абулхаир намеревался напасть на Аральское владение без согласия старшин. Возмущенные этим «старшины стали на него жаловаться и пришед к Батыр-салтану, говорили, что он, хан с ними уже ничего не советует..., за что они намерены его покинуть и прийти под дирекцию (управление. — *А. С.*) его, Батыр-салтана» [13].

---

[9] В литературе имеется указание на то, что каждый султан кочевал со своим аулом, состоявшим нередко из нескольких тысяч кибиток (семей). Султан имел право собирать в свою пользу с подвластного феодально зависимого населения сугум и другие натуральные оброки.

[10] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1748, д. 3, л. 176.

[11] ПСЗ, т. 9, № 6751, с. 309.

[12] *Сабырханов А.* Из истории казахско-русских посольских отношений во второй половине XVIII в. — Известия АН КазССР, Сер. общественных наук, 1966, № 2.

[13] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1961, с. 208.

Характерным для политического строя Казахстана в XVIII в. было отсутствие постоянного войска. Вместо него по мере необходимости собиралось народное родовое ополчение, выступавшее под водительством хана, султанов и батыров. В состав родового ополчения входило все боеспособное мужское население, причем каждый воин обязан был выступать в поход с двумя конями и со своим снаряжением [14].

У казахов отсутствовали письменные законы, что отмечено в источниках. «Политического закона на письме они (казахи. — *А. С.*) никакого не имеют, письменно никогда не судятся, но на словах по образу третейского суда» [15]. Однако обычное право казахов, как справедливо отмечает Т. М. Культелеев, «представляло собой по своей сущности феодальное право, а по своей форме патриархально-феодальное» [16]. Оно служило интересам феодалов.

Таким образом, казахское кочевое общество жило в условиях слабо развитых феодальных отношений.

После смерти хана Абулхаира в 1748 г. в Младшем жузе образовались два ханства: в юго-восточных районах жуза укрепилась власть султана Батыра [17], а после смерти Батыра — власть его потомков. В центральных и северных районах Среднего жуза усилилась власть султана Аблая. На юго-восточную часть этого жуза распространилось владение султана Барака. Таким образом, феодальная раздробленность Казахстана еще более усилилась, что способствовало обострению феодальной борьбы.

Русское правительство для проведения своей политики опиралось на преемников хана Абулхаира. С этой целью ханом был избран Нуралы. Ставка на потомков Абулхаира объяснялась тем, что хан Абулхаир первым принял подданство России. Избрание Нуралы в 1749 г. происходило при активном вмешательстве оренбургской администрации. Неплюев с удовлетворением отмечал, что «елико до избрания помянутого Нуралея салтана в ханы принадлежит, то кажется оное таким порядком произошло, как то было желательно» [18]. Церемония избрания хана Нуралы была отличной от прежней, что явствует из донесения И. И. Неплюева Коллегии иностранных дел от 25 октября 1748 г.: «Оное же его, Нуралиево избрание, — писал Неплюев, — совершилось в ханской кибитке, чрез вы-

---

[14] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1799, ч. 1, с. 124—125.

[15] ЛОИИ, ф. 36, оп. 1 д. 442, л. 35 об.

[16] *Культелеев Т. М.* Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, с. 101.

[17] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1748 г., д. 3, л. 354, об. 355.

[18] Там же оп. 122/1, 1748—1949 гг., д. 8, л. 3.

бранных от десяти родов знатных биев, а не по их прежнему обыкновению публично» [19].

Царскому правительству было чрезвычайно важно использовать представившуюся возможность для утверждения нового хана. Это позволяло создать нужный прецедент на будущее, когда можно будет ввести в обычай и закон назначения хана в обоих жузах «по высочайшему... императорского величества соизволению» [20].

В 1749 г. Нуралы был утвержден в ханском звании специальным патентом. Этот акт русского правительства был зафиксирован следующим образом: «По силе высочайшего ея и. в. указа от 2 мая из Государственной Коллегии иностранных дел... он, Нуралы, на тот чин (ханское звание. — *А. С.*) по присланной из Государственной Коллегии иностранных дел форме к присяге приведен и тот патент ему отдан» [21]. Царское правительство устраивала слабая ханская власть, поэтому оно намеревалось усилить зависимость Нуралы, созданную организацией его выборов в ханы и следующим утверждением его в этом звании.

Если царское правительство было заинтересовано в послушном и верноподданном хане, то хан нуждался в полезной и своевременной помощи правительства. Однако попытка Нуралы получить эту помощь привела лишь к обострению его отношений со старшинами. Когда стал вопрос о возврате в Россию русских пленных, которых бы пришлось собирать и в аулах старшин, хан оказался беспомощным в решении этого вопроса без вмешательства русских властей [22], так как старшины упорно отказывались возвращать их. Известно, что пленные обычно превращались в рабов (кулов), которые широко использовались феодальной знатью на различных работах.

Стремясь усилить свою власть, хан просил русское правительство построить для него крепость. В письме на имя императрицы Елизаветы Петровны от 11 сентября 1759 г. Нуралы писал: «Прошу для воздержания народного и к приведению их в порядок и послушание построить на Эмбе реке крепосцу, где я в зимние времена пребывать и своевольных людей в страх и послушание приводить мог» [23].

Почувствовав слабость власти Нуралы, султаны, старшины и батыры стремились стать не зависимыми от хана. Нуралы жаловался, что братья его «не слушают, без воли ево, ханской,

---

[19] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1748 г., д. 8, л. 3 об.

[20] Там же.

[21] Там же, 1748 г., д. 4, л. 88 об. Донесение И. И. Неплюева Коллегии ин. дел, 11 июля 1749 г.

[22] Там же, оп. 122/1, 1750 г., д. 3, л. 9. Письмо хана Нуралы И. И. Неплюеву, 5 мая 1750 г.

[23] АВПР, 1759 г. д. 4, л. 407—407 об.

в Каракалпацкую орду ездили»[24]. В июле 1752 г. брат хана, султан Ералы, не приехал в Оренбург на состоявшуюся встречу Нуралы с А. И. Тевкелевым. По мнению последнего, это произошло потому, что Ералы в 1751 г.[25] взял в свою пользу торговые пошлины с караванов, на которые рассчитывал хан, и боялся своей встречей с ним напомнить ему об этом. Вражда между султанами, сыновьями Абулхаира, их жалобы друг на друга возрастали с каждым годом[26].

Русскому правительству нередко удавалось восстановить связи с наиболее влиятельными султанами крупными представителями родовой знати. Оказывая покровительство одним, одаривая других, царское правительство значительно упрочило свои позиции в жузе.

Во второй половине XVIII в. внутриполитическая обстановка в Младшем жузе была очень сложной. Усилился сепаратизм старшин. Он выражался в различных формах неповиновения хану, которое выливалось и в открытые выступления против него. Старшины упрекали хана в нежелании разрешить два жизненно важных вопроса: о предоставлении права казахам перегонять скот на правый берег Урала и о возврате бежавших из жуза рабов (кулов). Известно, что в 1756 г. был издан указ, запрещавший казахам в зимнее время перегонять скот на правый берег Урала. Нельзя сказать, что хан Нуралы не пытался договориться о зимовках на «внутренней стороне» с царским правительством и оренбургской администрацией. 5 февраля 1757 г. Нуралы писал Елизавете Петровне: «Прошу зимою только трех месяцев тот наш скот для одного корму чрез Яик, ниже Яицкого городка перегонять»[27]. Для разрешения этого вопроса направлялись послы в Россию в 1757 и 1762 гг.[28] Но им не удалось получить разрешения пользоваться зимовками на правобережье Яика. Эти обстоятельства еще более осложнили взаимоотношения старшин с ханом и усилили недовольство. Старшины «подлинное имеют к здешней стороне неудовольствие», — писал А. И. Тевкелев в Коллегию иностранных дел летом 1758 г., а потому намереваются откочевать от хана[29]. Более того, старшины усиленно склоняли хана к откочевке от русских границ. Жалуясь оренбургской администрации на старшин, хан писал летом 1759 г.: «Они (казахи. — *А. С.*) имеют намерение откочевать в те места, где

---

[24] Материалы по истории Казахской ССР, т. 2, ч. 2, Алма-Ата, 1948, с. 344.

[25] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1752 г., д. 3, л. 78, 88.

[26] Там же, 1756 г., д. 5, ч. 1, л. 1—554.

[27] Там же, 1757, д. 7, л. 20 об.

[28] *Сабырханов А.* Указ. раб., с. 30—31.

[29] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1744—1782 гг., д. 10. л. 139 об.

отцы их кочевывали, куда и меня с собою не только зовут, но и принуждают» [30].

Неспособность хана разрешить вопрос о перегоне казахского скота на правый берег Урала вызвала острое недовольство и среди рядовых казахов. Побывавшие в Младшем жузе в 1762 г. поручик И. Ураков и переводчик Я. Гуляев сообщили оренбургской администрации: «Киргис-кайсаки ево, хана, не весьма почитают и презирают, что он ничего в пользу их со здешней стороны испросить не может. И так на него, хана, злобятся, и потому он, хан, находится от них и сам в опасности» [31]. Аналогичные настроения рядовой массы казахов отмечены и в другом документе [32].

В середине XVIII в. бегство пленных из Казахстана в Россию стало обычным явлением. «Выбег... пленников из обеих киргиз-кайсацких орд год от году умножается», — писали в 1759 г. А. И. Тевкелев и П. И. Рычков в Коллегию иностранных дел» [33]. Старшины, лишившиеся даровых рабочих рук, требовали возврата бежавших кулов. Они упрекали хана в бездействии, в нежелании договориться с царской администрацией по этому вопросу. «Все киргиз-кайсаки, малые и большие, повеления моего не слушают, представляя, что я им беглецов не доставляю», — жаловался хан царской администрации [34]. Напуганный оппозицией старшин, Нуралы пытался разжалобить царскую администрацию. Он писал о том, что в результате бегства кулов хозяйство старшин «разоряется и до тово доходит, что уже не знают, как и кем лошадиные свои табуны содержать» [35]. Подобные жалобы выражались также со стороны владельца Среднего жуза Аблая. В 1758 г. он писал А. Тевкелеву о том, что «купленные наши и завоеванные пленники-калмыки все почти разбежались в Россию» [36].

Дипломатическая переписка казахских владельцев с царской администрацией со второй половины XVIII в. полна требований о выдаче, возвращении беглых рабов, запрещении пограничному населению и начальникам гарнизонов принимать выбегающих и т. д. Однако бегство рабов, несмотря на все эти жалобы и требования, продолжалось вплоть до ликвидации рабства в Казахстане.

---

[30] Там же, оп. 122/1, 1759, д. 4, л. 335.

[31] Казахско-русские отношения... Алма-Ата, 1961, докл. 250, с. 640.

[32] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/2, 1744—1782, д. 10, л. 94 об.—95. Донесение А. Р. Давыдова и А. И. Тевкелева Коллегии ин. дел, 23 июля 1759 г., об.

[33] Там же, оп. 122/1, 1758 г.. л. 168. Донесение А. И. Тевкелева и П. И. Рычкова в Коллегию ин. дел. 24 сентября 1758 г.

[34] Там же, 1759 г., д. 4, л. 335. Письма хана Нуралы А. Р. Давыдову, А. И. Тевкелеву и П. И. Рычкову, 27 июля 1759 г.

[35] Там же, 1758 г., д. 4, л. 168. Донесение А. И. Тевкелева и П. И. Рычкова Коллегии ин. дел, 24 сентября 1758 г.

[36] Казахско-русские отношения... Алма-Ата, 1961, с. 568.

Население Младшего жуза возмущалось произволом и непосильными поборами хана, что заставило Нуралы возобновить в 1762 г. переписку с царской администрацией по поводу постройки для него городка-крепости при устье реки Эмбы. Хан просил также о том, чтобы «поручено было в его ведомство некоторое число военных людей», а в 1768 г. потребовал устройства для него крепости и на Яике [37]. Нуралы надеялся, что эти крепости будут служить надежным укреплением в случае возмущения против него народа и старшин.

Учитывая слабость хана и все возрастающую зависимость его от милостей и поддержки царизма, Екатерина II указом от 18 марта 1770 г. предписывала оренбургскому губернатору добиваться от Нуралы, чтобы он позволял старшинам и народу содействовать в исполнении требований царского правительства и без зависимости смотрел на поощрения и поманки, которые будут делаться его подчиненным [38], т. е. на расширение непосредственных связей царизма с казахскими феодалами. При этом в зависимости от конкретных условий и целей царские власти постоянно варьировали в своем отношении к ханам и вообще казахским феодалам, как и во всей своей политике в Казахстане, сочетался принцип «разделяй и властвуй» с политикой «кнута и пряника». Роль последнего выполняло, в частности, ежегоднос жалованье хану Нуралы в размере 600 руб. Не остались без внимания и просьбы владельца Среднего жуза султана Аблая, которому в 1759 г. было назначено ежегодное жалованье в 300 руб. Наиболее верные царскому правительству султаны и родоправители получали денежное и «хлебное» жалованье.

В 70-х гг. обострились взаимоотношения хана и с султанами. Жалуясь на самовластье султанов, Нуралы писал Н. П. Панину: «В киргиз-кайсацкой нашей орде начальников умножилось, и всякой султан находит способ собственно переписываться и чрез то отдельным себя владетелем представлять. Чрез то в народе роптания умножаются, а притом способ придается и к размножению плутов, ибо везде, по причине умножения начальников, политической исправности не бывает [39]. Нуралы понимал, что стремление султанов сделаться независимыми владельцами подрывает основу его ханской власти. В 1768 г. Нуралы просил русское правительство еще при жизни его утвердить наместником ханства в Младшем жузе старшего сына султана Ишалы. Воздержавшись от решения этого вопроса, правительство заявило, что это решение

---

[37] Там же, оп. 122/2, 1744—1782 гг., д. 10, л. 138 об. — 139, 179.

[38] *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 117.

[39] Казахско-русские отношения..., с. 700.

будет принято лишь тогда, когда «о достоинстве его детей здесь ближайшие сведения получатся» [40].

Таким образом, пытаясь выяснить реальную обстановку в Младшем жузе, в какой мере назрел вопрос об устранении от власти хана Нуралы, правительство допускало возможность нарушения давней традиции народного избрания ханов. Это означало, что правительство намеревалось более активно вмешиваться во внутриполитические дела жуза, использовать осложнения обстановки внутри него в своих интересах путем назначения наместника в качестве правителя жуза или же послушного, назначенного и утвержденного царским указом хана.

Коллегия иностранных дел, предусматривая возмущение старшин, вызванное усилением власти ненавистных им султанов — сыновей Нуралы, запрашивала Ланова: «Не приятнее ли киргис-кайсакам некоторых из его (Нуралы. — *А. С.*) племянников, то есть из детей Ералы и Айчувак-солтана наместником определить», чтобы звание хана «доставалось не старшему и ближайшему по линии ханства, но токмо достойнейшему». Достойными же звания хана, по мнению правительства, являются лишь те, которые ревностно защищают интересы царизма. Поэтому «сие преимущество не должно принадлежать одним детям Нуралы-хана», — указывала Коллегия иностранных дел [41]. Таким образом, царское правительство уже соглашалось утвердить ханскую власть любого султана из числа родственников хана Абулхаира.

В обстановке нараставшего недовольства ханской властью в Младшем жузе и усиливающегося вмешательства царизма во внутренние дела жуза хану Нуралы пришлось в 1770 г. выпрашивать второй патент, утверждающий его в ханском звании. При этом Нуралы мотивировал свою просьбу тем, что ранее выданный ему патент устарел, а он, верноподданный, «в самом деле имеет усердие получить от царствующей государыни патент, утверждающий его в ханском достоинстве» [42]. Такой шаг Нуралы был попыткой обновить и укрепить власть, утратившую свою социальную базу.

Кризис ханской власти в Младшем жузе стал особенно очевидным в 80-х г. В эти годы возмущение произволом Нуралы, земельными ограничениями царского правительства и всей системой феодально-колониального гнета вылилось в массовое национально-освободительное движение под предводительством батыра Срыма. Причины, характер, движущие силы и результаты этого движения достаточно полно освеще-

---

[40] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/2, 1744—1782 гг., д. 10, л. 178—180.

[41] Казахско-русские отношения..., с. 686—687.

[42] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1791 г., д. 1, л. 7.

ны в монографии М. П. Вяткина [43]. Нас же интересует вопрос о том, в какой степени это движение оказало влияние на положение ханской власти.

Следует отметить, что одним из требований восставших было отстранение Нуралы от ханской власти. В своем донесении Екатерине II генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничества О. А. Игельстром писал: «Скопище неспокойно живущих только для того собрались и нашу линию беспокоют, чтоб тем выразить неудовольствие народное противу хана и иметь случай точно оное изъявить» [44]. Правда, здесь дана односторонняя оценка требований восставших, но она заслуживает внимания, в частности, потому что старшины, выступавшие против ханской власти Нуралы, старались использовать эти требования восставших в своих интересах. В переписке с царским правительством старшины выражали полное «единодушие» в желании избавиться от ханской власти Нуралы. В прошении, посланном Екатерине II в июле 1785 г., они писали: «Мы, простой народ Малой орды киргиз-казахского журта, люди все, исключая хана и начальства.... все в одинаковом положении и с равным единодушием единодушно обещали: ни в коей мере не оспаривать и не сопротивляться повелениям и ярлыкам ее величества падишаха, если будут отстранены от ханства дети Абулхаир-хана и не будут приниматься во внимание все письма Нур-Али-хана... Если вы не отстраните детей Абулхаир-хана от ханства, у нас и с вами не будет мира и спокойствия» [45].

Ознакомившись с этими претензиями старшин, О. А. Игельстром на первых порах занял выжидательную позицию. Видимо, он еще сомневался, будут ли старшины достаточно последовательными и активными в своей оппозиции по отношению к хану. Игельстром спрашивал императрицу: «Поддержать ли власть ныне управляющего хана или, не вмешиваясь в их дела, быть только зрителем?» [46]

В свою очередь, Нуралы жаловался императрице: «Находящиеся ныне в Оренбурге начальники о происходящих киргиз-кайсацких делах не только со мной не советуются, но еще меня самого как бы участником ворам и злодеям делая и я якобы старания не имею, чинят выговоры и управляя по своему разумению, хороших с худыми не различают, отчего воры и злодеи усиливаются» [47].

Между тем в царском правительстве созревали планы укрепить свое влияние в жузе путем внедрения в его управление аппарата собственной администрации. Еще в 1783 г. ста-

---

[43] См.: *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М.—Л., 1947.
[44] Материалы по истории Казахской ССР, т. 4. М.—Л., 1941, с. 57.
[45] Там же, с. 53.
[46] Там же, с. 57.
[47] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/3, 1784, д. б/н, л. 6 об.

вился вопрос об учреждении пограничного суда в Оренбурге, «в котором бы обоюдных сторон ссоры разбираемы были» [48]. Пограничный суд, являясь органом управления жузом, должен был выполнять обязанности прокурорского надзора. Так царское правительство на первых порах пыталось приблизить управление степью к общеимператорской системе управления. Рассуждая об учреждении пограничного суда, Игельстром утверждал, что прибывшие к нему от старшин депутаты согласны с этим мероприятием, «дабы не быть зависимыми от хана, отделяя только ево от управления народом, почему сим посланникам общий суд и кажется приятным» [49]. Это заявление свидетельствует о том, что старшины стремились отнять у хана судебные функции и тем самым ослабить его власть.

Если царское правительство смотрело на организацию «расправ» как на средство усиления своего влияния в Казахстане, то возглавлявший национально-освободительное движение в Младшем жузе батыр Срым и его сторонники — старшины смотрели на расправы как на средство ослабления власти хана и султанов и усиления власти старшин. Правительство, организуя старшинские органы управления, опираясь на родовую знать, намеревалось ликвидировать ханскую власть Нуралы. Это явствует из указа Екатерины II О. А. Игельстрому от 27 ноября 1785 г., в котором выступает и мотивировка устранения от ханства Нуралы: «Отложение столь многих родов киргизских от повиновения Нуралы-хану нимало не почитаем мы предосудительным для интересов наших... Уже одна оплошность его, потеря им всякой доверенности у народа своего, и, наконец, оказанное им не один раз уклонение от свиданья с предместником вашим делают его для нас неполезным и ненадежным» [50]. Екатерина II заявила: «Конечно, для нас выгоднее будет нынешнее разделение сей орды, особливо же если начальники родов станут привыкать к беспосредственному руководству наших главных там начальников военных» [51]. Правительство настороженно относилось к попыткам собрания старшин выбрать в ханы султана Каипа. Не зная реального соотношения сил в Младшем жузе, императрица приказала «разведать» о Каипе — какого он происхождения, где находится и можно ли на него положиться [52], а через год категорически отказалась утверждать состоявшееся избрание в ханы Каипа. В своем рескрипте от 12 ноября 1786 г. Екатерина II писала О. А. Игельстрому: «Не можем мы ни избрания его в ханы, учиненного некоторыми из родов киргизских, под-

[48] *Добросмыслов А. И.* Тургайская область, т. 1, вып. 1, Оренбург, 1900, с. 181.

[49] Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 57.

[50] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/3, 1785 г., д. 2, л. 2—2 об.

[51] Там же, л. 2 об. — 3.

[52] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/3, 1785 г., д. 2, л. 3 об.

тверждать, ни позволить, чтоб кто-либо другой в сие достоинство выбран был» [53]. Однако в целях усиления зависимости управления хана от царского военно-бюрократического аппарата была сделана следующая оговорка: «Не буде бы необходимость обстоятельств потребовала достоинство хана в орде возстановить, то и в таком случае полезнее держаться прежнего мнения об умножении их числа и чтоб каждый из таковых ханов не был силен в орде и зависел от вас, как и прочие, подчиненные вам в губернии и по уездам» [54].

После избрания в ханы Каипа Нуралы под натиском восставших был вынужден бежать под защиту царских властей, а в начале июня 1786 г. Екатерина II подписала рескрипт об отстранении Нуралы от ханской власти.

Отстранением от власти Нуралы была решена первая задача, стоящая перед национально-освободительным движением, после чего встала не менее важная задача — найти новые формы организации государственной власти. Большинство старшин считало, что нужно сохранить ханскую власть, но поставить нового хана в такие условия, которые гарантировали бы старшинам политическое господство внутри жуза. На это ясно указал О. А. Игельстром в своем донесении Екатерине II от 10 мая 1786 г.: «Отложившиеся от хана старшины и народ не все единогласно желают быть совсем без хана; но клонится желание их более к тому, чтоб не иметь только нынешнего, а впредь выбрать такого, который бы в орде еще менее теперешнего власти имел по особе своей... Дабы отделить власть достоинства от особы его, имеют желание учредить при нем из лучших старшин трех начальных родов совет» [55].

Екатерина II решительно отклонила предложение Игельстрома согласиться на выборы нового хана при условии учреждения при нем совета [56]. По-видимому, правительству была уже ясна безнадежность ориентации на хана.

10 мая 1786 г. О. А. Игельстром представил проект нового административного устройства, а в 1786—1787 гг. были организованы новые органы власти — пограничный суд в Оренбурге и «расправы» внутри Младшего жуза. Эти мероприятия царизма вошли в литературу под названием «реформы Игельстрома». Сущность «реформы» заключалась в ликвидации ханской власти в Младшем жузе. Она представляла также попытку распространить общие губернские учреждения на казахскую степь.

Однако эти нововведения оказались нежизненными. Пограничный суд бездействовал, расправы ни разу не собирались [57].

Проведение реформы натолкнулось на упорное сопротивление султанов, права и власть которых ущемлялись учреж-

[53] Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, докл. 16, с. 76.
[54] Там же.
[55] Там же, с. 72.

дением новых органов управления. Жалуясь на бездействие султанов, О. А. Игельстром доносил императрице: «Ни единый из них не приступил к сему новому преобразованию орды, видев власть правления своего народом чрез оное уничтожение и в руки самого народа отданную и почитая себя безмерно обиженными и уничтоженными» [58]. Кроме того, как говорилось выше, старшины не отказались от восстановления ханской власти.

Попытка русского правительства ликвидировать ханскую власть в конце XVIII в. не увенчалась успехом. Это произошло потому, что у правительства не было надежной опоры внутри жуза как среди султанов, так и старшин. Наконец, влияние царизма в это время в Младшем жузе не было настолько сильным, чтобы сломать издавна сложившуюся систему управления. Еще не созрели необходимые условия для ликвидации ханской власти. Выражая крушение надежд просвещенного абсолютизма, дореволюционный исследователь истории казахов А. И. Добросмыслов писал: «Мы хотели водворить правду и милость ранее, чем было введено какое-либо административное устройство в киргизских степях» [59].

Правительство поняло беспочвенность «реформы» Игельстрома. После неудачных попыток ликвидировать ханскую власть оно восстановило ее. В 1791 г. был назначен в ханы султан Ералы (брат Нуралы), наиболее непримиримый противник старшинской группировки. Восстанавливая ханскую власть в Младшем жузе, правительство отнюдь не стремилось сохранить ее здесь навсегда. Теперь оно сделало ставку на слабых ее представителей, способных только дискредитировать самую идею ханской власти.

Аналогичная политика в отношении ханской власти проводилась и в Среднем жузе. Для решительного ослабления института ханской власти в этой части Казахстана царское правительство решило утвердить кроме Вали еще одного хана, из султанов, не принадлежавших к потомкам Аблая. Выбор царской администрации остановился на престарелом султане Букее, потомке знаменитого Барака, в свое время убившего хана Младшего жуза Абулхаира. В 1812 г. Букей был вызван в Омск и после переговоров с царской администрацией назначен ханом части Среднего жуза. Он распространял свою власть в основном на владения крупного родового объединения найман. Это мероприятие, несомненно, явилось крупным шагом в деле укрепления власти царского правительства в

---

[56] Там же, с. 76.

[57] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, ч. 2. Спб., 1832, с. 304.

[58] Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 101.

[59] *Добросмыслов А. И.* Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. — Учен. зап. Казанского университета, 1904, № 7—8, с. 13.

Среднем жузе. Однако система раздела Среднего жуза между двумя ханами просуществовала недолго; в 1817 г. умер хан Букей, а второй хан Вали скончался два года спустя.

Царское правительство, к этому времени уже в значительной степени прибравшее к своим рукам местную власть и право утверждения ханов, решило не назначать нового хана. В официальном документе особо подчеркивалось, что «избрание нового хана до времени отклонить... Ни в коем случае не должно допускать, чтобы султаны и старшины сами собою без дозволения и без руководства нашего приступили к выбору хана» [60].

Внутриполитическая обстановка как в Среднем, так и в Младшем жузе сложилась для царского правительства исключительно благоприятно для того, чтобы приступить к ликвидации политической самостоятельности обоих казахских жузов. Ставшая в дальнейшем марионеткой царского правительства, ханская власть окончательно потеряла авторитет в глазах родовой знати и народных масс. В первой четверти XIX в. ханская власть была ликвидирована [61].

Рассматриваемый период был последним этапом существования института ханской власти в Младшем и Среднем жузах. Кризис ханского правления, наблюдавшийся с середины XVIII в., оказался неотвратимым. Отдельные попытки представителей «белой кости» восстановить ханскую систему правления (движения Арынгазы в Младшем жузе, Кенесары и Саржана в Среднем жузе) потерпели неудачу. В конечном итоге они могли лишь несколько продлить существование ханской власти, но ни в коем случае не спасти от окончательной гибели. Ибо падение института ханской власти было предопределено всем ходом развития социально-экономических и политических отношений внутри самого казахского общества и являлось симптомом устойчивых внутренних изменений. Под влиянием новых элементов в социально-экономических отношениях Казахстана, возникших после присоединения Младшего и Среднего жузов к России, разрыв между ханской властью и обществом не уменьшался, а, наоборот, возрастал.

В окончательном низвержении старой системы власти решающую роль сыграли три силы: борьба народных масс, направленная на ликвидацию этой системы (восстание казахов Младшего жуза под руководством С. Датова (1783—1797 гг.), восстание казахских шаруа в Букеевском ханстве (1836—1837 гг.); политика царского правительства, преследовавшая цель сначала использовать ханскую власть в своих интересах, а затем уничтожить ее; сепаратизм султанов и крупных представителей знати, усугублявший кризис ханской власти.

---

[60] Казахско-русские отношения... (1771—1867 гг.). Алма-Ата, 1964, с. 182.

[61] Более подробно об этом см.: *Зиманов С. З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата, 1960, с. 143—216.

В. К. Шуховцов

ПИСЬМЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ГОРОДА ТУРКЕСТАНА

При общей малочисленности письменных источников по истории Южного Казахстана XIX в. любые новые данные, вводимые в научный оборот, имеют значительную ценность. Тем больший интерес представляет богатый комплекс хозяйственных и актовых документов периода Кокандского ханства, обнаруженных недавно в Туркестанском районе Чимкентской области, — первая и пока единственная находка такого рода в республике.

В настоящую публикацию вошли переводы 10 документов Южноказахстанского комплекса [1], имеющих отношение к вакфам мавзолея Ахмада Ясави в г. Туркестане.

До сих пор о вакфных владениях этого крупнейшего в Казахстане культового центра в специальной литературе почти не упоминалось. Судя по нашим документам, эти владения были весьма значительны и обширны и находились не только в самом г. Туркестане и его окрестностях, но и в Ташкенте и Коканде. В материалах архива содержатся важные сведения о состоянии, размерах и правовом положении вакфов мавзолея, порядке управления ими, доходах с вакфной собственности и способах их получения.

В период, предшествовавший русскому завоеванию, вакфная собственность в г. Туркестане приобретает особое значение. Охраняемая авторитетом такой социальной силы, как мусульманское духовенство, эта форма собственности оказывается наиболее устойчивой во всех перипетиях непрекращающихся усобиц «смутного времени». В этих условиях передача имущества в вакф с сохранением права распоряжения им (*тавалли́йат*) за прежним владельцем является, по существу, гарантией от посягательств на это имущество со стороны часто сменяющихся правителей.

---

[1] Предварительное сообщение об этом комплексе см.: *Кумеков Б. Е., Настич В. Н., Шуховцов В. К.* Письменные документы из Южного казахстана. — Вестник АН КазССР, 1977, № 8, с. 70—73.

С другой стороны, пожертвование в вакф без закрепления таваллийата за жертвователем, т. е. безвозмездную передачу имущества в собственность мавзолея, можно рассматривать как одну из форм расчетов между учредителем такого вакфа и верхушкой мусульманского духовенства, существовавшего при мавзолее, причем формой, весьма выгодной последним, поскольку вакфные владения пользовались налоговым иммунитетом. Такой тип вакфа зафиксирован в публикуемом ниже документе Т-27п.

Однако подавляющее большинство документированных вакфов представляет собой так называемый *вакф-и авлад*, таваллийат которого пожизненно закреплялся за жертвователем, а после него — за его потомками. Таковы вакфы, упомянутые в документах Т-1п, Т-4п и Т-23бп.

Своеобразное положение г. Туркестана как крупнейшего религиозного центра в Казахстане и широкая популярность культа Ахмада Ясави создали особую прослойку ходжей, возводящих свою генеалогию к самому «святому» Ахмаду или к его родственникам. Документы архива дают богатый материал для исследования социального состава населения Туркестана XIX — начала XX в., правового положения различных групп ходжей и их иерархии, а также состояния трудящихся масс как в самом городе, так и в прилегающей степи. Подробное исследование и полная публикация документов из г. Туркестана позволят не только нарисовать более точную картину экономической, политической и культурной жизни городского населения Казахстана XIX в., но и по-новому осветить ряд спорных вопросов истории этого района в составе Кокандского ханства и при русской администрации.

В принятой нами системе шифровки архивных документов указываются следующие данные:

1) Место находки (Т — г. Туркестан, А — с. Атабай и т. п.);

2) Порядковый инвентарный номер документа;

3) Язык документа (п — персидский, т — тюркский, р — русский);

4) Составность документа (наличие в одной инвентарной единице двух или нескольких самостоятельных актов: аб — для двух текстов, ав — для трех и т. д.).

По техническим причинам оказалось невозможным дать тексты документов в арабской графике. Поэтому ряд терминов и выражений, перевод которых зачастую условен ввиду слабой изученности среднеазиатской дипломатической терминологии, выносится в арабской графике или поясняется в примечаниях к каждому документу. Такие сноски отмечены в тексте буквами русского алфавита; звездочка перед словом означает начало выносимого выражения. Цифрами отмечены имена и термины, требующие более развернутого комментария, помещенного в конце статьи.

Считаю приятным долгом выразить признательность своему коллеге В. Н. Настичу за большую помощь в расшифровке текстов документов и переводе арабских цитат, клаузул и отдельных терминов. В. Н. Настичу принадлежит также чтение легенд на оттисках печатей.

* * *

Т-262п (рис. 1)

Распоряжение неизвестного правителя от IX.1258/X—XI.1842 г.

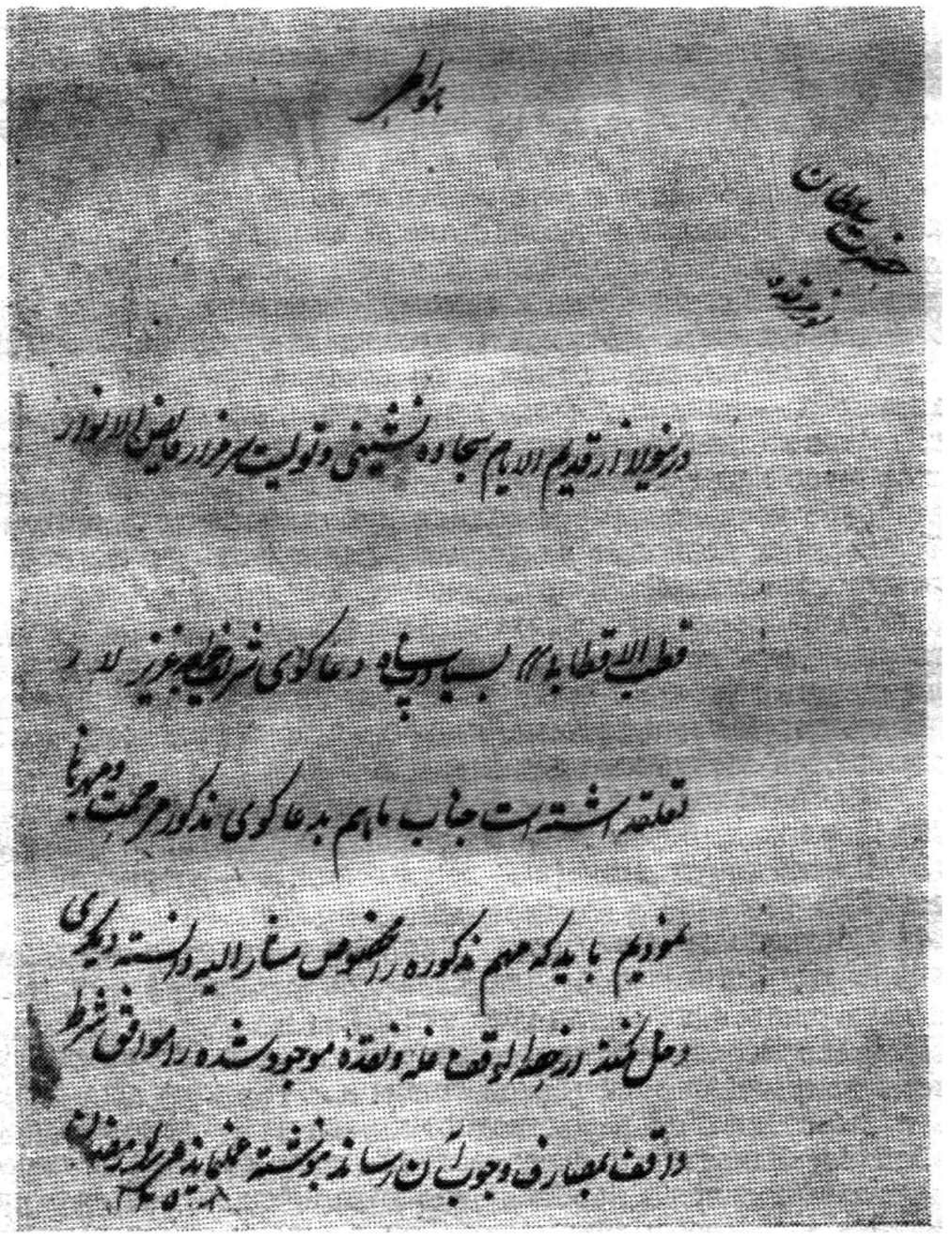

Рис. 1. Документ Т-262п

(1) *Он, живой![а]
(2) *Святой султан[б], (3) да озарится могила его!

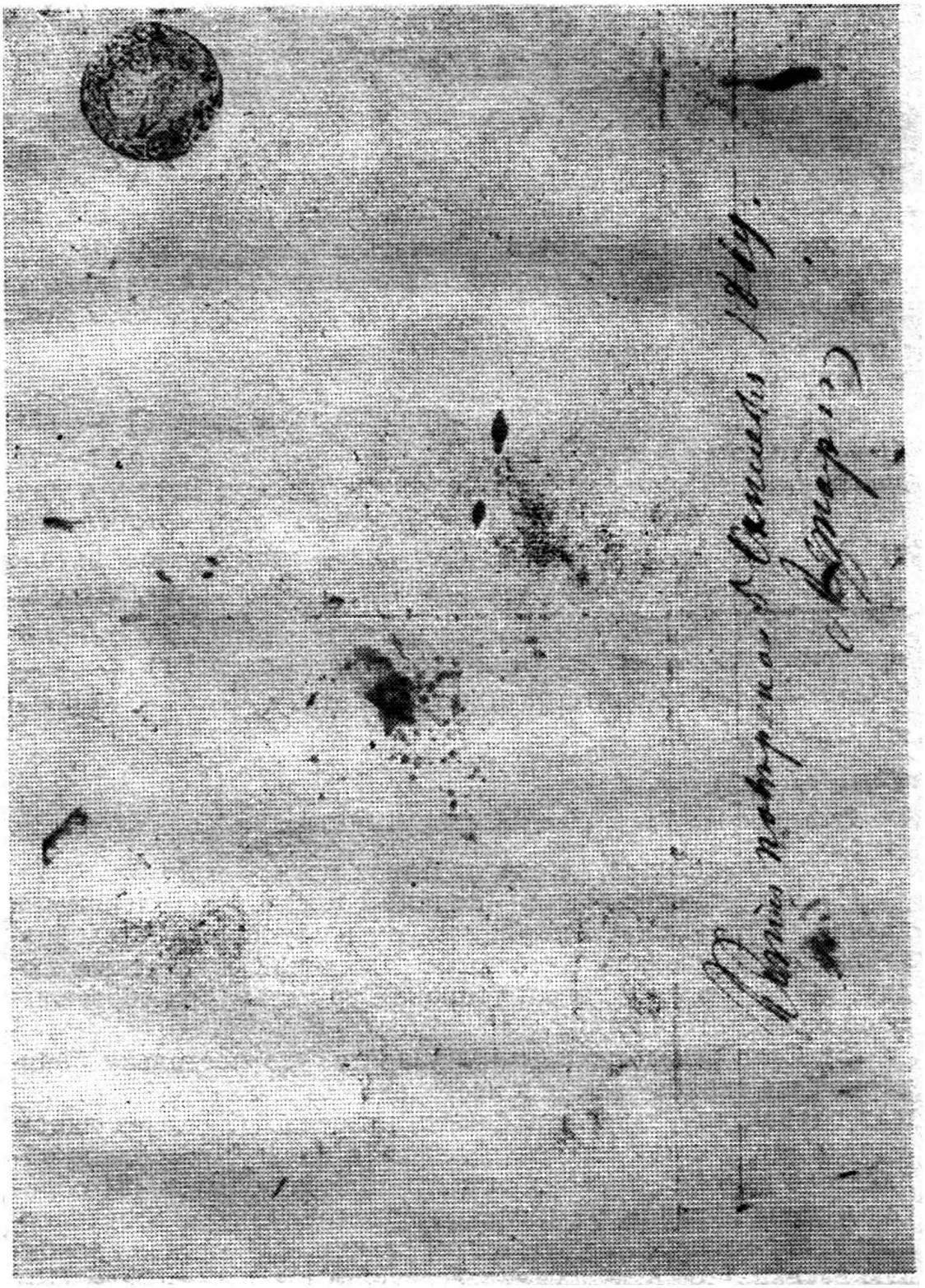

Рис. 2. Печать и надпись на обороте документа Т-262п

(4) *В настоящее время[з]: с давних времен должность саджжада-нишина [1] и таваллийат [2] при изобилующем светом мазаре (5) *полюса полюсов[г] прибежищу сейидского достоинства и доброжелателю Шариф-ходже ʻАзизлару [3] (6) принадлежат. [И] *Мы[д] также упомянутому доброжелателю ми-

лость и благоволение (7) оказали: следует, чтобы, признавая упомянутое важное дело за вышепоименованным, никто другой (8) не вмешивался.

Из его доли вакфа [4], будь то зерно или наличные деньги, в соответствии с условием (9) *учредителя вакфа[е] [пусть он] по необходимости тратит.

Поступайте, как написано. В месяце рамазане 1258. На обороте документа — круглая печать с легендой по-арабски: **Приказ ради справедливости*. 1256* [5] и надпись коричневыми чернилами по-русски: *Копія повторена 5 Октября 1869. Арна...* (неразборчивая подпись) [6] (рис. 2).

Примечания:

а) هو الحى — инвокация, обращенная к богу. б) حضرت سلطان (полная форма: حضرت سلطان العارفين *Святой султан знающих*) — распространенный титул Ахмада Ясави, в данном случае играющий роль своеобразного адреса послания. в) درين ولا (чаще в форме درينولا) — стандартное начало «малых» ханских ярлыков в отличие от «больших», которые начинаются фразой ابو المظفر والمنصور ... سوزميز *Абӯ-л-музаффар ва-л-мансӯр*... [имя хана], *наше слово*! г) قطب الاقطاب — один из эпитетов Ахмада Ясави. д) جناب ما. е) واقف. ж) الحكم بالعدل.

Т-61п (рис. 3).

Распоряжение Малла-хана от I.1276/VIII.1859 г.

*Султан знающих, да озарит Аллах могилу его![а]

(1) В настоящее время — хакимам высокопоставленным, и казиям, (2) и уважаемым улемам, и накибу ишану 'Алиакбар-ходже, (3) и *шейхам[6], чей голос решающий, и *знатным людям, (4) и простому народу[в] города Туркестана, да убережется он от бед и несчастий!

(5) Став осведомленными,[г] узнайте, что поскольку *примерно[г] два танаба [7] земли и несколько (6) дукканов [8] Кана'атшах парваначи [9], сын 'Адилбик-би, искренно (7) перед лицом Аллаха и в поисках милости Аллаха [в пользу] господина обладателя высоких лакабов, святого полюса полюсов (8) обратил в вакф правильный и сделал пожертвованием определенным и, обратившись к уважаемым казиям, (9) составил законную васика, [то] Мы также, действуя по точному смыслу (10) законной васика, [составленной] благородными улемами, приказали, чтобы упомянутые земли с дукканами (11) были обращены в вакф. Жертвователь поставил условие, чтобы кари, которые там есть, читали (12) слово божье и посвящали [его] духу великого святого, а также чтобы доходы с этого [пожертвования] (13) использовались на ремонт того, что разрушилось в [усыпальнице] великого святого.

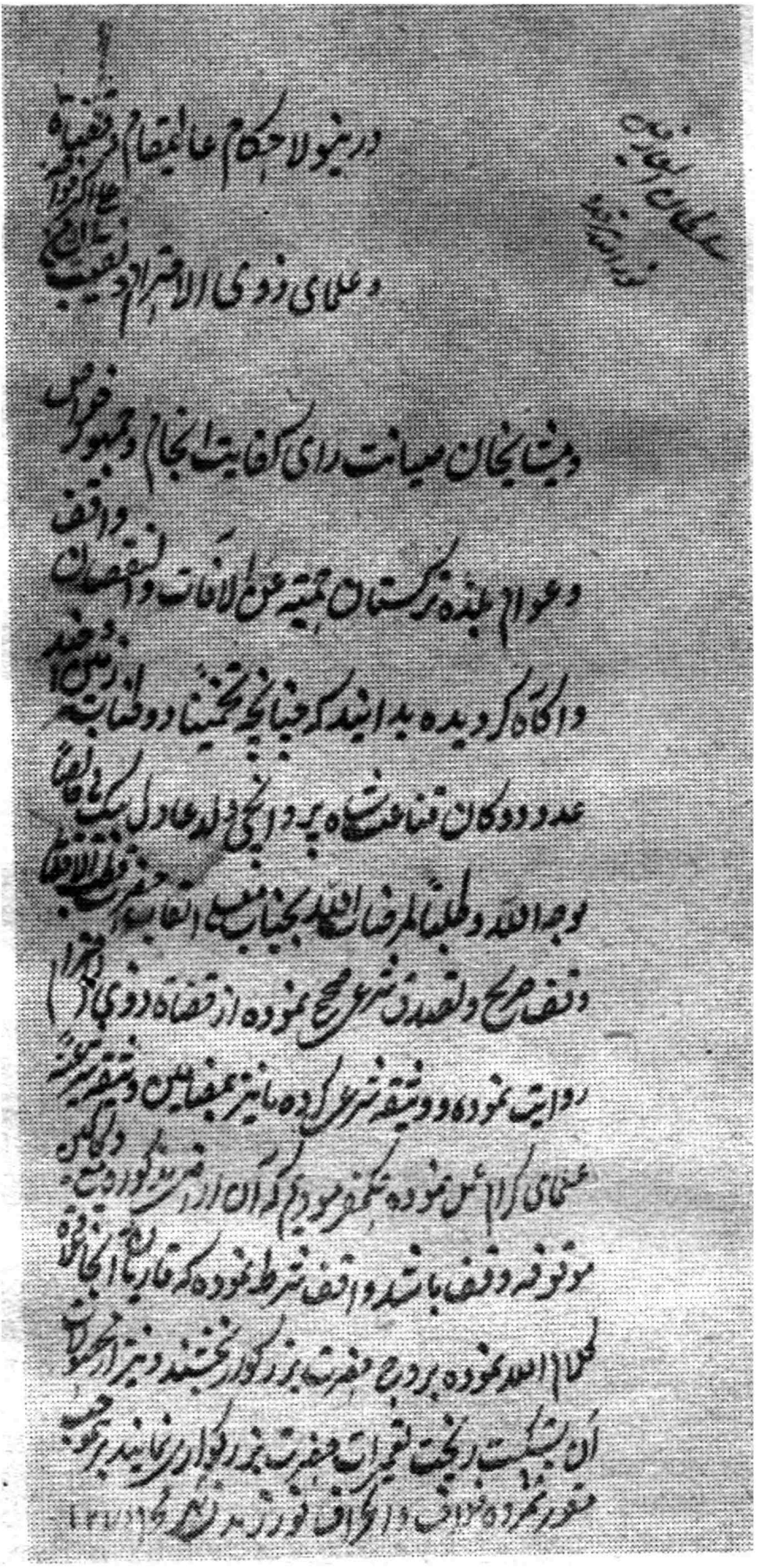

Рис. 3. Документ Т-61п

Считая сие (14) утвержденным, не препятствуйте и не противодействуйте. В месяце мухарраме 1276.

Печать с легендой: *Малла-бахадур-хан б. Сейид Шир-Мухаммад'Али-хан. 1275* (рис. 4).

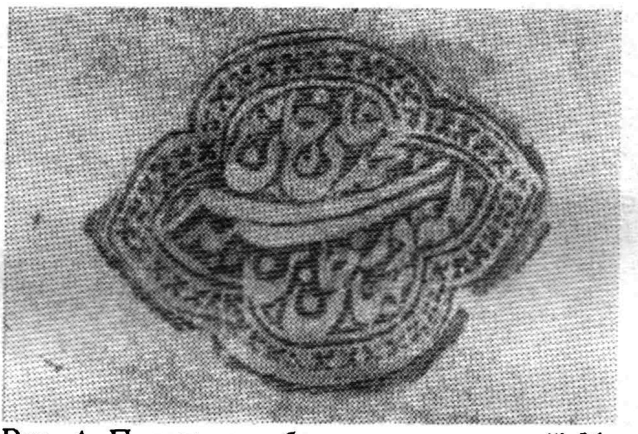

Рис. 4. Печать на обороте документа Т-61п

Примечания:

а) Вынесено на поля справа; см. прим. «б» к док. Т-262п. б) مشايخان. в) جمهور خواص وعوام. г) تخمينـــا.

Т-27п/аб

Васика и фатва об учреждении вакфа от VIII.1276/III. 1860 г.

а) **Васика** (рис. 5).

(1) В месяце ша'бане года 1276 — тысяча двести семьдесят шестого совершено: *заявление ясное, определенное, заслуживающее доверия, законное сделал[а] Ирис-бай, (2) сын Хайит-бая *калласа[б], *[находясь] в состоянии дееспособности и правомочности своих распоряжений, добровольно и по собственному желанию[в] о нижеследующем:

«Я, заявитель, обратил в вакф и пожертвовал по закону (3) *из лучшей движимой и недвижимой собственности[г] участок земли в следующих границах: на востоке полностью примыкает к милку муллы Баба- (4) хатиба, сына муллы 'Ашура; на юге полностью примыкает также к милку муллы Баба-хатиба; на западе полностью примыкает к милку Мухаммада, сына Халбая-карванбаши; (5) на севере полностью примыкает к милку Тилаб-суфи. Линии разграничения на всех этих границах имеют ясное обозначение. [Площадь участка —] приблизительно (6) два танаба. Искренно пред лицом Аллаха, в поисках милостей Аллаха, [надеясь на] спасение от мучительных страданий и вознаграждение от него (Аллаха), [пожертвовал я этот участок] Султану знающих и Бурхану (7) истинно верующих, полюсу небес наставления [на путь истины] и центру круга руководства, святому ходже Ахмаду Йасави, да будет милость Аллаха над ним и над другими из бедняков-мусульман!»

Рис. 5. Документ Т-27п/а

(8) И поставил условием упомянутый жертвователь, чтобы мутавалли и распорядителем этого вакфа был прибежище сейидского достоинства и величие избранничества, средоточие учености, [являющий] совершенство происхождения (9) из

потомков упомянутого великого [святого] Шариф-ходжа 'Азизлар, старший и любимый сын * Бихбуд[д] -ходжи 'Азизлара, а после Них — тот (10) из Их потомков, кто будет самым набожным и благочестивым, — поколение за поколением, век за веком; и чтобы упомянутый мутавалли (11) тратил урожай с этой земли на расходы по халвату [10].

И кази-ислам, приговоры и решения которого обязательны [к исполнению], *обладающий соответствующим знанием в данной области, будучи осведомлен в пункте разногласий (12) в процессе законной тяжбы[е] в отношении того, что этот участок был определен и описан, постановил, во-первых, о правильности этого вакфа, и затем о его благородности. (13) И стал этот участок вакфом обязательным, имеющим силу, законным, на том [условии], что он не подлежит ни продаже, ни дарению, ни передаче в махр, ни передаче из милка в милк.

В этом заключается событие, (14) которое записано, чтобы при нужде и необходимости стало проясняющим положение и подтверждающим сказанное. Совершено в присутствии добросовестных свидетелей.

Печать с легендой: *Бахāваддīн-ходжа кāзī калāн б. Хусейн-ходжа кāзī 'Алавī*, без года.

Имена свидетелей: **Присутствующие в собрании*[ж] *Асгар-ходжа, Сейид-ходжа, Утиб-бī, Султāнбāй-пахлавāн, Сейид-хāджī и другие из присутствующих мусульман.*

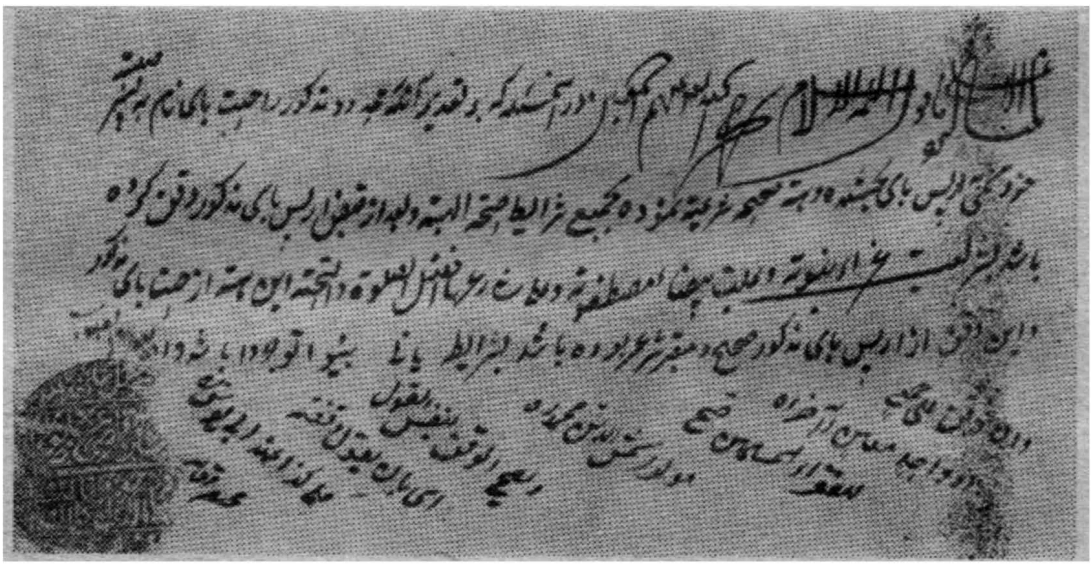

Рис. 6. Документ Т-27п/б

б) Фатва (рис. 6)

(1) *[Да будет] доброе предзнаменование в Его высочайшем упоминании! Вот что сказано имамами ислама, да будет доволен Аллах всевышний всеми ими![з] — в подтверждение того, что упомянутый участок [человек] по имени Хайит-бай

своему родному сыну (2) по имени Ирис-бай пожаловал и подарок правильный по закону сделал с [соблюдением] всех условий правильности дарения. И упомянутый Ирис-бай после получения [этого участка] обратил [его] в вакф (3) по шари'ату пророческому и чистой избраннической вере. На [основании сказанного] * ее (т. е. веры) законодателем, наидостойнейшим молитвы и приветствия[и], этот подарок упомянутого Хайит-бая (4) и этот вакф упомянутого Ирис-бая *являются ли правильными, заслуживающими доверия, законными по условиям его (шари'ата) или нет? Объявите, и да будете вознаграждены [Аллахом]! — Являются, а Аллах всевышний, воистину, знает лучше![к]

Ниже по диагонали:

(1) Если посвящено в вакф группе (2) или одному определенному [лицу] * и в конечном счете[л] (3) для бедняков-мусульман, [то это] правильно. (4) «Маулави» Шамс ад-дина Мухаммада, да будет доволен им Аллах! (5) О правильности вакфа [сказано] теми же словами, (6) то есть словами: «Посвящение в вакф такому-то...» — у Абу Йунуса, да будет доволен им Аллах! (7) «Мухтасар-и викайа» [11].

Печать с легендой: *Бахāваддӣн-ходжа кāзӣ калāн б. Хусейн-ходжа кāзӣ 'Алавӣ,* без года.

Примечания:

а) اقرار صريح صحيح معتبر شرعى نمود... — формула, характерная для документов типа васика, составлявшихся в виде заявления о какой-либо сделке (продаже, аренде, займе, пожертвовании и т. д.). б) كلّاس — ремесленник, изготавливающий известь. в) حال جواز اقراره ونفاذ جميع تصرفاته طايعًا وراغبًا على نفسه[شرعًا] — арабская клаузула, также типична для васика. Подробно об этих клаузулах см.: *Чехович О. Д.* Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974, с. 377. г) از اطيب اموال واملاك. д) Написано в форме بى بوت — *Бейбӯт,* правильное чтение восстанавливается по другим документам (Т-179п и др.). е) Формула решения кази. Совершенно не обязательно, кстати, чтобы тяжба действительно имела место. ж) حضار المجلس, выписано монограммой. з) تيمنًا بذكره الاعلى ما قوله ائمة الاسلام رضى الله تعالى عنهم اجمعين — стандартный зачин документов типа фатва; обычно выписывается сложной монограммой (араб.). Расшифровка и перевод В. Н. Настича. и) Т. е. Мухаммадом. к) Обращение к присутствующим улемам и их ответ. Возможно, что и за этой формулой (с. прим. «е») нет никакого реального содержания. л) وآخره (sic!).

Т-179п (рис. 7)

Иск о возмещении затрат на ремонт вакфного владения. (После 1282/1865—66 г.)[12]

(1) Шестьдесят тилла, *обращающихся в настоящее время[a], по приказу *сих присутствующих[6] на ремонт разрушившегося в одном сарай[13] — вакфе святого Султана (2) знающих, я потратил.

Рис. 7. Документ Т-179п

(3) Предъявляю иск я, *сей истец[в] Баба-ходжа, сын Бихбуд-ходжи ʻАзизлара, к сим присутствующим: ишану Шариф-ходже, сыну Бихбуд-ходжи ʻАзизлара (4) и Фатхуллах-ходже шейх ал-исламу, сыну Насруллах-ходжи шейх ал-ислама, [одному из] наследников его — лично со своей стороны и представительствуя от имени других наследников, (5) [пусть он] ответит; и к ʻАбдаллах-ходже, сыну ʻАлиакбар-ходжи накиба, — в том отношении, что сии присутствующие являлись му-

тавалли *одного сарай[г] — (6) вакфа святого Султана знающих, а я, истец, был *арендатором[д] вакфного сарай. Сии присутствующие мне, истцу, (7) отдали распоряжение о ремонте разрушенного в упомянутом вакфном сарай. После распоряжения сих присутствующих сумму в шестьдесят тилла, обращающихся в настоящее время*, [из] своих собственных средств[е] (8) [я] потратил на ремонт; по закону мне положено возмещение упомянутой суммы. Требуется от сих присутствующих, чтобы сумму в шестьдесят тилла, обращающихся в настоящее время, (9) упомянутую выше, за то, что упомянуто, [мне] отдали; *[они же] возражают[ж]. Прошу Вас, *Ваше степенство[з], поскольку Вы являетесь кази-исламом, прикажите (10) сим присутствующим, чтобы они возместили упомянутое то, что требуется.

— По шари'ату чистому пророческому этот иск да будет выслушан! [Согласно ли это] с условиями его (шари'ата) или нет? — Да будет [выслушан]!

Печать с легендой: *Кул Ахмад-ходжа а'лам б. Хāлмухаммад-шейх 'Азīзлāр.* 1282».

Ниже печати приписка:

(*араб.*) Возвращается [затраченное] действующему по приказу в любом случае, то есть было ли заключено условие о возвращении или нет. «Фусул-и 'имади».

(*перс.*) До уплаты затраченного Насруллах-ходжа шейх ал-ислам умер; наследство — за наследниками его. Наследниками стали Фатхуллах-ходжа и другие. Следует, чтобы от своего имени и представительствуя от имени остальных наследников, [он] ответил [14].

Примечания:

а) رايجه الوقت. б) محضرون هولاء — под этими словами в исковых документах обычно подразумеваются ответчики. в) مدعى هذا. г) يكباب سراى. Слово يكباب часто встречается в документах в значении нумератива для строений, усадеб и т. п. д) مستأجر. е) حق وملك خودرا. ж) متمردانند. з) حضرت شما.

Т-1п (рис. 8)

Утверждение прав на таваллийат от I.1284/V. 1867 г.

(1) В священном месяце мухарраме года 1284 совершено: покойный 'Азиз-парваначи [15] правильно и по закону зарегистрировал вакф на половину сарай, находящегося в городе Ташкенте. (2) В [посвященной] этому *вакфной грамоте[и] упомянутый *жертвователь[6] назначил законными мутавалли после его смерти своих детей. *В течение своей жизни[к] упомянутый жертвователь сам был мутавалли. Сейчас (3) у упо-

мянутого жертвователя не осталось детей мужского пола, а остались дочери. Улемы Приятного Коканда, основываясь на сказанном великими улемами [16], дочерей 'Азиза-парваначи (4) назначили законными мутавалли, как об этом ясно свидетельствует подпись и печать кази-ислама Приятного Коканда. Дочери законного мутавалли (5), со своей стороны, назначили

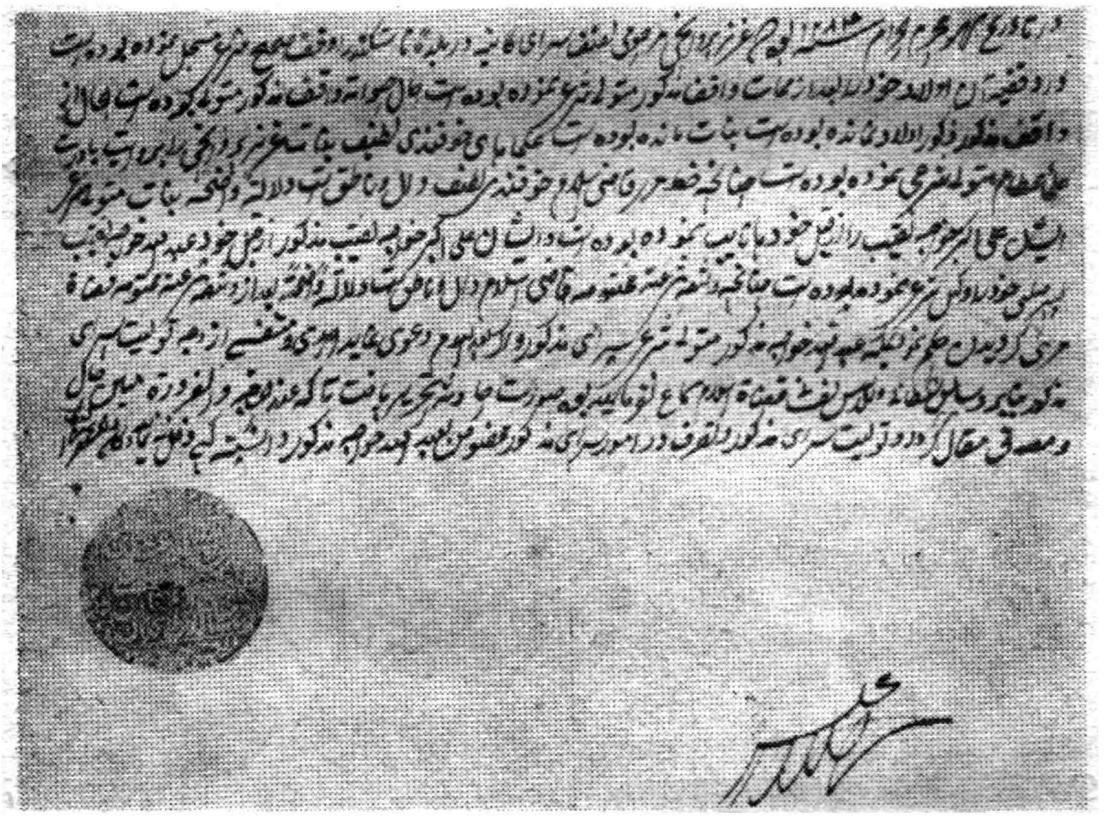

Рис. 8. Документ Т-1п

своим *заместителем[г] ишана 'Алиакбар-ходжу накиба, а упомянутый ишан 'Алиакбар-ходжа накиб, со своей стороны, 'Абдаллаха-ходжу накиба, (6) своего родного сына, сделал своим законным *представителем[д], как об этом ясно свидетельствует законная васика, скрепленная печатью кази-ислама. После рассмотрения законной васика, скрепленной печатями казиев, (7) мы постановили, что упомянутый 'Абдаллах-ходжа является законным мутавалли упомянутого сарай; и если впоследствии кто-либо предъявит иск в отношении (8) таваллийата упомянутого сарай, *искушаемый шайтаном и эгоистическим побуждением[е], то кази-исламы [этот иск] да не слушают!

В этом заключается событие, которое записано, чтобы при нужде и необходимости стало проясняющим положение (9) и подтверждающим сказанное. А таваллийат упомянутого сарай следует признавать за упомянутым 'Абдаллах-ходжой, и никто *да не вмешается [в его дела][ж]. Совершено в присутствии добросовестных свидетелей.

Печать с легендой: *Бахāваддūн-ходжа кāзū-калāн б. Хусейн-ходжа кāзū 'Алавū*, без года.

Справа внизу: **Присутствующие в собрании*[з] (имена свидетелей отсутствуют).

Примечания:

а) وقفيه . б) واقف . в) حال حيواته . г) نايب . д) وكيل . е) بنابر حضار . з) دخل نكند . ж) وسايس شيطانى وتلاسس نفسانى المجلس (монограмма).

Т-4п (рис. 9).

Утверждение нового мутавалли вакфного владения взамен отсутствующего от V.1284/IX.1867 г.

(1) В месяце джумади первом года 1284 совершено: *некий участок[а], который находится в городе Туркестане, Нармухаммад кушбиги[17] *при жизни[б] пожертвовал по закону в вакф. И некий участок, который находится в городе (2) Ташкенте, Азиз-парваначи также правильно и по закону пожертвовал в вакф изобилующему светом мазару святого Султана знающих, да озарится могила его! И *в вакфных грамотах[в] упомянутые жертвователи назначили своих детей (3) мутавалли.

К настоящему времени упомянутые жертвователи умерли, и мутавалли-дети также умерли и стали *отсутствующими окончательным отсутствием[г].

Принимая во внимание *изменение эпохи[д] в том отношении, что упомянутых мутавалли *ни лично, ни по известиям [о них][е] нет (4) при этом вакфе, а также в том, что их законный душеприказчик также отсутствует, и ввиду исчезновения или отсутствия окончательным отсутствием законного мутавалли согласно зарегистрированной вакфной грамоте, (5) в соответствии со сказанным великими улемами считая отсутствующих законных мутавалли от должности уволенными, вместо них Насруллах-ходжу шейх ал-ислама, Шариф-ходжу Азизлара и Абдаллах-ходжу накиба [мы] назначили законными мутавалли, (6) и упомянутые мутавалли стали *втроем[ж] осуществлять таваллийат двух сарай.

В соответствии со сказанным великими улемами, согласно решению кази-ислама и их *договору[з], скрепленному печатями, который является доказательством относительно их обязательства (7) о равном разделе упомянутого таваллийата и свидетельством об отсутствии у них спорных вопросов в отношении упомянутого и об их взаимном согласии на равный раздел таваллийата, следует, чтобы упомянутые мутавалли, уважая условие жертвователя, поставленное на законном основании, *то, что положено, имеющему на это право предоставили[и], (8) и да вознаградит их Аллах!

Рис. 9. Документ Т-4п

В этом заключается событие, которое записано, чтобы при нужде и необходимости стало проясняющим положение и подтверждающим сказанное. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей.

Печати с легендами:

1. *Бахāваддӣн-ходжа кāзӣ-калāн б. Хусейн-ходжа кāзӣ ʻАлавӣ*, без года;
2. *Махмӯд-ходжа амӣн б. Ислāм-ходжа, [128]3*;
3. *Муллā Бāйходжа амӣн б. Хāнходжа-бāй, 1283*;
4. *Муллā Мухаммад амӣн б. Тӯлеген-бāй, 1283*;
5. *Муллā Бāзāрбāй амӣн б. Джамантāй Туркистāнӣ, 1283*;
6. *Муллā Ишмухаммад муфтӣ б. Муллā Пӣрмухаммад*, без года;
7. *Абӯлхайр-ходжа раʼӣс муфтӣ, *сын[к] Сейид ʻАлӣ-ходжи мутавалли, 1282*;
8. *Джāнтӣ-бӣ б. Утиб-бӣ вāлӣ макāм, 1283.*

Внизу справа — монограмма *Присутствующие в собрании.*

Примечания:

а) محدود كذا . б) حال حيواته . в) در وقفيه آن . г) غايب لغيبت . ж) اثلاثا . д) انقلاب زمانه . е) نمانده از نظر و تعرف . منقطعه . з) عهد نامه . и) حق را بمن له الحق رسانند . к) ولد .

Т-39п (рис. 10)

Расписка о получении земли в аренду для устройства ускуна[18] от I.1286/IV—V.1869 г.

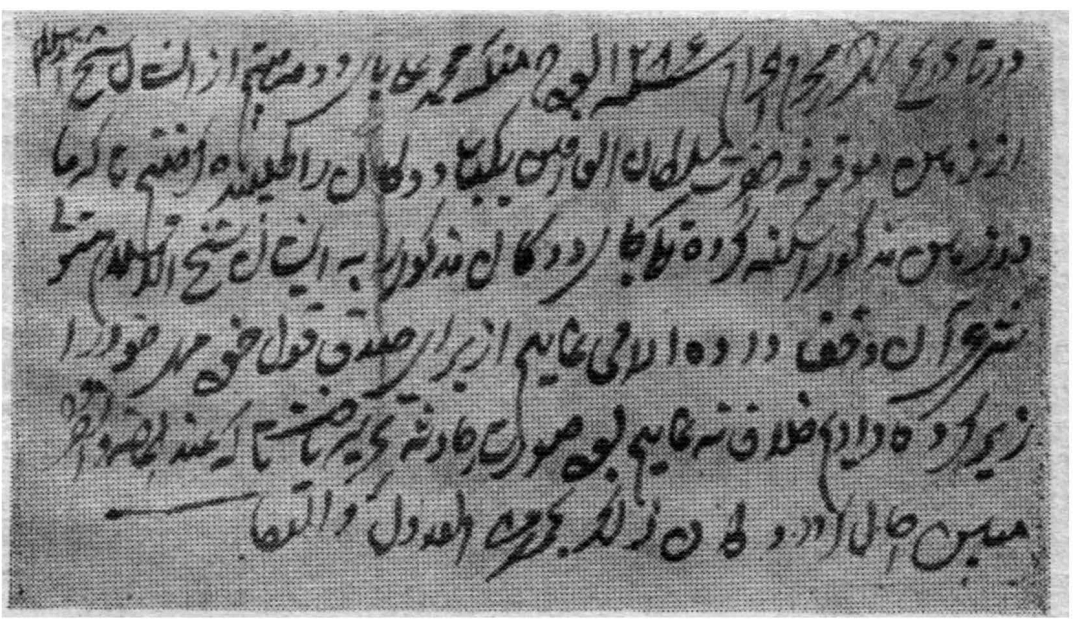

Рис. 10. Документ Т-39п

(1) В священном месяце мухарраме года 1286 совершено: я, Мухаммад ʻАли-бай *даума[а], у ишана шейх ал-ислама (2) *получил[б] из вакфных земель святого Султана знающих один

дуккан, чтобы устроить (3) на упомянутой земле ускуна. [За землю] *под упомянутым дукканом[в] ишану шейх ал-исламу, (4) законному мутавалли этого вакфа, уплачу. Для подтверждения своего слова (5) [я], приложив свою печать, дал [настоящую расписку].

В этом заключается событие, которое записано, чтобы при нужде и необходимости послужило (6) к разъяснению положения. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей.

Нижняя часть документа утрачена, печати и подписи свидетелей отсутствуют.

Примечания:

а) دومه — по всей вероятности, профессиональный или сословный термин; значение не выяснено. б) طلبیده کرفتم. в) تکی دوکان مذکور.

Т-236п (рис. 11)

Письмо — 'ариза о положении дел в вакфных владениях мавзолея, без даты.

(1) Господину моему ишану Ата-ходже мирза[19], (2) да продлится жизнь его!

(3) Доклад господину, соединяющему в себе достоинства (4) внешние и духовные, обнаруживающему совершенства явные и скрытые, превосходнейшему из великих [людей] эпохи, тому, которому доверено возглавлять круг ищущих единения [с богом], (5) господину совершенства и совершенных; почитаемому творцу благородных дел (6) и милостивому покровителю рабов [своих], укрывающему [их] в убежище своего прощения, (7) да станет его судьбой достоинство в обоих мирах!

Господу рабов [сих] хвала и слава, течение дел наших (8) дошло до степени блага и успеха; молимся о здоровье и чести[20].

(9) Во-вторых: от благосклонного взора обладателя благих качеств, будучи явным и очевидным, да не останется (10) тайным и сокрытым, что с тех пор, как [Вы], сказав сему ничтожному: «Эти вакфные дела исполняй, действуя согласно (11) законной вакфной грамоте», уехали, и до сего времени — (12) ничего не получается иначе как вопреки вакфной грамоте. Заслужил [я] (13) сто тысяч упреков и проклятий, стал пленником разнообразных несчастий в этом и в том (14) мирах, и ни в этом, ни в следующем мире не достиг никаких целей. Кроме того, (15) никаких признаков добра и справедливости, [ради] последнего прощения — никаких признаков я [здесь] не нашел, и кроме (16) *интриг[а] — другого дела нет. Во-первых, шейх ал-ислам и *Азизлар[б] (17) твердо и уверенно мне заявили: «Почему ты не делаешь пятничный ха-

Рис. 11. Документ Т-236п

лим [21]?» — Я ответил: (18) «Пока *хозяин вакфа[в] мне не прикажет, все вакфные дела будут в руках мутавалли. (19) За какие деньги я найму людей, чтобы сделать халим?» — сказал я. (20) Рассердившись на меня, он (!) сказал: «Шейх Бадал-дадхох [22] был хакимом, а Рустамбик-дадхох [23] (21) хакимом разве не был? Возьми деньги с дуканов Рустамбика (22) и начинай делать пятничный халим. Ты нас еще не знаешь, что ли, боже сохрани!» — сказал он. //[г] (23) Однако, как сей бедняк (24) ни сопротивлялся, ничего не вышло. (25) Совсем меня запутали, два штрафа (26) на меня наложили; в конце концов, не имея другого выхода, я пошел к (27) кази-калану. Кази сказал: «Я мударрис», (28) и добавляет мне: «Ради своей пользы, — (29) говорит, — начинай делать халим». [И еще он] сказал, что когда приедет хозяин вакфа, (30) то всё будет спрашивать с мутавалли, потому что мутавалли имеет [к вакфу] законное отношение. (31) По этой причине с того времени, как пришел шейх ал-ислам, (32) и до сих пор делаю халим. Денег с упомянутых дуканов также не хватает.

Далее: (33) если по этому поводу будет законное распоряжение, [он] его не примет, (34) поскольку сам является хакимом. Пока не будет *«одушевленного письма»[д], (35) он не примет. Об особенностях здешних старшин Вам известно, и (36) нет надобности говорить.

А еще — те шесть дуканов, [доходы] с которых Вы назначили на ремонт колодца, (37) масло для светильников мечети и дрова для тахарат-хана [24]; (38) с этих дуканов ишан кази тридцать таньга денег (39) взял для Йусуфа Али и израсходовал; одну тилла взял для Арискул-бая. (40) Я по поводу вакфных дров для тахарат-хана (41) встретился с держателями дуканов; «Кази взял», — говорят. В конце концов я ишану кази (42) сказал: «Господин, вы взяли эти деньги, [а они были предназначены] на масло для светильников мечети (43) и на дрова для тахарат-хана», — сказал я; три или четыре раза я повторил, [а он] *вообще на меня (44) внимания не обращает[е]. Опечалившись, сказал я в последний раз. После этого он, разгневавшись, (45) сказал: *«Кто крыша твоего ничтожества?[ж] Иди сначала шейхам запрети, (46) а потом ко мне приходи».

А еще — с другой стороны — *Саримсак[з]-ходжа муфти со мной (47) *ссору заводит[и], что, мол, «кази-калан — мударрис, и я тоже мударрис. (48) Почему ему разрешаешь брать по *сорок девять таньга[к]? (49) Я тоже *выколочу[л] из держателей дуканов по сорок девять таньга!» (50) До тех пор, пока Вы сами, приехав, не найдете масло для мечети (51) и дрова для тахарат-(52) хана, тахарат-хана действовать не будет.

Что еще сказать? (53) Остальное Вы сами знаете. Ассалам (54) алейкум. *Извините[м].

На обороте картуш. с надписью: **Доброжелатель*[и] *мулла Арӣс-ходжа* (рис. 12)

Примечания:

а) تله تله . б) ازیزلار . в) صاحب وقف — значение сомнительно; возможно, имеется в виду жертвователь вакфа, осуществлявший контроль за деятельностью мутавалли. г) Далее текст переходит на поля и продолжается по диагонали в

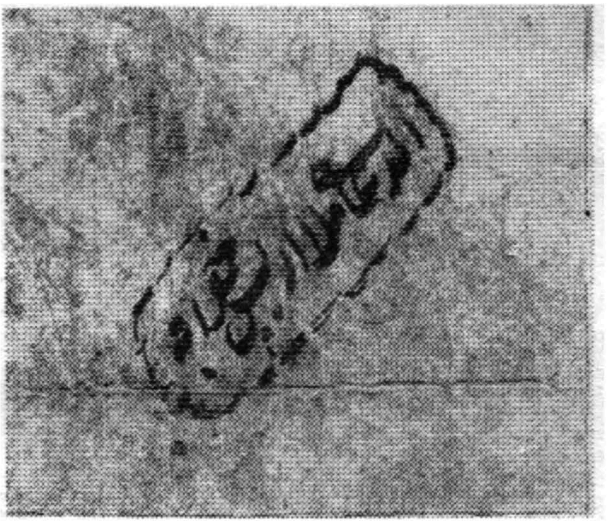

Рис. 12. Надпись на обороте документа Т-236п

обратном направлении. д) خط جاندار — идиоматический оборот, точное значение которого установить не удалось; судя по содержанию следующей фразы, здесь может быть намек на подношение или взятку. е) اصلا بمن دم نمی زند . ж) بام پستك . يككم پنجاه تنكه . к) مناقشه ميكند . и) سرمصاق . з) توكيست . л) زده زده ميكيرم . м) التقصير — стандартное окончание документов типа *'арӣза* — донесения вышестоящему (обычно повторяется трижды). н) الدعاى (ошибочно вместо الداعى).

Т-7п (рис. 13).

Расписка о получении арендной платы от IV.1284/VIII.1867 г.

(1) В начале месяца раби' второго года 1284 — тысяча двести восемьдесят (2) четвертого совершено: *внутри большого сарай[а] сверх арендной платы за одну худжра от Арисбая (3) получено пятьдесят четыре таньга и на ремонт указанной худжра (4) потрачено. Следуст, чтобы тот, кто получит *арендный договор[б] на указанный сарай, (5) до конца месяца не требовал денег за аренду этой худжра (6) у упомянутого Арис-бая.

*[Считать сие] утвержденным[в]. *Издал сие[г] ...

На обороте печать с легендой: *Атӑ-ходжа мӣрзӑ б. Шейх Бадал мӣрзӑ. 1283* (рис. 14)

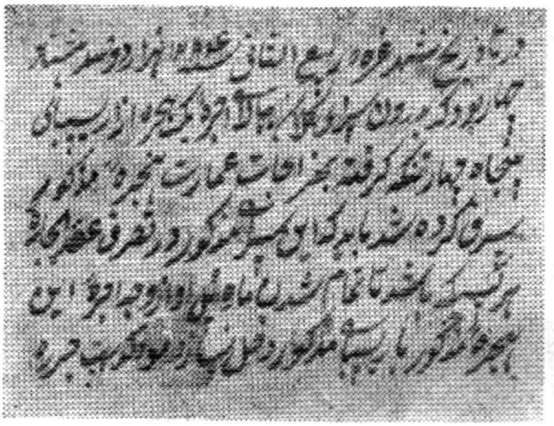

Рис. 13. Документ Т-7п

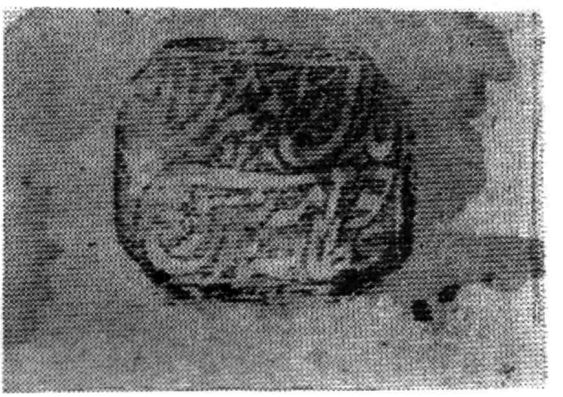

Рис. 14. Печать на обороте документа Т-7п

Примечания:

а) درون سرای کلان. б) عقد ایجاره. в) مؤکد است.
г) حرر — относится к печати и должно читаться вместе с легендой на ней: *Издал сие Атā-ходжа мирзā...*

Т-300п/аб

Договор об аренде вакфного владения от 1300/1882—83 г.

а) Расписка о найме владения в аренду (рис. 15).

(1) *⌐В месяце шаввале¬ года 1¯300¯[а] — тысяча трехсотого совершено: заявление ясное, определенное, заслуживающее доверия, законное сделал в Доме суда (2) города Тур¦кестана *Мулла Кула-бай[б] — волосы светлые, пшеничные, *глаза темно-серые[в], — сын Шах Хитаб-бая Каратигини, [находясь] в состоянии (3) правомочности своих распоряжений, добровольно и по закону, о том, что:

«Я, заявитель, взял в *аренду[г] целиком и полностью (4) нераздельную половину сарай, находящегося в городе Ташкенте, расположенного в махалла Тинджаб по соседству с мадраса Бикларбиги, (5) имеющего ясные границы, пожертвованного в вакф святому Султану знающих — да озарится могила его! — Азизом-парваначи, у законных мутавалли того *высокого господина[д] — (6) Рахматуллах-ходжи накиба, Атахан-ходжи Азизлара и Садуллах-ходжи шейх ал-ислама[25] за упомянутую сумму (7) в пятьсот *целковых[е], обращающихся в настоящее время, на один полный год от указанной даты, *с принятием ими этой суммы*».

А также заявление (8) ясное, определенное, заслуживающее доверия, законное сделал в этом собрании упомянутый заявитель по закону, о том, что: «Взял я у Рахматуллах-ходжи (9) упомянутого сто двадцать *целковых[е], обращающихся в настоящее время, в прошлом году. Теперь [я,] заявитель, с упомянутыми мутавалли (10) рассчитаюсь из доходов упомя-

нутого сарай. Если больше [указанной суммы] будут доходы, то возьму [излишек], а если меньше, (11) то недостающее [до указанной] суммы возвращу упомянутым мутавалли».

Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей.

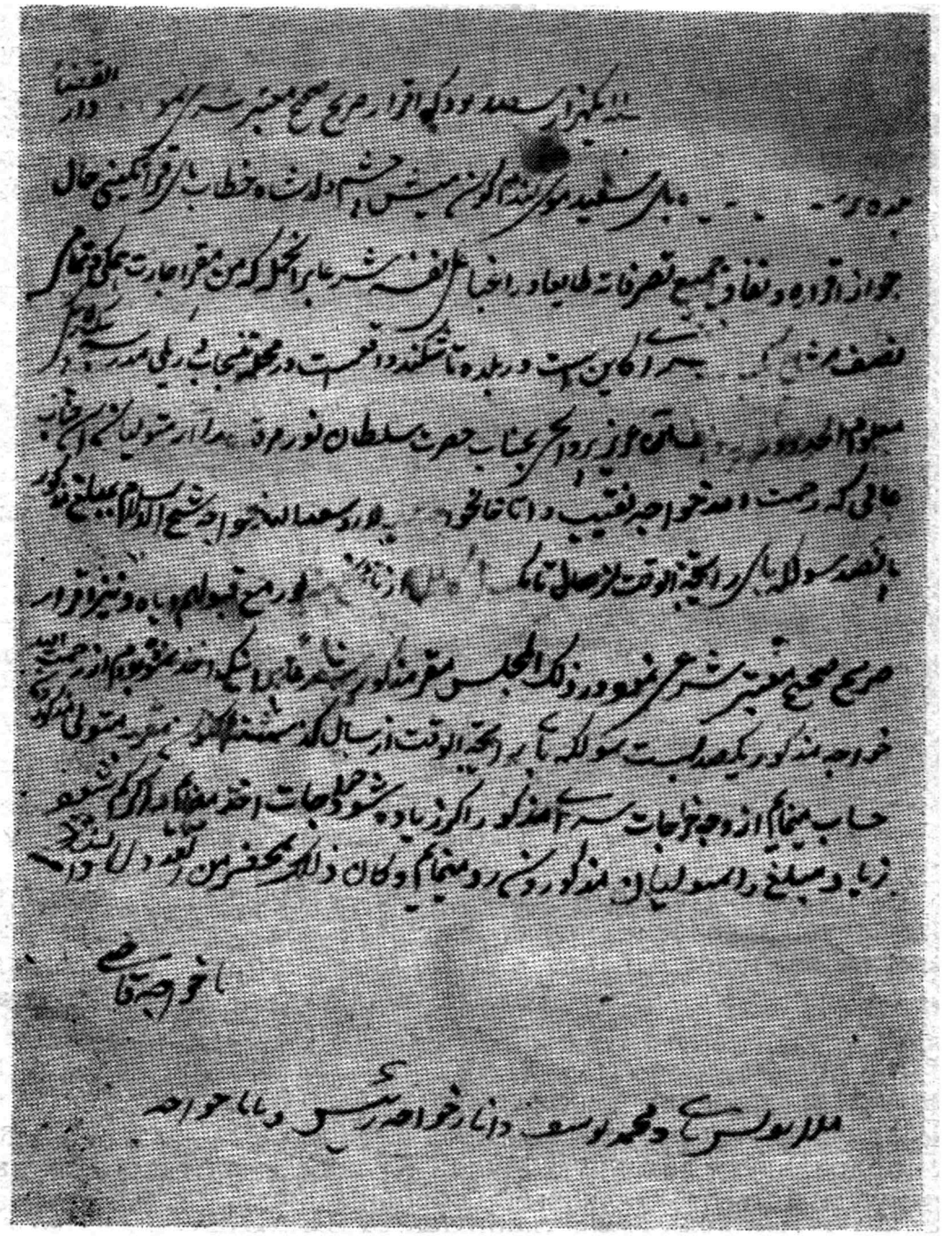

Рис. 15. Документ Т-300п/а

Внизу слева имя *Ātā-ходжа кāзū*» (вместо печати).
Имена свидетелей (в одну строку): *Муллā Йӯнус-бāй, Мухаммад Йӯсуф, Анāр-ходжа ра'ӣс, Бāбā-ходжа.*

б) Документ о сдаче владения в аренду (рис. 16).

(1) Определение границ сарай, который содержит тридцать *худжра, покрытых крышей, с мельницей[а], который расположен в городе Ташкенте в махалла Тинджаб и ограничен (2) такими пределами: на западе частично примыкает к разрушенной тахарат-хана, а частично примыкает к [участку], *оставленному [после смерти][и] Шах-бика; на востоке частично примыкает (3) к *дороге общественного пользования[к], а частично примыкает к оставленному упомянутым Шах-биком; на юге полностью примыкает к дороге общего пользования; на севере полностью примыкает к оставленному упомянутым Шах-биком.

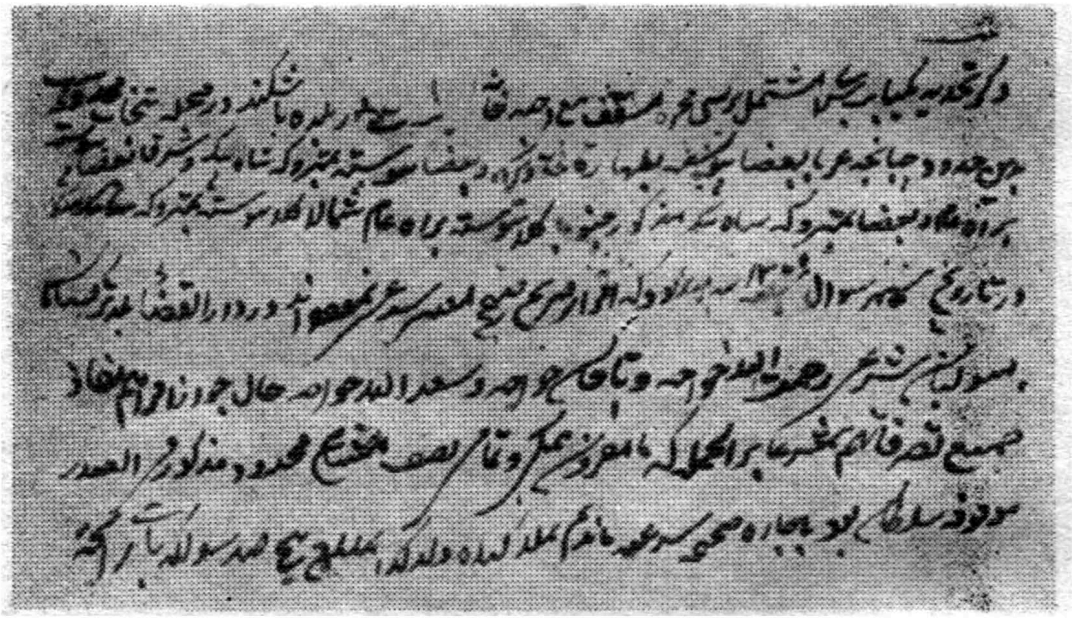

Рис. 16. Документ Т-300п/б

(4) В месяце шаввале года 1300 — [тысяча] трехсотого совершено: заявление ясное, определенное, заслуживающее доверия, законное сделали в Доме суда города Туркестана (5) законные мутавалли Рахматуллах-ходжа, Атахан-ходжа и Са дуллах-ходжа в состоянии правомочности своих распоряжений, (6) по закону, о том, что: «Мы, заявители, целиком и полностью половину упомянутого выше неделимого участка, (7) являющуюся вакфом Султана [знающих], сдали в *аренду[г] правильную, законную Мулла Кулаху, сыну такого-то, за сумму в пятьсот *целковых[е], обращающихся ⌐в настоящее время⌐ ... (Нижняя часть документа утрачена.)

Примечания:

а) Правый верхний угол документа оторван, полная датировка (X.1300/IX.1883 г.) восстанавливается по док. «б», стк. 4. б) Имя также восстанавливается по второй части документа, стк. 7. в) میشی چشم; описание примет появляется

в документах архива с 80-х гг. XIX в., вероятно, под влиянием русского делопроизводства. г) اجارت. д) جناب عالی. е) سولکه بای. ж) مع قبولهم ایاه. з) حجره مسقف مع رحیه خانه. и) متروکه. к) راه عام.

КОММЕНТАРИИ

1. **Саджжада-нишин** (سجاده نیشین) — букв. «сидящий на молитвенном коврике». Точное значение термина как наименования должности установить не удалось; ясно, однако, что эта должность связана с отправлением суфийских радений (*зикр*). В наших документах представлено около десятка указов разных ханов, подтверждающих права на эту должность Шариф-ходжи Азизлара и его отца Бехбуд-ходжи Азизлара.

2. **Таваллийат** (تولیت) — право распоряжения вакфным имуществом, принадлежащее мутавалли. Судя по документам, таваллийат вакфов мавзолея Ахмада Ясави, как правило, принадлежал трем мутавалли — ишанам Азизлару, шейх ал-исламу и накибу, и передавался по наследству вместе с этими званиями (см., напр., док. Т-179п). В некоторых ханских указах отмечается, что каждый из них является «мутавалли одной трети» (متولی بالثلث). К этим же трем мутавалли переходил таваллийат вакфов-*авлад*, когда не оставалось наследников вакфодателя-мутавалли (см. док. Т-1п Т-4п).

3. **Азиз** (عزیز) — букв. «дорогой, любимый», титулование суфийских шейхов. Обычно употребляется с суффиксом мн. ч. (перс. *-ан* или тюрк. *-лар*) в значении plur. ethic.

4. Т. е. из третьей части вакфов, которой распоряжался ишан ʻАзизлар (см. выше, комм. 2).

5. **По виду** печать отличается от обычных печатей кокандских правителей и, по мнению В. Н. Настича, формой и деталями рисунка близка печатям бухарских эмиров. Документ относится к «смутному времени» в истории Кокандского ханства; возможно, он издан правителем Коканда Ибрахимом Хайалем или ташкентским аталыком Мухаммад-Шарифом, назначенными бухарским эмиром Насруллахом после захвата Коканда и убийства Мадали-хана. — См.: *Набиев Р.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1966, с. 18.

6. **Такие надписи** имеются на многих документах, преимущественно на ханских ярлыках. Авторство надписей установить не удалось. Один из русских документов — Т-71р подписан: «Старшій помощникъ Начальника Чимкентскаго уезда /Капитанъ Арна...» (та же подпись, что и на публикуемом документе). Возможно, по данным других архивов удастся установить автора надписей, а также судьбу снятых копий, кото-

рых должно быть значительно больше, чем сохранившихся в Туркестане подлинников.

7. **Танаб** (طناب) — среднеазиатская мера площади, различная для разных областей. В XIX — начале XX в. во многих районах, включая Ташкент и Сырдарьинскую область, употреблялся танаб со стороной 60 аршинов (алчинов), равный $^1/_6$ десятины = 1820,83 кв. м. — *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с. 125—130.

8. **Дуккан** (دكان) или *дӯкӑн* (دوكان) — торгово-ремесленное предприятие, лавка-мастерская, где продавались как выработанные на месте, так и привозные изделия. — *Чехович О. Д.* Самаркандские документы XV—XVI вв. М., 1974, с. 378.

9. **Кана ат-шах парваначи (Кана ат-шах аталык)** — таджик, видный политический и военный деятель Кокандского ханства во время правления Малла-хана (1858—1862). Впервые упоминается в источниках как правитель г. Туркестана в 1263/1847 г., когда он отказался подчиниться хакиму Ташкента Азизу-парваначи, назначенному Мусульманкулом. После семимесячной осады Азиз-парваначи взял г. Туркестан, и Кана ат-шах бежал в Бухару. Вновь появился в Кокандском ханстве при Малла-хане в должности хакима Ташкента и прилегающего района до Сырдарьи, включая г. Туркестан. Командовал кокандскими войсками в сражении против русских при Узун-Агаче. Во время смут после убийства Малла-хана (24 февраля 1862 г.) поддержал Худайар-хана, вернувшегося из Бухары в Ташкент. Вскоре был послан Худайаром с подарками в Бухару, чтобы уладить возникшие разногласия, но по приказу эмира был убит. — См.: *Бартольд В. В.* Туземец о русском завоевании. — Соч., т. 2, ч. 2, М., 1964, с. 333—349; *Он же.* Извлечение из «Та'рих-и Шахрухи». — Там же, с. 350—358.

10. **Халват** (خلوت) — букв. «место уединения», в суфийской терминологии — жилище отшельника. В данном случае, возможно, имеется в виду подземное помещение по соседству с мавзолеем, куда, по преданию, удалился от мира Ахмад Ясави, достигнув возраста пророка Мухаммада.

11. **Ссылки** на сочинения по мусульманскому праву (араб.). Такие ссылки встречаются в большинстве документов типа *фатвӑ* в качестве прецедента, на основании которого выносится решение кази. (См. также док. Т-179п).

12. **Почти все иски** (دعوى), представленные в архиве, не имеют указания даты, и их хронологическое определение возможно лишь при наличии в тексте косвенных датирующих признаков, требующих специального исследования. В данном случае год 1282/1865—66 указан на оттиске печати Кул Ахма-

да-ходжи а'лама, использовавшейся до 1292/1875 г. Следующая по времени печать этого муфтия, датированная указанным годом, оттиснута на документе Т-31п.

13. **Сарай** (سرای). Обычно этим словом назывались различные здания и постройки общественного пользования (гостиницы, торговые помещения, склады и т. п.), в противоположность *хāна* — частным жилищам. Здесь и далее (док. Т-1п, Т-4п, Т-7п и Т-300п термин *сарāй* не переводится, поскольку не известно, какое назначение имели упомянутые строения. — Ср.: *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. — Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, с. 206—207; ср. также док. Т-300п/б, стк. 1.

14. Решение по промежуточному вопросу о признании Фатхуллаха-ходжи ответчиком по данному иску (ср. док. Т-179п, стк. 4—5). Интересно отметить, что в более поздних документах Фатхуллах-ходжа не упоминается как шейх ал-ислам; это звание унаследовал его брат Са'дуллах-ходжа.

15. **'Азиз-парваначи ('Азиз-бачча Чусти)** — один из видных деятелей Кокандского ханства. В 1263/1846—47 г. назначен Мусульманкулом на пост правителя Ташкента после убийства Сарымсака, сына Ширали-хана, правившего от имени бухарского эмира. После свержения Мусульманкула восстал против центрального правительства и добился возвращения своего покровителя. В результате восстания в Ташкенте, поддержанного кереучинским хакимом Нар-Мухаммадом кушбеги (см. комм. 17), Азиз-парваначи бежал к Мусульманкулу и получил придворную должность. Убит кыпчаками в 1266/1849—50 г. — *Набиев Р.* Ташкентское восстание 1847 г., с. 64—79.

16. بنابر روایت علماء عظام — имеются в виду авторы сочинений по мусульманскому праву, ссылки на которые постоянно встречаются в документах типа *фатвā* (см. выше, комм. 11).

17. **Нармухаммад-кушбиги (Нар-Мухаммад дадхох)** — известный политический деятель Кокандского ханства периода первого правления Худайар-хана (1845—1858). В 1263/1846—47 г., будучи хакимом Кереучи, выступил против ташкентского хакима Азиза-парваначи (см. комм. 15), поддержав тем самым восстание местных жителей. Захватив Ташкент, Нар-Мухаммад оставался его хакимом в течение нескольких лет. В 1853 г. играл видную роль в свержении власти кыпчаков во главе с Мусульманкулом. — *Бартольд В. В.* Извлечение из «Та'рих-и Шахрухи», с. 350—356; *Набиев Р.* Ташкентское восстание 1847 г., с. 76.

18. **Ускуна** (اسکنه) **или сукнийат** (سکنیت). Этим термином обозначается все, что произведено на несобственной земле: посевы, постройки и т. д. Сдающий землю в аренду не обладает правами на ускуна, которое является собственностью про-

изводителя. При прекращении аренды ускуна может быть продано собственником как хозяину земли, так и третьему лицу. Хотя в нашем документе не употреблено слово اجاره «аренда», можно полагать, что речь идет именно об аренде земли, поскольку вакфные владения не подлежали отчуждению из вакфа, что обязательно оговаривалось при составлении вакфной грамоты (ср. док. Т-27п/а, стк. 13). — О термине *ускуна* (*сукнийат*) см.: *Иванов П. П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954, с. 33; *Чехович О. Д.* Самаркандские документы XV—XVI вв., с. 29 (там же приведена библиография по вопросу).

19. **Ата-ходжа мирза.** На документе Т-131п имеется оттиск печати с легендой: *'Ата̄-ходжа-мӣрза̄, сын Шейх-Бадал-мӣрзы, 1286* (ср. также наст. док., стк. 20—21); видимо, письмо адресовано именно этому Ата-ходже.

Вообще, понимание текстов писем обычно затруднено тем обстоятельством, что в них часто встречаются намеки на факты и события, нам неизвестные. Из содержания данного письма можно заключить, что Ата-ходжа осуществлял контроль за делами вакфов, учрежденных его отцом Шейх Бадал-мирзой (см. комм. 22), а автор письма, мулла Арис-ходжа, замещал его на время отъезда. Письмо представляет собой отчет о состоянии дел в вакфах в отсутствие Ата-ходжи.

20. **Строки 3—8** содержат один из стандартных зачинов документов типа *хатт* и *'ариза*. В нашем архиве представлено около десятка образцов таких зачинов, выполненных писцами-каллиграфами в качестве руководства для составления писем — своего рода «письмовника». Насколько этот стандартный зачин, написанный сложным и вычурным языком, не связан с содержанием самого письма, видно из сравнения его со следующими строками 9—16. Основная часть письма написана по-таджикски с элементами разговорной речи и диалектизмами, весьма эмоциональным и образным языком, что также затрудняет понимание текста. Этим объясняется и некоторая условность перевода.

21. **Халим** (حليم). В доступных нам словарях это слово зафиксировно лишь в значении «кроткий, мягкий; терпеливый». Путем опроса местных жителей удалось выяснить, что так в г. Туркестане называлось ритуальное угощение, которое готовили из гороха, пшеницы и риса с мясом; смесь этих продуктов очень долго варилась в больших котлах в одном из помещений мавзолея — так называемой *халӣм-ха̄на,* разваривaясь до киселеобразного состояния. Затем это блюдо раздавалось паломникам и участникам *зикра.*

22. **Шейх Бадал-мирза** был назначен хакимом г. Туркестана в апреле 1816 г. после взятия города 'Умар-ханом коканд-

ским, см. Тухфат ат-таварих-и хани, рук. ЛО ИВАН С 440, л. 171а; Мунтахаб ат-таварих- и хани, рук. ЛО ИВАН № 457, л. 414 аб.

23. **Рустамбик-дадхох** (Рустамбик-би дадхох б. Казак-бай) исполнял должность хакима Туркестана в 1275/1858—59 г. Среди наших документов имеются его распоряжения, датированные этим годом. Позднее, в 1865 г. возглавлял бухарские войска, противостоявшие русским при продвижении к Ходженту. — *Халфин Н. А.* Политика России в Средней Азии. М., 1960, с. 219.

24. **Тахарат-хана** (طهارت خانه) — здесь, вероятно, употребляется в значении «помещение для ритуального омовения».

25. Можно полагать, что именно этот сарай упоминается в документах Т-1п и Т-4п. Таким образом, устанавливаются размеры вакфного владения и сумма арендной платы. Перечисленные здесь мутавалли являются сыновьями и наследниками распорядителей того же вакфа более раннего времени — ʻАбдаллах-ходжи накиба, Шариф-ходжи ʻАзизлара и Насрулла-ходжи шейх ал-ислама (см. док. Т-4п и комм. 2).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Кумеков Б. Е. Расселение карлуков по карте ал-Идриси (XII в.) 5

Кумеков Б. Е. Сообщение ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков 12

Байпаков К. М., Настич В. Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара 20

Кузнецова Э. Ф. Спектральный анализ серебряных вещей клада XIII в. из Отрара 60

Зуев Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии). 63

Мингулов Н. Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды 79

Пищулина К. А. Казахское ханство во взаимоотношениях с Могулистаном и Шайбанидами в последней трети XV века . . 95

Абусеитова М. Х. Из истории казахско-среднеазиатских отношений: события 1598—1599 годов 124

Султанов Т. И. Сословие султанов в Казахском ханстве в XVI—XVII вв. 142

Сабырханов А. Исторические предпосылки для ликвидации ханской власти в Казахстане (на материалах Младшего и Среднего жузов). 149

Шуховцов В. К. Письменные документы из города Туркестана 164

КАЗАХСТАН В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА
(проблемы этнополитической истории)

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: кандидаты исторических наук *С. Г. Кляшторный*, *Х. Аргынбаев*

Редактор *Л. И. Дробжева*
Худ. редактор *А. Б. Мальцев*
Оформление *В. Н. Настича*
Техн. редактор *Е. М. Тахметова*
Корректор *Р. А. Баяндина*

ИБ № 468

Сдано в набор 17.11.80. Подписано в печать 25.12.80. УГ03027. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 12. Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 1750. Заказ 187. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
Адрес издательства и типографии: *480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28.*